

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-М

Комплексные проблемы
современной политики

научный журнал
№1/2014

Учредители:

Молодежное отделение
Российской ассоциации политической науки

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Редакционная коллегия журнала:

Гонцов К.В.
(главный редактор)

Артёмов А.В.
(выпускающий редактор)

Кучинов А.М.
(отв. секретарь)

Гончарик А.А., к. пол. н.
Маркарян А.Г., к. соц. н.
Руденкин Д.В., к. соц. н.
Сунгуров А.Ю., д. пол. н., профессор
Трегубов Н.А., к. пол. н., доцент
Хвощев В.Е., к. филос. н., доцент

Придворова Ю.В.
(дизайн)

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL VECTOR-M

ISSN 2307-5481

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,
доп. тел.: +7 (952) 528 98 86,
+7 (906) 869 63 20

email: politvek@gmail.com

web: www.morapn.ru

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л. 11,5
Тираж - 500 экз.
Номер заказа 339\482
Цена свободная

Периодичность выхода:

2 раза в год

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР – М: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ»

представляет собой коммуникативную площадку будущих ученых и исследователей, а также специалистов интересующихся теорией и практикой политической науки.

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных аспектов (политического, социального, экономического, правового, духовного) жизни общества и государства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем принимаемых к рассмотрению статей: 5-30 тыс. знаков, рецензий – 10-20 тыс. знаков, шрифт «Times New Roman» 12, интервал одинарный, форматирование по ширине.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (300-500 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, ученое звание, должность и полное название места обучения/работы, город, адрес электронной почты). Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на английском языке.

Текст статьи и вся сопровождающая информация должны быть представлены в одном файле в установленном порядке: название статьи (рус./eng), информация об авторе (рус./eng), аннотация (рус./eng), ключевые слова (рус./eng), текст статьи, библиографический список (рус./eng).

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте статьи.

При оформлении внутритекстовых, затекстовых и библиографических ссылок руководствоваться требованиями Scopus. Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещенном после текста статьи на русском и на английском языках. Англоязычная часть содержит перевод и частичную транслитерацию русскоязычных источников на английский язык. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат: порядковый номер из списка литературы, номера цитируемых страниц.

Документы принимаются в форматах doc, docx, rtf.

МОЛОДЕЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

www.morapn.ru | vk.com/morapn | fb.com/morapn

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

www.susu.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

4	Лезьер В.А. Крым: pro и contra (обзор политической прессы во Франции)	
11	Танаев В.М. Крымские тезисы	
17	Тиняков Д.К. Крымский кризис реализма	ТЕМА НОМЕРА: КРЫМ «НОВАЯ ПО- ЛИТИЧЕСКАЯ РЕ- АЛЬНОСТЬ»
24	Кривоносова Ю.С. Политическое измерение интеграции, или выборы и партийное строи- тельство в Крыму по российским стандартам	
29	Батищев Р.Ю. Идентичность и пространственные мифы в нациестроительстве совре- менной Украины	
36	Коробкова А.Д. Вступление России в ВТО: позиции групп интересов в печатных СМИ	ИССЛЕДОВАНИЕ
44	Балашов А.Н. Информационные технологии в деятельности российских полтиличе- ских партий: особенности и тенденции развития	
49	Писарчук Д.И. Роль сетевого партийного бренда в развитии современного государства и общества	
53	Ведмецкая Л.В. Роль динамических способностей в исследовании проблемы развития государства в современной политологии	НОВЫЕ ВЕКТОРЫ
63	Казун А.П. Государство, насилие и бизнес: стратегии захвата бизнеса, способы его защиты и роль деловых ассоциаций	
71	Шевелёва Т.Н., Тимофеев О.А. «Мягкое обаяние» красно-желтого дракона: внешняя политика Китай- ской народной респблики в начале XXI века	
76	Голубчиков Н.С. Формирование и развитие человеческого капитала Урала (1991-2001 гг.). К постановке проблемы	ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
80	Азнабаев С.Р. Партийно-государственные кадры в СССР: подбор, подготовка, расста- новка (1980-е – начало 1990-х гг.)	
84	Ежи Йозеф Вятр (Jerzy Jozef Wiatr) <i>беседовал Кучинов А.М. (Kuchinov A.M. talked)</i> Интервью с профессором Ежи Йозефом Вятром	МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
101	Фахразеева С.Р. Седьмая Всероссийская Ассамблея молодых политологов	МЕРОПРИЯТИЯ
107	Авторские справки	АВТОРЫ
109	Содержание и аннотации на английском языке	CONTENT AND SUMMARIES

Редакция не несет ответственности за позицию и точку зрения авторов.

КРЫМ:PRO И CONTRA (ОБЗОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ ВО ФРАНЦИИ)

Лезьер В.А.

В статье дается обзор мнений, опубликованных во французской прессе марта 2014 года, посвященных теме «Крым»: от заявлений, осуждающих действия России, до анализа французских политологов, журналистов, экономистов, которые стремятся объективно подойти к этому сложнейшему вопросу современности.

Ключевые слова: Крым, Россия и Европа, мартовский договор, цели и формы решения крымского вопроса.

In article the review of the opinions published in the French press of March, 2014, devoted to the subject «Crimea» is given: from the statements condemning of action of Russia, to the analysis of the French political scientists, journalists, economists who seek to approach to this most difficult question of the present objectively.

Keywords: Crimea, Russia and Europe, March contract, purposes and forms of the solution of the Crimean question.

Крым...Общественные газеты и журналы Франции содержат полемические статьи, в которых не прекращаются дискуссии о судьбе Крыма, о роли России в ситуации политического кризиса Украины, об отношении Европы к действиям российского правительства, о сценариях разрешения конфликта и даже о конкретных проектах – рецептах, которые предлагают французские экономисты, политологи, общественные деятели. Главный вопрос, который волнует всех: вступит ли Украина в союз с Европой-США, и отвернется от России? Или воссоединиться с нею, частью своих территорий?

Мнения разделились. Есть официальные заявления глав европейских государств, осуждающих действия России, лично президента В.В. Путина в тех способах, которые он избрал для решения крымского вопроса. С другой стороны, есть мнения французских политологов, журналистов, экономистов, которые стремятся объективно подойти к анализу темы «Крым».

1. Критическая линия оценок

Сначала проиллюстрируем первую линию мнений и оценок, критическую.

Газета «Le Figaro» цитирует эту тему, в какие формы облакаются многочисленные реакции западных стран, в частности, осуждение акта присоединения Крыма к России. Речь Путина, в которой президент России сообщил о подписании мартовского «исторического» договора, присоединяющего Крым к России, призвана националистской. При этом, заявления западных властей призваны разоблачить «неправомерность действий России». Многократно повторяются фразы, призывы, заявления, приведенные ниже.

«Россия выдвинула целый веер аргументов, чтобы оправдывать то, что не является ничем другим, кроме как конфискацией территории», – так реагировал вице-президент США, Джо Бидан. «Политическая и экономическая изоляция России может только увеличиться, если она продолжит настаивать на том же пути, и она увидит новые санкции от имени США и ЕС», – предупредил Бидан.

«Односторонняя декларация независимости Крыма и интегрирование, постановленное в этот день с Российской Федерацией – неприемлемые удары, нанесенные в территориальную целостность Украины», – так оценили ситуацию Барак Обама и немецкий канцлер, Ангела Меркель, в ходе официальных переговоров по телефону.

«Я осуждаю объявление, сделанное президентом Путиным, новых законов, присоединяющим Крым к русской Федерации», – заявил генеральный секретарь НАТО, Андерс Фог Расмуссен, в коммюнике. «Россия не приняла в расчет призывы, приглашающие ее придерживаться норм международного права. То, что Россия поддержала такой курс, может только привести к ее изоляции на международной арене», – добавил он.

Газета цитирует и многократные заявления о том, что аннексия Крыма незаконная и о том, что союзники НАТО ее не признают: Европейский союз «не признает аннексию Крыма и Севастополь», захваченный Россией, – утверждали в совместном заявлении президенты Европейской комиссии и Европейского совета. «Суверенитет, территориальная целостность и независимость Украины должны быть соблюденными. ЕС не признала ни незаконного референдума в Крыму, ни его результата. ЕС не признает аннексию Крыма и Севастополя Российской Федерацией», – заявили Хосе Мануэль Баррозо и Хермэн Ван Ромпюи.

В газете «*Les Echos*» тема «Крым» трактуется, как решение проблемы русского влияния в Украине. Ситуация сравнивается с Грузией в 2008 году. Причем, прямо указывается на то, что цель Владимира Путина, ясна: сохранять некоторый контроль над автономной республикой Крым, присоединенной к Украине с 1954 году, и защищать, таким образом, русское военное морское основание Севастополя на Черном море. Авторы статей повторяют вывод Европейского сообщества, что Россия должна соблюсти территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины. Делается прогноз: ситуация ухудшится, если Москва не согласится потерять свое влияние на тех территориях, которые она рассматривает в качестве ее «ближнего зарубежья», и мечтает о большом евразийском союзе, который создал бы конкуренцию Европейскому союзу.

Вывод приводится однозначный, что Москва отказывается, таким образом, от любого признания – по крайней мере, в настоящий момент – правительства переходного периода в Киеве, происходящем из революции Майдан. Однако газета не склонна говорить о Крыме, как провокации новой холодной войны. Утешительными представляются и рассуждения о малой вероятности, того, что сейчас русские танки проникнут в Киев, как советские войска это сделали в 1956 году в Венгрии, чтобы укрощать восстание, или еще в 1968 году – в Праге. Кроме того, как подчеркивают, Россия продолжает принимать участие в операциях с НАТО, например, в борьбе против терроризма и пиратства, даже распространения оружия массового поражения.

Газета «Le Courrier de Russie» рисует тему «Крым» в сравнительном аспекте, привлекая читателей к сопоставлениям: Россия и Крым – Франция и Бретань: «Представьте Францию без Бретани (27 000 km², как Крым). Это значило бы как пытаться заставить себя исчезать нос с середины фигуры». Газета предлагает свою правду народам Украины: это стремление к союзу и союзническим отношениям.

В целом, обзор критических выступлений в адрес России свидетельствует еще о том, что существует разница в понимании **целей и форм решения крымского вопроса у Европы и России**. В случае конфликта с Украиной, реакция Запада заключалась в игнорировании дипломатических путей выхода из сложившейся ситуации и заявлении о том, что Россия будет исключена из ближайшего заседания «Большой восьмерки», застав Москву врасплох. Разумеется, что когда все пути к ведению диалога отрезаны, единственный способ заставить услышать свои аргументы – это ведение активных действий.

Как пишет Ирен Коммо Лопухина, «Что касается санкций, те, о которых было заявлено на сегодняшний день, поражают своей неэффективностью и выставляют на смех глав западных стран в глазах российской общественности. Более жесткие санкции будут иметь эффект бумеранга для европейской экономики. В противном случае, они подтолкнут Россию в объятия Китая, который только этого и ждет. Не лучше было бы собраться всем за одним столом, отбросить всякие предрассудки и искать пути да из сложившейся ситуации на Украине совместными усилиями? Или мы предпочтем пребывать во власти эмоций, вместо того, чтобы заниматься «реальной политикой», ведущей к выработыванию международной политики?» (*Русская Зарубежная Газета – март 2014*).

2. Поддержка позиции России

Итак, хотя французское правительство придерживается критической линии по вопросу Крыма, но во Франции, во французской прессе, весьма часто слышны голоса политологов, интеллектуалов, экономистов высокого уровня, **поддерживающих позицию России**.

Журналист **Мишель Сигаль** в статье «Путин – глава государства» («Magistro») высказывает сочувствующую позицию по отношению к Украине и пытается понять мотивацию русского президента. В статье Мишеля Сигалья приводятся слова Владимира Путина, которые президент обращает журналистке: «Послушайте меня внимательно, поймите одну вещь. Это решение было принято исключительно в целях защиты украинских граждан. (...) Пусть только попробуют стрелять в женщин и детей, они нас найдут. И мы будем стоять не впереди них, а сзади» (*Русская зарубежная газета, март 2014, № 250, перев. Ольги Касимовой*).

Журналист при этом не ограничивается простым цитированием высказываний президента. Он пишет о Путине, как о человеке, эмоционально и с большой болью переживающем за судьбу людей, и потому наполняющим искренностью диалог с собеседниками: «Путин не за столом и не за пюпитром, он не возвышается на сцене, окруженный своими близкими и телохранителями, в десяти метрах от журналистов, как это обычно делают политики, чтобы избежать близкой дистанции, не позволяющей им скрыть ложь и наигранность. Он один, прямо перед журналистами, без каких-либо бумажек, на одной высоте с ними. Он не похож на того, кто

пришел рассказывать заученные речи перед пресыщенными и засыпающими журналистами, он здесь не чтобы просто пообщаться, он здесь, чтобы высказаться. Он от них на расстоянии вытянутой руки. В этой связи, крупный план журналистки, которой он отвечает, выглядит очень волнующе. Она действительно слушает, потому что он действительно обращается к ней... Тон Владимира Путина, его волнение, его вера неподдельны. Он говорит о защите своих, а не о отстаивании каких-то принципов... Президент одной из самых влиятельных наций, его губы немного дрожат, видно, что им завладели эмоции, что-то, что ужасно волнует его и руководит им. Можно подумать, что это напускное, что все это разыграно (не исключено, что это так и есть, это не суть важно), но его речь, выправка, переживания, взгляд оратора, все это свидетельствует о величии, чести, братстве, о смелости человека действия.

Его смелость ощущается даже в его местоположении во время пресс-конференции, которое весьма не случайно и свидетельствует о его желании высказать правду» (*Русская зарубежная газета, март 2014, № 250, перев. Ольги Касимовой*).

Другой волнующий момент, который подчеркивает журналист, – это употребление Путиным местоимения «мы», то, как часто он повторяет: они найдут «нас», «Мы» будем сзади них. Местоимение «мы» звучит как выражение соборности, как отсылка на сложившееся единое сообщество, «в котором уже не проводится граница между гражданами и военными или политиками, когда кажется, что каждый, включая самого Путина, может взять в руки оружие, чтобы защищать своих. И есть в этом что-то братское, символ большого единства народа на основе общих ценностей» (*Русская зарубежная газета, март 2014, № 250, перев. Ольги Касимовой*).

Люк Ферри – философ, бывший министр народного образования Франции в статье «**Санкции против Путина: какая ошибка!**» (*«Le Figaro» – 20 марта 2014*) пытается провести анализ обстоятельств, которые привели Россию к принятым относительно Украины решениям.

Ферри прибегает к простому и проверенному средству – к истории.

Во-первых. Действительно, исторически, Крым принадлежал России с XVIII века. В 20 веке условия передачи Крыма Украине в 1954 году в то время сталинским СССР не имеют никакой юридической ценности.

(Напомним, что Президиум Верховного Совета, который должен был утвердить решение Н. Хрущева о переводе Крыма из состава РСФСР в состав УССР, проголосовал за это 13 голосами. В состав Президиума входило 27 человек, так что не было кворума (остальные 14 просто отсутствовали). Крым (не говоря о Севастополе) исторически и этически принадлежит России).

Во-вторых. Выборы Януковича в качестве президента, – независимо от фактов о его правлении и уровне коррупции, которые нам стали известны, не становятся от этого менее законными, в отличие от временного правительства Украины, которое ни в коей мере не является легитимным. Эти люди, пришедшие с улицы и захватившие власть, не были избраны путем всеобщего голосования.

В-третьих. Принятое в феврале решение Киева лишить русскоговорящих их языка поражает своей необдуманностью, это не только абсурдная, но и бесполез-

ная провокация. **Четвертое.** Говорить, что российская армия захватывает Крым – это просто нелепо. Лишь тот, кто никогда не был в Севастополе, может не знать о вполне законном присутствии российской армии в соответствии с договором, подписанным много лет назад.

В конечном счете, какие бы юридические мотивы ни приводились в качестве аргумента, и как было продемонстрировано, они достаточно несостоятельны, никто не может оспаривать тот факт, что, в большинстве своем, жители Крыма хотят присоединиться к России. Во имя чего мы должны одним махом отменить право народа на самоопределение? Даже если мы допустим факт ускоренной процедуры проведения референдума, все социологические опросы населения доказывают, что, несмотря ни на что, его результаты соответствуют истинному положению вещей, и непонятно почему это не должно быть принято во внимание.

Таким образом, по мнению Ферри, были веские и обоснованные причины и для референдума в Крыму, и для возможностей признания Евросоюзом, и, в частности Францией, правомерности действий В.В.Путина. Философ убежден в том, что именно европейцы должны были оказать содействие в примирении двух сторон, найти компромисс вместо того, чтобы настраивать два лагеря друг против друга. Например, предложить большую независимость Крыма, чтобы избежать ситуации, при которой Крым, подвергнувшись провокациям со стороны непризнанного им правительства Киева, как это уже было сделано, согласится несмотря ни на что, остаться в составе федеральной Украины.

Россия и Европа – это еще одна важная тема, которая обсуждается в последние недели во французской прессе. Люк Ферри говорит о диалоге России и Европы, очерчивая грани двух проблем. С одной стороны, это постоянная борьба США за сферы влияния, когда Президентом Обамой движет только одна идея: ослабить Россию, насколько это возможно, в гонке за Азию. Очевидно, что Обаму больше не интересует Европа, которую он считает «слишком старой и больной, чтобы иметь будущее». С другой стороны, это диалог Европы и России. Ферри склоняется к идее единства Европы и России. Философ пишет: «Россия – великая страна, чья литература, искусство, музыка и политика всегда имели и имеют по сей день неопределимую значимость. Это также одна из основных военных и даже экономических держав. Угрожать ей санкциями оскорбительно и в любом случае бесполезно, безрезультатно, более того – смешно. Разрывать диалог с Россией – это нелепо. Помилуйте, не будем вешать себя на крючок этого заблуждения!».

Интересными видятся размышления **Жан-Пьера Шевенмана**, который был свидетелем многих геополитических кризисов. Сенатор, спецпредставитель МИД Франции по развитию отношений с РФ, тонкий знаток России, анализирует напряженность в отношениях, создававшаяся между Украиной, Путиным, Европой и США. В своем выдающемся труде «1914-2014 гг., Европа вне истории?» (изд. Файяр, 2013 г.), он объясняет, какие, по его мнению, должны быть дипломатические отношения между Парижем, Берлином и Москвой. Он призывает к мирному выходу из сложившейся ситуации, которая сблизила бы Россию и Европу. В интервью, взятом французскими журналистами Ежени Бастье и Венсан Тремоле де Вилье (*LE FIGARO*, 8 марта 2014) Жан-Пьер Шевенман подчеркнул, что на сегодняшний день важнее всего определить пути выхода из кризиса, поскольку нет ни-

какого идеологического и военного повода для новой холодной войны в Европе. Более того, важно помнить о тесной связи России и Европы, о том, что по сути Россия – «это огромная европейская страна. Она простирается одновременно на европейском и азиатском континентах, но ее народ неоспоримо является европейским народом: нашей культуре не хватало бы чего-то главного без русского романа, Толстого, Достоевского, без пьес Чехова, балетов Дягилева, музыки Чайковского, живописи Сутина. И потом, в историческом плане, Франция как раз-таки должна знать все, чем она обязана России: в 1914 г. мы были очень рады иметь в союзниках русских, когда были битвы на Марне, и еще больше во время Второй мировой войны. Мы обязаны России за огромные потери, которая она понесла, чтобы переломить хребет нацистской Германии. Невозможно перечеркнуть историю одним росчерком пера» (*LE FIGARO*, 8 марта 2014).

Напомним, что в своей книге Жан-Пьер пишет о неизбежности перспективы «Европы с расширяющимися границами», единственно возможном решении, чтобы руководить 28 европейскими странами, а то и более... В интервью французским журналистам Шевенман разъяснил видение этих перспектив. Он подчеркнул, что Европа представляет собой более половины российского импорта-экспорта, поэтому сложилась «сильная взаимозависимость в энергетическом и экономическом плане: мало кто из французов знает, что более миллиона автомобилей, выпущенных в России, то есть треть от общего числа, производятся французскими марками... Мало кто имеет представление об огромных инвестициях на Ямальском полуострове, вложенных в разработку залежей природного газа. Это значительные инвестиции (30 млрд.), и французский нефтяной гигант Total тоже вкладывает туда свои инвестиции. Россия – это развивающаяся страна, географически не столь удаленная от нас, ведь Москва в трех часах полета от Парижа. Французские предприятия, имеющие свои филиалы в России, вовсе не желают, чтобы кризис обострился» (*LE FIGARO*, 8 марта 2014).

Наконец, бывший президент Франции **Валери Жискар д'Эстен** (с 1974 по 1981 годы) назвал **Россию «главным партнером Европы»** и заявил в Париже 12 марта 2014 года о важности поддержания хороших отношений с ней. «Россия со своими необъятными просторами, богатыми природными ресурсами и экономикой прекрасно дополняет Европу», – подчеркнул он в интервью газете *Opinion*. Еще Шарль де Голль указывал на то, что Россия призвана быть главным партнером Франции на востоке от Европы». Жискар д'Эстен отрицательно отозвался о критике западных стран в адрес России и, в частности, ее президента Владимира Путина: «Они забывают, что именно Путин сумел стабилизировать Россию после хаоса и беспорядка, в котором она пребывала на момент, когда он пришел к власти», – отметил экс-президент. Он также призвал не уподобляться США, «чья дипломатия нацелена исключительно на ослабление России». «Киев находится в нескольких сотнях километров от Москвы, и надо ли говорить, что давление Запада на его власти Россия считает неприемлемым», – подчеркнул Жискар д'Эстен. Он напомнил, что первый кризис в отношениях между Россией и США произошел после того, как американцы предложили Украине и Грузии вступить в НАТО. «Это стало большим шагом назад в отношениях между двумя государствами», – отметил он. (*Международная панорама, корр. ИТАР-ТАСС, Париж, 12.03.2014*).

Итак, маленькая прекрасная страна Крым стала поводом для большой политики, для фундаментальных рассуждений и осмыслений, для возвращения к страницам истории взаимоотношений не только России и Украины, но и трех геополитических гигантов, занимающих пространство мировое – России, США и Европы. Как будут дальше складываться эти отношения – покажет время.

Литература

1. Мишель Сигаль. Путин – глава государства // Русская зарубежная газета, март 2014, № 250, перев. Ольги Касимовой;
2. Дмитрий Орлов. Интервью с Валери Жискар д'Эстененом // Международная панорама, корр. ИТАР-ТАСС, Париж, 12.03.2014;
3. Ежени Бастье, Венсан Тремоле де Вилье. Интервью французских журналистов у Жан-Пьера Шевенман // «Le Figaro», 8 марта 2014;
4. Люк Ферри. Санкции против Путина – какая ошибка // «Le Figaro», 20 марта, 2014, перев. Марии Синицкой;
5. Ирен Комо-Лопухина, Куда нас могут привести общеевропейские заблуждения? // Русская зарубежная газета, март 2014.

References

1. Mishel' Sigal'. Russian foreign newspaper [Russkaja zarubezhnaja gazeta]. Putin – glava gosudarstva, mart 2014, no. 250, perev. Ol'gi Kasimovoj;
2. Dmitrij Orlov. International Panorama [Mezhdunarodnaja Panorama]. Interv'ju s Valeri Zhiskar d'Jestenenom, korr. ITAR-TASS, Parizh, 12.03.2014;
3. Ezheni Bast'e, Vensan Tremole de Vil'e. Le Figaro [Le Figaro]. Interv'ju francuzskih zhurnalistov u Zhan-P'era Shevenman, 8 marta 2014;
4. Ljuk Ferri. Le Figaro [Le Figaro]. Sankcii protiv Putina – kakaja oshibka, perev. Marii Sinickoj, 20 marta, 2014;
5. Iren Komo-Lopuhina. Russian foreign newspaper [Russkaja zarubezhnaja gazeta]. Kuda nas mogut privesti obshheevropejskie zabluzhdenija? mart 2014.

Танаев В.М.

В статье рассматриваются вопросы преподавания ситуации в Крыму для студентов-юристов. В качестве методического подхода предлагается метод феноменологического моделирования, в соответствии с которым строится модель из феноменологических ядер так называемых «ограниченных теорий», которые, точно описывая ситуацию в частных областях, не претендуют на всеобщий характер. Исходя из этого подхода ситуация в Крыму рассматривается как продолжение общей тенденции в развитии чувственной культуры, когда экономическая глобализация требует создания общего рынка, без государственных границ (де факто), для чего привлекается правовой механизм приоритета принципа национального самоопределения и гуманитарной превенции над принципом территориальной целостности (нерушимости границ) в геополитической деятельности государств-лидеров мирового развития.

Ключевые слова: *Крым; принцип нерушимости границ государства; принцип территориальной целостности государства; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип гуманитарного вмешательства; феноменология; моделирование; социокультурная динамика; глобализация; типология; этногенез; этнопсихология.*

The article considers the problems of teaching of the situation in the Crimea for students-lawyers. As a methodological approach, a method of phenomenological modeling, in compliance with the construction of a phenomenological model of nuclei of the so-called «limited theories», which accurately describing the situation in private areas, do not claim to be universal. Based on this approach the situation in the Crimea is considered as a continuation of the General trends in the development of sensual culture, when economic globalization requires the creation of a common market, without state borders (de facto), which involved the legal mechanism of the priority of the principle of national self-determination and humanitarian prevention over the principle of territorial integrity (inviolability of borders) into geopolitical activity of leading States of the world development.

Keywords: *Crimea; the principle of inviolability of borders of States; the principle of territorial integrity of States; the principle of equal rights and self-determination of peoples; the principle of humanitarian intervention; phenomenology; modeling; socio-cultural dynamics; globalization; typology; ethnogenesis; environmental education.*

Ducunt Volentem Fata, Nolentem Trahunt

Желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит
(Клеанф, пер. Сенека
«Нравственные письма к Луцилию»)[1, 107;1, 11]

1. Сутью крымского конфликта является нарушение международноправового принципов нерушимости границ и территориальной целостности государства на основе принципа равноправия и самоопределения народов [2]. Возникает вопрос о том, как «вписать» это событие в общий теоретический ряд юридических дисциплин. Для этого предлагается использовать метод феноменологического моделирования [3], когда конструируется теоретическая модель из феноменологических «ядер» ограниченных теорий (они, точно описывая ситуацию в частных областях, не претендуют на всеобщий характер) [4], которая с высокой эвристической вероятностью описывает *status quo*. В соответствии с этим подходом данная ситуация выглядит следующим образом.

2. На международном уровне продолжается действие общественных (само)регуляторов, которые приобретают глобальное измерение. (Национальная) экономика превращается в (глобальную) Экономику, вовлекающую в свою орбиту экономическую деятельность всего населения мира. (Государственная) власть становится (международной) Властью, осуществляемой как национальными государствами непосредственно (США, Франция, Англия) или их объединениями (НАТО), так и под международным мандатом Совета Безопасности ООН. (Национальное) право превращается в (международное) Право международных договоров различного рода (от Устава ООН до межгосударственных соглашений). (Общественная) Мораль претерпевает изменение, связанное с усилением роли «цивилизационных моральных систем» стран-лидеров мирового экономического, политического и военного развития. Это изменение придает национальной моральной системе глобальный характер, превращая ее в (мировую) Мораль (что не отменяет как наличие других «цивилизационных моральных систем», так и конфликты между ними). Таким образом формируется модель «Глобальные (само)регуляторы» со следующим характером взаимоподчинения: Экономика (самый важный и самый сильный (само)регулятор) – Власть – Право – Мораль.

3. Такой характер взаимоподчинения задается моделью «Социокультурная динамика (европейской) цивилизации», построенной на основе теоретических представлений П.А. Сорокина [5]. В соответствии с этой моделью происходит циклическая смена приоритетов общественной (само)регуляции: от верховенства Морали над Экономикой (идеациональная культура) до обратной ситуации, когда Экономика превалирует над Моралью (чувственная культура). Власть и Право при этом носят вспомогательный характер, поддерживая и отражая (соответственно) этот процесс. В наше время (с эпохи великих географических открытий) влияние социокультурной динамики европейской цивилизации начинает носить глобальный характер, реально определяя экономическое, политическое и военное развитие всего мира. Таким образом вышеописанная модель приобретает международный характер.

4. Внутренняя логика саморазвития ведущего (само)регулятора – Экономики, наиболее четко сформулирована в модели «Саморазвитие рыночной экономики», в соответствии с которой основным итогом волнообразно развивающейся (маятник Вальраса [6]) национальной рыночной экономики является достижение точки максимальной эффективности, в которой соблюдается принцип минимакса (распределение по Парето – 20:80 [7]), а дальнейшее развитие невозможно без привлечения

ресурсов извне (экономический механизм глобализации). Именно потребности экономической глобализации являются сегодня ведущим двигателем мирового развития [8]. Именно стремлением группы ведущих экономик мира (ОЭСР, G8 и G20) к созданию единого рынка капиталов и ресурсов (в т.ч. и людских) объясняется явное снижение значимости принципа территориальной целостности (нерушимости границ, государственного суверенитета).

5. Эта глубинная экономическая потребность реализуется путем геополитического силового (властного) столкновения стран - мировых экономических и политических лидеров, итогом чего является международно-правовое оформление вновь сложившегося status quo. То есть «сила права» вступает в действие только после «права силы» и эта ситуация существует еще со времен Вестфальского мира (1648). Окончательно эта система сложилась после Великой Французской революции (1789-1794) [9]. В международном праве это нашло свое отражение в принципе нормативной фактичности. Сформировавшаяся базовая система принципов международного права находится в состоянии периодического изменения, когда принцип территориальной целостности (являющийся выражением государственного суверенитета) находится под давлением (в силу экономических потребностей глобализации) со стороны принципа национального самоопределения, а также принципа гуманитарного вмешательства. Сложившаяся к началу XXI века его «версия 1.0», когда принцип территориальной целостности может быть нарушен в случае массового геноцида и т.п., после Косовского прецедента и решения Международного суда была сменена «версией 2.0», когда это может быть сделано населением части территории самостоятельно и без учета мнения центрального правительства. Наиболее сильный удар по принципу территориальной целостности (нерушимости границ) был нанесен фактической реализацией принципа гуманитарного вмешательства (в том числе и превентивного) (принуждение к миру в Южной Осетии (2008), вторжение Франции в Алжир после электоральной победы исламистов).

6. Таким образом, формируется новая правовая структура мира, когда группа государств-лидеров защищает свою территориальную целостность (путем включения в Конституции положения о невозможности выделения части своей территории) в то время как для всех остальных стран этот принцип реально не действует, как в случаях, касающихся нарушения прав человека (явно), так и в случаях наличия экономических интересов государств-лидеров (скрытно). Эта политическая структура является наиболее оптимальной для функционирования экономик стран-лидеров, соответствуя распределению 20:80, точнее его варианту «социологического золотого сечения» 4 (как 20% от 20%): 16 (как 80% от 20%) : 80 , где 4% стран-лидеров (например, G8) и 16% стран - будущих лидеров (например, страны БРИКС), образуя в сумме 20% ведущих стран (например, G20), располагают 80% мировых богатств. При отсутствии адекватных властных регуляторов распределение экономического богатства смещается «вправо» (например, $5 : 95$), что неизбежно ведет за собой усиление мировой политической нестабильности (например, появление «оружия слабых» - терроризма).

7. В соответствие с моделями «Этногенез» (по Л.Н. Гумилеву [10]) и «Этнопсихологические структуры и их взаимодействия» (создана на основе модели «Ти-

пологическая структура подсознания по К.-Г. Юнгу» [11] в модификации К. Бриггс и И. Майерс-Бриггс [12]), на протекающие на Украине события особое влияние имеет процесс формирования (с начала XX века) собственно украинского этноса (с основным пассионарным ядром на Западной Украине), характеризующийся закономерным активным противостоянием родственному этносу – русским. Этот тип этнопсихологических реакций можно наблюдать, например, во взаимоотношениях между родственными этносами чеченцев (этномонада ISTP, психотип Мастер [13]) и ингушей (этномонада ISFP, психотип Посредник), характеризующихся признаками «родственных» (PO) интертипных отношений [14]. Особое напряжение процессу этноформирования украинцев придает то, что что интертипные отношения между русской (ESTP, психотип Маршал – INFP, психотип Лирик) и украинской (ESFJ, психотип Энтузиаст – INTJ, психотип Аналитик) этнодиадами носят характер «Начальник – Подчиненный» (в обеих формах: «начальник – пряник» (отношения «заказа» (З) и «начальник-кнул» (отношения «ревизии» (Р)). Отсюда происходит напряженный характер межэтнического взаимодействия: то недовольства политической пассивностью населения Восточной Украины (как русского субэтноса, этнопсихологически близкого украинскому – психотип ESFJ, Энтузиаст) до прямой обструкции крымчан (как представителей основного русского этноса). Накладывающееся на эти процессы формирование украинской национальной (гражданской) идентичности делает общую ситуацию достаточно лабильной и зависимой от внешних факторов (например, общий гражданский подъем в Крыму против ситуации «50:50» на Юго-Востоке Украины).

8. Дополнительным фактором нестабильности является собственно отношение украинской этнодиады (ESFJ – INTJ) к персоналиям российского руководства. Оно варьирует от достаточно острого неприятия Путина (психотип ISTP, Мастер) в форме «ревизных» (Р) или «казачьих» (З) интертипных отношений до инертного «подавления» (ПО) и отношений «суперэго» (СЭ) (характеризующихся стойким подсознательным убеждением, что каждый из партнеров «тянет одеяло на себя») по отношению к фигуре Медведева (психотип ISFJ, Хранитель).

В заключение можно сказать, что сейчас Украина находится в точке бифуркации своей истории, когда решается вопрос будет ли она существовать как самостоятельное государство и будет ли она входить в мировую олигархию (20%) (что, к сожалению, пока маловероятно) или станет частью мировой ресурсной «массы» (80%), упустив свой шанс присоединиться к какому-либо «центру силы» (Евросоюз, Россия).

Россия же своим поведением возрождает надежду на подъем своего статуса в мировом олигархическом клубе, а создавшаяся политико-экономическая ситуация является мощнейшим цивилизационным вызовом, ответ на который (будем надеяться на лучшее) мы узнаем в ближайшее время.

Литература

1. Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека; пер. с лат. С.А. Ошерова. — М.: Алетея, Новый Акрополь, 2000. — 688 с.
2. Толстых В.Л. Курс международного права / В.Л. Толстых. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 1056 с.

3. Танаев В.М. Новые подходы в преподавании прав человека: метод феноменологического моделирования / В.М. Танаев // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 14 – 15 апреля 2014 года: доклады / редкол.: Л.А. Закс и др.: в 2т. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. — Т. 2. — С.122—125.
4. Келли, А.Дж. Теория личности. Психология личных конструктов / Джордж Келли. — СПб.: Речь, 2000. — 249 с. — (Мастерская психологии и психотерапии).
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ / Питирим Сорокин. — СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. Ин-т, 2000. — 1054 с. — (Социология : Университет. б-ка / Ин-т социологии РАН, Междунар. ин-т Н. Кондратьева — П. Сорокина).
6. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства / Леон Вальрас. — М.: Изограф, 2000. — 448 с.
7. Кох, Ричард. Принцип 80/20 / Ричард Кох. — М.: Эксмо, 2012. — 448 с.
8. Алле, Морис. Экономика как наука / Морис Алле. — М.: Наука для общества, 2011. — 166 с. — (Современная экономическая мысль).
9. Тешке, Бенно. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Бенно Тешке; пер. с англ. — М.: ВШЭ, 2011. — 416 с. — (Социальная теория).
10. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л.Н. Гумилёв. — 3-е изд., стереотип. — Л.: Гидрометеиздат, 1990. — 528 с.
11. Юнг К.-Г. Психологические типы/ Карл-Густав Юнг; пер. Софии Лорие (под ред. В. Зеленского) — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 480 с.—(Психологическая коллекция).
12. Бриггс-Майерс И. MBTI: Определение типов. У каждого свой дар / Изабель Бриггс-Майерс, Питер Майерс. — М.: Pretext, 2010. — 320 с.
13. Танаев В.М. Типологические основы толерантности / В.М. Танаев. // Материалы научно-конференций: Культура толерантности: пути и проблемы развития. Междунар. научно-практическая конференция . Екатеринбург, 8-9 декабря 2004г. — Екатеринбург: УрАГС, - 2005. — С.147—149.
14. Танаев В.М. Практическая психология управления / В. Танаев, И.Карнаух. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. — 304с.:ил. — (Практическая психология).

References

1. Seneca, Lucius Annaeus. *Navstvennyye pisma k Luciliju* [Moral letters to Lucilio]. Moscow, Aleteja Publ., 2000, 688 p.
2. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of international law]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009, 1056 p.
3. Tanaev V.M. *Novye podhody v prepodavanii prav cheloveka: metod fenomenologicheskogo modelirovaniya* [New approaches in teaching human rights: the method of phenomenological modeling] *Sovremennyyi gorod: sozialnost, kultury, zhizn ljudej materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii Gumanitarnogo universiteta* [Modern city: social, cultural, human life: proceedings of the XVII International

scientific-practical conference Humanitarian University]. Ekaterinburg: Humanitarian University Publ., 2014. Vol. 2, pp. 122–125.

4. Kelly A. George. Teorija lichnosti. Psihologija lichnykh konstruktov [A Theory of personality. The psychology of personal constructs]. Saint-Petersburg: Rjech Publ., 2000, 249 p.

5. Sorokin P.A. Socialnaja I kulturnaja dinamika: Issledovanije izmenenij v bolshikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava I obtshestvennykh otnoshenij [Social and cultural dynamics: a Study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships]. Saint-Petersburg, Russian Christian humanitarian Institute Publ., 2000, 1054 p.

6. Walras L. Elementy chistoj politicheskoy ekonomii ili Teorija obschestvennogo bogatstva [Elements of pure political economy or the Theory of social wealth]. Moscow, Izograf Publ., 2000, 448 p.

7. Koch R. Printsip 80/20 [The principle 80/20]. Moscow, Eksmo Publ., 2012, 448 p.

8. Allais M. Ekonomika kak nauka [Economics as a science]. Moscow: Nauka dlja obschestva Publ., 2011, 166 p.

9. Teske B. Mif o 1648 gode: klass, geopolitika I sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij [The myth of the year 1648: class, geopolitics and creation of modern international relations]. Moscow, HSE Publ., 2011, 416 p.

10. Gumilev L.N. Etnogenez I biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1990, 528 p.

11. Jung K.-G. Psikhologicheskiye tipy [Psychological types]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001, 480 p.

12. Briggs-Myers I. MBTI Opredelenie tipov. U kazhdogo svoj dar [MBTI: Definition types. Everyone has his own gift]. Moscow, Pretext Publ., 2010, 320 p.

13. Tanaev V.M. Tipologicheskie osnovy tolerantnosti [Typological basis of tolerance] Materialy nauchno-prakticheskikh konferentsij: Kultura tolerantnosti: puti I problemy razvitiya [Materials of scientific conferences: the Culture of tolerance: the ways and problems of development]. Yekaterinburg, The Ural Academy of State Service Publ., 2005, pp. 147–149.

14. Tanaev V.M. Prakticheskaja psikhologija upravleniya [Practical psychology of management]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2004, 304 p.

КРЫМСКИЙ КРИЗИС РЕАЛИЗМА

Тиняков Д.К.

Данная статья посвящена, прежде всего, оценке ситуации на Украине как международного и внутреннего конфликта. В первой части текста события на Украине характеризуются с точки зрения того, насколько для их определения подходит понятие «революция», основываясь на работах различных исследователей этого феномена. Для этого автором предлагается выделить разделить процессы, происходящие на западе («Евромайдан») и на востоке страны. И если первый процесс в целом соответствуют тем смыслам, которые вкладываются в понятие «революция» в политической науке и философии, то события на востоке в меньшей степени можно охарактеризовать указанным понятием.

Ключевые слова: *Украина, Евромайдан, революция, международный конфликт, структурный реализм.*

The given article is devoted foremost to evaluation of situation in Ukraine as an international and internal conflict. In the first part it is explored, whether the events could be describe as a revolution. For this, the author differentiate two processes: one in western and other in eastern part of Ukraine. And if former meets the meaning of notion of revolution, which exists in modern political theory and philosophy; the latter could be barely described using this term.

Keywords: *Ukraine, Euromaidan, revolution, international conflict, structural realism.*

О ситуации на Украине я, с одной стороны, думаю слишком много, чтобы можно было ясно изложить в ограниченном объеме, с другой стороны, знаю слишком мало, чтобы претендовать на обоснованность. Последнее обусловлено, в частности, протекающей с самого начала событий информационной войной между противодействующими точками зрения, что зачастую делает невозможным определить насколько то или иное новостное сообщение носит фактологический, а насколько мифологический характер. Поэтому данную работу я рассматриваю скорее как некие субъективные, возможно отрывочные наукообразные размышления, чем как в строгом смысле научный текст.

Для начала попробую ответить на вопрос, что же собой представляли события конца 2013 – начала 2014 гг. на Украине: было ли все это революцией или же скорее государственным переворотом.

Для этого я предлагаю следующую концептуализацию понятия “революция”, основанную на анализе работ ряда исследователей феномена революции (Х. Арендт, Дж. Арриги, Л. Бляхер, И. Валлерстайн, Б. Капустин, Г. Маркузе, В. Мау и др.) [см., например: 1,2,3,4]:

Революция — это обусловленное рядом структурных и процедурных факторов современное событие, определяемое возникновением и (последующим) исчезновением политической субъектности масс, действующих принципиально открыто, характеризующееся рядом глобальных трансформаций политического строя, социальных отношений и духовной сферы общественной жизни, целью которого провозглашается приведение в соответствие различных сторон социальной жизни путем устранения ряда негативных факторов, послуживших причиной возникновения революционной ситуации, и утверждения учреждаемого порядка.

Проследим, насколько это определение может быть применено к рассматриваемому кейсу (события с начала Евромайдана 2013 года до настоящего времени на всей территории Украины и в Крыму).

Я полагаю, что мы можем говорить о факте появления политической субъектности масс, которая достигла своего пика за несколько дней до «отстранения» В. Януковича. Можно спорить о масштабах и значимости этого феномена, однако такие факты, как, например, захваты государственных учреждений на Западе, «выкрикивания» политиков «из народа» и т.д., позволяют утверждать наличие этой самой субъектности в течение какого-то времени. Интересно отметить, что на Юго-Востоке мы с меньшей степенью уверенности можем говорить о субъектности масс. Критические моменты здесь были связаны в большей степени с решениями элит (Декларация о независимости Крыма, решение о референдуме) и явным (признанным) или неявным (официально не признанным) российским вмешательством (самооборона Крыма, вероятная организация движения за федерализацию на Юго-Востоке Украины).

Далее, на западе страны и в Киеве, в частности, события носили подчеркнуто открытый характер. Проявлялось то, что исследователи называют карнавальным характером революций: изменения привычного хода политики, возникновение качественно новых акторов (толпа), появление нового дискурсивного пространства со своими смыслами и символами и т.д. На юго-востоке явление карнавальности в описанном виде также проявлялось, но при отсутствии действительной открытости процессов и реальных акторов.

Ответ на вопрос о глобальности произошедших и все еще происходящих изменений сегодня не может быть однозначен, прежде всего, в связи с незавершенностью цепочки событий, отсутствием достижения того, что мы могли бы назвать равновесной ситуацией во внутривнутриполитической системе Украины.

Надо отметить отсутствие масштабных изменений в политической сфере на данный момент. Однако существует ряд моментов, которые (если случатся) свидетельствовали бы о глобальности изменений. Такими изменениями могут быть действительный (а не существующий лишь во властном дискурсе без воплощения в «реальности») разговор на интеграцию с ЕС а также изменение внутривнутриполитической системы в сравнении со старым режимом (борьба с коррупцией, большая открытость, партисипаторность и т.д.). О последнем сегодня говорить не приходится, так как состав акторов в сегодняшней власти страны, их стратегии и ресурсы не выглядят сильно отличными от того, что было в Украине в прошлые десять лет. Вообще на сегодня не чувствуется четкого противопоставления старого и нового режимов, характерного для мировых революций. Относительно внешнеполитиче-

ского курса современной власти Украины утверждать что-либо сложно в связи с отсутствием достоверной информации о реальных намерениях и действиях акторов в этом аспекте. Еще одним поводом говорить о глобальных внутривнутриполитических изменениях может стать федерализация страны.

Однако в социальной сфере вообще глобальные изменения произошли. Прежде всего, изменился образ мышления украинцев, появились новые символы, смыслы, образы, идеи, ожидания, ценности, часть из которых закрепились и после спада динамики событий. Причем, для востока помимо Евромайдана это явилось, в том числе последствием отсоединения Крыма (например, следствием этого был всплеск идей федерализации). К таким переменам можно отнести развитие демократического дискурса среди участников Майдана, усиление внимания к националистической идеологии (как к позитивному объединяющему, так и как к негативному опасному феномену), разделение на четко про-западные и про-российские настроения и др. Эти перемены в ценностной сфере привели к изменению реального поведения, появлению новых практик и новых конфликтов (как внутренних, так и внешних).

Рассуждая о прецеденте отделения Крыма, нельзя останавливаться лишь на внутривнутриполитических последствиях, так как это событие в значительной степени изменило международную повестку дня сегодня и потенциально может привести к серьезным изменениям мировой политической системы в будущем. Однако, об этом я еще скажу ниже.

Подытоживая сказанное выше, отмечу, что события, произошедшие в Центральной и Западной Украине, вполне подходят под предложенное описание революции. На востоке же процесс несколько другого качества. Ситуация неоднозначней: с одной стороны, мы можем предположить, что часть протестующих против новой власти действительно выражала свое собственное видение ситуации, с другой же стороны, существует ощущение, что массы выступающих были скорее объектами ряда манипуляций, чем субъектами политической воли.

Для того, чтобы заключить о глобальности перемен и успешности революции в смысле достижения ей заявленных целей необходим взгляд с ретроспективной точки зрения по прошествии некоторого периода времени.

Я полагаю, что наиболее продуктивный анализ ситуации как интернационального конфликта с теоретической точки зрения, может быть достигнут путем применения положений концепций структурного реализма и постструктуралистских исследований дискурса в международных отношениях.

Произошедшие события показывают, что акторы действуют исходя из представлений друг о друге как о противодействующих сторонах, формально не ограниченных в своих поступках. Это свидетельствует о том, что положения, описанные в парадигме реализма, воспринимаются участниками процесса как нечто нормативное, как «рецепт поведения». Рассмотрение современного дискурса международных отношений и о международных отношениях позволило бы понять, как именно такие идеи стали доминирующими для акторов процесса. Однако, более простая картина, описывающая непосредственно поведение сторон данного конкретного конфликта, вырисовывается именно в терминах структурного реализма [подробнее: 6,7,8].

В рассматриваемом кейсе можно выделить следующих основных акторов: украинская власть режима В. Януковича, постреволюционная украинская власть (бывшая оппозиция), Россия, США, ЕС, власти Крыма. Согласно выбранной теории, все эти игроки в качестве важнейшей цели ставят получение относительных преимуществ на международной арене (за счет противной стороны/сторон).

Причем основной конфликт, как мне кажется, заключается в противостоянии России и условного Запада (США, ЕС) в вопросе влияния на Украину. Это влияние каждой из сторон приносит выгоды как в терминах *hard security* (буфер от НАТО для России и возможность расширения своего военного влияния для Запада), так и в смысле экономических выгод (расширение европейского рынка/возможность сбыта российских товаров). Таким образом, перед нами очередной пример соревнования за перераспределение относительного влияния (*сараcity* в терминах К. Уолтца) на международной арене. Причем как мы видим, достижение успеха одной из сторон успеха приведет к потерям другой стороны.

Предыстория конфликта начинается со времени раздумья старой украинской власти о дальнейшем пути – интеграции с Европой или с Россией. Несмотря на давление Запада, (предположительно) экономические условия способствовали повороту Украины на сближение с Россией (отказ от подписания договора об ассоциации). Это поражение Запада приводит к активизации усилий последнего на поддержку революционных настроений и украинской оппозиции (встречи с политиками, посещение Майдана и т.д.). Российская сторона вынужденно включается в противостояние (см. концепцию дилеммы безопасности), принявшее вид информационной войны. Причем особой тонкостью подача информации не отличается: с одной стороны, современные европейцы с запада Украины стоят против “быдла” востока за демократические ценности, а с другой стороны, сознательные граждане защищают страну от захвата бешеными бандеровцами.

Вообще, здесь надо отметить роль В. Януковича как слабого и нерешительного политика, который, имея в какой-то момент возможность, не допустить или пресечь конфликт (как мирными, так и силовыми методами), в итоге проявил себя лишь инструментом реализации интересов России и Запада.

После свержения В. Януковича мы можем говорить уже о поражении российской стороны. Однако, видимо, во избежание окончательного «проигрыша Украины» элиты Российской Федерации решаются пойти на нарушение ряда международных норм и осуществить присоединение Крыма. Хотя с экономической точки зрения новое территориальное приобретение вряд ли выгодно, концепция структурного реализма подчеркивает важность именно «твердой» силы в первую очередь. Захват Крыма как раз позволил продемонстрировать остальным игрокам «бесстрашие» российской стороны, а значит, сигнализировать как раз о наличии этой «твердой» силы. С другой стороны, экономические и имиджевые потери в связи с международными санкциями и необходимостью трат на развитие новых субъектов могут быть отчасти компенсированы усилением политического и экономического сотрудничества с Азией, в частности, с Китаем. Последнее, по-видимому, полезно и по внутривнутриполитическим соображениям: традиционалистский во многом курс российского руководства идеологически ближе именно цивилизациям Востока.

Все это (информационная война за влияние, нарушение международного права, приоритет «hard power») опять-таки говорит о доминировании парадигмы реализма для акторов международных отношений.

Относительно международного права можно отметить еще также и то, что стороны конфликта в разное время нарушали эти нормы (война в Ираке, присоединение Крыма и т.д.), однако прибегают к нему для легитимации своих действий, обвинений оппонентов (нарушение Будапештского меморандума/поддержка зафиксированного ВДПЧ права народов на самоопределение и др., нарушение февральских соглашений Западом).

В последнее время происходит уже новый виток развития кризиса, сосредоточенный вокруг стремления (во всяком случае внешнего) граждан ряда восточных регионов Украины к самоопределению (сепаратисты/сторонники федерализации). Несмотря на то, что это скорее внутренний конфликт для Украины, внешние стороны также с ним связаны, проявляя себя как в качестве медиаторов, так и, возможно, скрытых участников событий. Надо отметить, что международные институты (Женевские соглашения) так же мало значат и для новой украинской власти, которая (в том числе под давлением националистов) создает впечатление готовности к силовому разрешению вопроса.

Еще раз отмечу ключевые точки в предшествовавших несколько сумбурных рассуждениях. Во-первых, Украина стала ареной борьбы за перераспределение ресурса влияния на международной арене между Западом и Россией (со вновь появившимися внешнеполитическими амбициями). Во-вторых, эта борьба происходила путем подачи сигналов о своих силовых ресурсах (захват Крыма, американский флот в Черном море). В-третьих, в ходе конфликта в очередной раз была показана малая значимость международного права в анархической структуре мира (другой вопрос – это объективное свойство реальности или же обусловлено субъективными характеристиками акторов). Причем, как мне кажется, институты все же играют определенную роль, они используются для легитимации поведения. Кроме того, в ситуации крайнего напряжения и неопределенности (отсутствия информации о стратегиях, намерениях других акторов) поведение будет определяться в значительной степени именно институтами. Однако, в момент, например, присоединения Крыма, российская сторона могла быть уверена в отсутствии силовых санкций со стороны мирового сообщества, а значит, сильная неопределенность отсутствовала и международные институты имели мало значения.

Результатом всего этого стало завершение разворота России в сторону «евразийского» пути, ухудшение экономической ситуации в России, имиджевые потери страны в глазах мирового сообщества (ООН). В будущем прецедент присоединения Крыма может стать референтом для других сецессий. В связи с нарушением российской стороной Будапештского меморандума о неядерном статусе Украины существует вероятность получения Украиной оружия массового поражения (однако на данный момент такая вероятность низка в связи с экономическими и технологическими ограничениями).

Сам же кризис в Украине, на мой взгляд, в какой-то степени постепенно локализуется. Россия и Запад будут все больше выполнять роль медиаторов в отношениях новой власти и населения восточных областей в связи с достижением некото-

рого равновесия между этими сторонами на данный момент [7]. Причем Европейский Союз может выступать посредником в отношениях между США и Россией, являясь стратегическим партнером США с одной стороны и будучи тесно связан с Россией экономически с другой. Международные акторы все больше включаются в этот процесс (Женевские соглашения, наблюдатели от ОБСЕ), поэтому вариант масштабной гражданской войны (по примеру Сирии) маловероятен. Гораздо более приемлемым выглядит сценарий федерализации страны. Однако здесь, на мой взгляд, многое зависит от исхода президентских выборов. В любом случае до проведения выборов подобные глобальные изменения вряд ли возможны в связи с давлением прозападно настроенного, собственно целевого для инкубентов, электората.

В завершение хотелось бы отметить, что в данном тексте многие стороны и векторы многомерного конфликта на Украине не были даже затронуты или были проговорены недостаточно подробно, например: природа и роль в конфликте крымской власти, значение крымских татар, градус мифологизированности информации, внутривластные аспекты поддержки/осуждения действий страны (как в Украине, так и в России, и в США), значение и значимость санкций, феномен радикального национализма и др. Однако, задачей, которую я для себя мысленно поставил, было описание событий как единого феномена с какой-то закономерной последовательностью явлений; показать логику кризиса вокруг Украины.

На мой взгляд, в основном, я с этой задачей справился. Еще можно было бы проследить возможные стратегии разрешения конфликта для его сторон (включая медиаторов) с точки зрения концепции, предложенной Л. Гиладом и Б. Рассетом[5]. Исследователи выделяют три типа конфликтов (недостаток информации, неделимость спорного ресурса, неуверенность в надежности следования соглашениям) и способы их разрешения. Случай Украины примечателен, так как там присутствовали все три типа конфликтов, и на основании положений указанной мной концепции можно было бы предложить рекомендации по уменьшению градуса напряженности в различных аспектах всего кризиса. Однако, выработка таких рекомендаций потребовала бы проведения анализа в рамках отдельной работы, хотя и могла бы дать интересный результат.

Литература

1. Бляхер Л. Революция задним числом. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article1803.htm> (Дата обращения: 28.02.2012)
2. Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008. - 306 С.
3. Капустин Б. О предметах и употреблении понятия «революция»// Логос, 2008, №5, с. 3 - 47.
4. Стародубровская И. В., Май В. А. Великие революции от Кромвеля до Путина / М.: Вагриус. 2004. - 512 с.
5. Gilady L., Russett B. Peace-making and Conflict Resolution//Handbook of international relations/ Ed. By Carlsnaes, Risse T., Simmons B.: SAGE Publications Ltd, 2002, pp. 392-408.

6. Grieco J. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the New-est Liberal Institutionalism.//International organisation, 1998, vol. 42, no.3, pp.485-507.
7. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma//World Politics, 1978, vol. 30, no.2, pp.167-214.
8. Waltz K. Theory of International Politics/ Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

References

1. Blyakher L. Revolutiya zadnim chislom [A revolution retroactively]. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article1803.htm> (accessed 28 February 2012) (In Russian)
2. Concept “revolutiya” v sovremennom politicheskom diskurse [Concept of revolution in modern political discourse]. Ed. By L. E. Blyakher, B. V. Mezhev, A. V. Pavlov. St.-Petersburg, Aletaya, 2008. 306 p. (In Russian).
3. Kapustin B. O predmetakh i upotrebleniyakh ponyatiya “revolutiya” [“On subjects and uses of the term “revolution”]. Logos, 2008, no.5, pp. 3 - 47. (In Russian).
4. Starodubrovskaya I. V., Mau V. A. Velikie revolutii ot Kromvelya do Putina [The great revolutions: from Cromwell to Putin]. Moscow, Vagrius, 2004. 512 p.
5. Gilady L., Russett B. Peace-making and Conflict Resolution//Handbook of international relations. Ed. By Carlsnaes, Risse T., Simmons B.: SAGE Publications Ltd, 2002, pp. 392-408.
6. Grieco J. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the New-est Liberal Institutionalism.International organisation, 1998, vol. 42, no.3, pp.485-507.
7. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma. World Politics, 1978, vol. 30, no.2, pp.167-214.
8. Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ИЛИ ВЫБОРЫ И ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КРЫМУ ПО РОССИЙСКИМ СТАНДАРТАМ

Кривоносова Ю.С.

Процесс вступления Республики Крым в состав Российской Федерации не заканчивается подписанием договора, наоборот, вступает в основную фазу: длительный и затратный, многомерный процесс интеграции. На реализацию некоторых направлений интеграции потребуется ни один год. Однако некоторые процессы развиваются крайне динамично. Данная статья посвящена процессу политической интеграции, а именно, кооптации региональных элит новых субъектов РФ, подготовка к выборам и связанное с этим активное партийное строительство в регионе.

В статье рассматриваются следующие аспекты: факторы и цели проведения досрочного голосования (кем и когда было принято решение о проведении перевыборов до истечения срока полномочий текущего парламента и велика ли в принятии данного решения роль Крыма); активная законотворческая деятельность еще не переизбранного парламента (кто в данный момент принимает законы, по которым Республика будет функционировать в дальнейшем, почему принимаются именно такие законы); вопрос о выборности глав субъектов (кто согласно новому законодательству имеет право претендовать на пост губернатора, и по какой процедуре будут проводиться выборы); новое партийное поле Республики Крым (как в условиях подготовки выборов к сентябрю 2014 года формируется партийное поле, в какие российские партии кооптируются региональные элиты, и есть ли шансы у региональных элит избежать кооптации и создать новую партию).

Ключевые слова: *партии, выборы, кооптация, избирательная система, партийная система*

The process of the Crimea's joining of Russia has not finished with the signing of the treaty, conversely, come into the main step: long-running and resource-demanding, multidimensional process of integration. To realize some processes of integration few years are demanded. However, some processes are developing rapidly. This article is devoted to the process of political integration, to be exact, cooptation of regional elites of new subjects of Russian Federation, preparing to elections and active party building in the region.

In this article those aspects are considered: factors and goals of holding of early elections (who and when took the decision about holding the early elections and what is the role of the Crimea in this process); active lawmaking of present parliament (who nowadays passes the laws, according to which the Crimea would function, why do these particular laws are passed); the question of the governor election (who according to new laws could run for elections and what is the procedure of elections), new party spectrum

of the Crimes (how do the parties create now, what Russian parties co-opt regional elites, have the regional elites any possibility to avoid cooptation and building a new party).

Key words: *Parties, elections, cooptation, electoral and party systems.*

Наибольший интерес для нас представляет интеграция политическая. На сентябрь 2014 года в Крыму запланированы досрочные выборы в однопалатный парламент Республики (Государственный Совет Республики Крым). Выбрана смешанная избирательная система с упором на пропорциональную часть (75% депутатов планируют избирать по спискам, 25% – в одномандатных округах; всего 75 депутатов), что не противоречит российскому законодательству, но идет в разрез с политической практикой сокращения пропорциональной части как на выборах регионального уровня (так, в 2012 году снижена с 50 до 25% норма о минимальном количестве депутатов, избираемых по единому избирательному округу пропорционально числу голосов [1], городам федерального значения разрешено формировать любую избирательную систему, но Москва уже заложила некий тренд, приняв полностью мажоритарную систему), так и федерального уровня (возврат от чистой пропорциональной системы на выборах депутатов Государственной Думы к смешанной).

Согласно российскому законодательству, выдвигать списки кандидатов в пропорциональной части выборов могут только политические партии. Причем, партии должны быть общероссийские (создание региональных партий запрещено в России с 2001 года), иметь региональные отделения минимум в половине субъектов РФ. Таким образом, вероятность появления новых политических партий в Крыму (партия мы рассматриваем как маловероятную). Скорее всего, политические элиты Крыма будут инкорпорированы в существующие российские политические партии, преимущественно в парламентские партии. Возможность, например, Крыма зарегистрировать собственную партию для участия в выборах серьезно ограничена. Так, согласно украинскому законодательству, для создания политической партии не нужно было подтверждать членство избирателей, необходимо было лишь собрать подписи.

О появлении партии крымских татар или украиноязычного населения Крыма не стоит и думать, так как согласно ст.9. п.3 ФЗ «О политических партиях» «не допускается создание политических партий по признакам... национальной принадлежности».

В ныне действующем парламенте Республики Крым представлены депутаты от следующих партий: Народный Рух Украины, Компартия Украины, Партия регионов, Русское единство, Союз.

Первый шаг кооптации региональных элит в российские уже сделан: 7 мая Государственный Совет утвердил половину избирательной комиссии Крыма (7 человек), вторую половину назначил председатель Совета Министров Крыма.. Крайне интересен состав избирательной комиссии: «в комиссию вошли представители «Единой России», «Родины», Демократической партии России, «Патриотов России», «Справедливой России», КПРФ, ЛДПР и Аграрной партии России; также в списке есть представители общественных организаций «За чистые выборы»,

«Союз пенсионеров России», «Боевое братство» и «Российский союз ветеранов Афганистана» [8].

В новых субъектах уже созданы региональные отделения «Единой России», главами которых стали Владимир Константинов, экс-член Партии регионов и председатель регионального отделения, и Виктор Оганесян, уже объявивший основной своей целью – обеспечение победы ЕР на выборах в законодательное собрание Севастополя [9]. Региональные отделения ЕР лидеры региональных отделений были назначены в рекордно быстрые сроки: через полмесяца с момента проведения референдума в Крыму.

На наш взгляд, вхождение в состав Российской Федерации не принесло Крыму больше автономии, чем это могло бы быть в составе Украины. На данный момент о выстраивании собственной политической системы речи не идет: слепо копируется российская политическая система, которая рассматривается региональными лидерами как панацея: «Чем быстрее политическая система России заработает в Севастополе и чем прочнее она будет, тем быстрее нормализуется общественная, хозяйственная и экономическая жизнь» [9].

Еще одним важным аспектом партийного строительства в новом регионе является процедура назначения глав регионов двух новых субъектов РФ. Глав регионов будут выбирать депутаты парламентов («по аналогии с северокавказскими республиками» [5]). Однако выдвигать кандидатуры глав субъекта могут только партии, которые сформируют фракции в избранных в сентябре парламентах, и представлены в Государственной думе РФ, что в очередной раз ограничивает участие новых партий.

Особой популярностью пользуется дискурс о возвращении Крыму права принимать законы (с 1995 года Государственный совет Крыма принимал только постановления). Однако решения Государственного совета ставят под сомнения его независимость: так, депутаты Государственного совета, большинство которых члены Партии регионов, ставшие после вхождения Крыма в состав Российской Федерации фактически беспартийными (т.к. Партия регионов не зарегистрирована в России), голосуют абсолютным большинством (74 из 76 депутатов) за преимущественно пропорциональную избирательную систему, что на наш взгляд, совершенно не логично. При условии, что досрочные выборы планируют провести в сентябре, а значит, времени для партийного строительства осталось не так много. А ведь именно избирательные правила определяют вектор для развития партий, формирования представительного парламента, отражающего интересы населения [4]. Объяснением такому поведению парламентариев может быть небольшой политический вес депутатов в регионе, в результате чего надежды на переизбрание депутатов связаны только с сильной партией, либо влияние внешних сил (федеральных, например) на принятие решений парламентом новой Республики. При этом, большинство законов, по которым республика будет функционировать в дальнейшем, парламент Крыма примет в ближайшее время старым составом депутатов [6].

Пока на международной арене обсуждают возможные санкции против России, процесс политической интеграции новой территории идет полным ходом. И если вопрос интеграции экономической и даже более узкого валютного направления отложен на годы вперед, политическая интеграция происходит чрезвычайно быст-

ро. Как емко выразилась Т.Замахина, «Единая Россия осваивает Крым» [7]. Подразумевает ли это «освоение» автономию Республики и относительную независимости в принятии решения – большой вопрос. Курировать создание органов государственной власти РФ в регионе отправлен Д.Козак, ранее полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе, министр регионального развития, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, ответственный за проведение зимней Олимпиады 2014 году в городе Сочи, не задерживающийся долго ни на одной из должностей.

Форсирование выборов в Крыму, решение о котором было принято в одностороннем порядке (президентская поправка в закон «О принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь») без учета мнения новых субъектов РФ только подтверждает наши предположения.

Таким образом, заданные на федеральном уровне институциональные рамки, в которых теперь вынужден функционировать Крым (после подписания договора о вступлении Республики Крым в состав РФ), оставляют крайне мало возможностей республике для принятия самостоятельных решений. Региональные элиты вынуждены кооптироваться в «Единую Россию», повторяя тем самым российскую историю [3]. Законодательная норма о том, что выдвинуть кандидатуру губернатора смогут только парламентские фракции, имеющие представительство в Государственной думе РФ, ограничивает выбор альтернатив для региональной элиты: все, кто намерен участвовать в назначении главы субъекта должны выбрать, к какой из 4 парламентских партий примкнуть. Эта норма также не стимулирует участие в выборах в составе списков от непарламентских партий или создание новых партий, но выражает некоторые общероссийские тенденции искусственного сокращения партийной фрагментации [2].

Литература

1. ФЗ от 22.09.1999 года №184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;
2. Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии / *Политические исследования* — 2008 — № 5 — С. 135–152;
3. Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // *Политические исследования* — 2006 — №. 6 — С. 145–160;
4. Carroll R., Cox G. W., Pachón M. How parties create electoral democracy / *Legislative Studies Quarterly*, 2006, №. 31, №. 2;
5. Владимир Путин ускорил крымские выборы / Газета Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2454881> (дата обращения: 10.05.2014);
6. Крым включился в законотворческий процесс / Газета Коммерсант. URL: 19.04.2014. <http://www.kommersant.ru/Doc/2456710> (дата доступа - 10.05.2014);
7. В Крыму создано отделение «Единой России» / Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/07/partiya-site-anons.html> (дата обращения: 10.05.2014);

8. Госсовет Крыма утвердил правила собственных выборов / Газета Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2467110> (дата обращения: 10.05.2014);

9. Педагог Виктор Оганесян возглавил севастопольское отделение ЕР / Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/07/pertiya-site-anons.html> (дата обращения: 10.05.2014).

References

1. Ob obshhih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii [On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation]. Federal Law, 22.09.1999, no. 184;

2. Gel'man V.J. Politicheskie issledovanija [Political Studies]. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurencii – k ierarhii. 2008, no. 5. pp. 135–152;

3. Kynev A. V. Politicheskie issledovanija [Political Studies]. Politicheskie partii v rossijskikh regionah: vzgljad cherez prizmu regional'noj izbiratel'noj reform. 2006, no. 6, pp. 145–160;

4. Carroll R., Cox G. W., Pachón M. Legislative Studies Quarterly. How parties create electoral democracy. 2006, no. 31, no. 2;

5. Gorjashko S., Hamraev V. Vladimir Putin uskoril krymskie vybory. Gazeta Kommersant. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2454881> (Accessed 10 May 2014);

6. Gorjashko S. Krym vkluchilsja v zakonotvorcheskij process. Gazeta Kommersant. Available at: <http://www.kommersant.ru/Doc/2456710> (Accessed 10 May 2014);

7. Zamahina T. V Krymu sozdano otdelenie «Edinoj Rossii». Rossijskaja gazeta. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/07/partiya-site-anons.html> (Accessed 10 May 2014);

8. Nikiforov V. Gossovet Kryma utverdil pravila sobstvennyh vyborov. Gazeta Kommersant. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2467110> (Accessed 10 May 2014);

9. Zamahina T. Pedagog Viktor Oganessian возглавил Севастопольское отделение ЕР. Rossijskaja gazeta. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/07/pertiya-site-anons.html> (Accessed 10 May 2014).

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МИФЫ В НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Батищев Р.Ю.

В данной статье поднимаются проблемы формирования пространственных мифов и нациестроительства, которые являются центральными в относительно новом разделе геополитики – критической геополитике. Обозначенные проблемы рассматриваются применительно к актуальным событиям на Украине, где сегодня наблюдаются массовые центробежные процессы, вылившиеся в вооружённое противостояние. Подчёркивается, что сецессия Крыма и вооружённый конфликт на Юго-Востоке стали следствием не только ультранационалистического характера новой киевской власти, но скорее противоборством различных цивилизационных идентичностей жителей разных частей страны.

Ключевые слова: *геополитика, критическая геополитика, идентичность, пространственные мифы, Крым, Украина.*

This article raises the problems of the forming of spatial myths and nation-building, which are the central problems in a new enough section of geopolitics – critical geopolitics. Mentioned problems are considered with reference to actual events in Ukraine, where there are large-scale centrifugal processes, which have resulted in an armed confrontation. It is emphasized that the secession of Crimea and the armed conflict in the south-east of Ukraine are the results of not only the ultranationalism of a new Kiev's government, but rather the results of the different civilizational identities of different parts of the country.

Key words: *geopolitics, critical geopolitics, identity, spatial myths, Crimea, Ukraine.*

Последние бурные процессы на Украине, связанные с государственным переворотом в феврале 2014 года, вхождением Крыма в состав России и вооружённым противостоянием Киева и юго-восточных регионов актуализировали проблему идентичностей в создании пространственных мифов для государств, которая сегодня активно разрабатывается в таком новом направлении геополитики, как критическая геополитика. В рамках данного направления предполагается, что не пространство детерминирует осознаваемую людьми общность (нация, граждане и т.д.), а общность людей формируется на некой территории через пространственные мифы. Такой подход обусловлен трансформацией геополитики под парадигму постмодерна, его зарождение связано с именами Джерарда О'Тоала и Джона Эгню, а сегодня рассматривается и некоторыми отечественными исследователями [5, 11].

Итак, очевидно, что нынешние события на Украине демонстрируют полную несостоятельность проекта нациестроительства, которым занималась элита этой страны на протяжении более чем двух последних десятилетий. Сецессия Крыма и

центробежные процессы на Юго-Востоке – не только ответ жителей этих регионов на ультранационалистический характер новой власти, в основе этой дезинтеграции лежат глубинные процессы в историческом сознании и ценностных ориентирах жителей этой страны. Главный тезис данной статьи заключается в том, что в современной Украине не сложилось единой политической нации украинцев, жители разных частей страны ассоциируют себя с различным историко-культурным наследием и поэтому здесь имеет место различная цивилизационная идентичность.

Как известно, Украина всегда была очень разнородной страной, где проживали различные этносы, а территория находилась под контролем разных государств. Но среди всего этого разнообразия, которое собрала современная Украина, наиболее неписываемым в конъюнктуру украинского государства был Крымский полуостров – уже в силу своего пёстрого этнического состава и особого геополитического положения: с остальной частью Украины он соединён узким Перекопским перешейком и железнодорожной и автомобильной насыпью по Арабатской стрелке. Кроме того, в Крыму проживают неславянские народы (крымские татары), а существовавшая здесь древняя государственность (например, Боспорское царство, затем Крымское ханство) оказывает влияние на локальную идентичность. В этническом плане Крым характеризуется значительным преобладанием русских: в 2001 году, по данным Всеукраинской переписи, их было 58,3% [4]. Всё это, в конечном счёте, и определило то, что в моменты острой политической нестабильности Крым первым начинал говорить о выходе из состава Украины. Так было в начале 1990-х годов, когда сошлись на компромиссе в виде автономной республики, так случилось и в 2014 году, но теперь радикалы в новой киевской политической элите не смогли предложить другого способа удержания Крыма, кроме силовой акции.

Необходимо отметить, что включение Крыма в состав России было вполне оправдано геополитической логикой на фоне разваливающейся украинской государственности, не говоря об угрозе русскоязычному населению полуострова со стороны легализованных национал-радикалов. России удалось получить стратегический контроль над огромным сектором побережья Северного Причерноморья, что было жизненно важно, если учитывать крайне неблагоприятную для неё обстановку в этой морской акватории. До 2014 года Россия в стратегически важном Чёрном море располагала лишь узкой полосой берега от Анапы до Адлера, остальную же часть береговой линии занимали силы, представляющие наших геополитических конкурентов: члены НАТО Болгария, Румыния и Турция (вдобавок амбициозный региональный игрок), прозападный режим Грузии (где в Батуми стоял американский флот) и нестабильный в предпочтениях режим на Украине. Теперь же позиции России на юго-западных границах значительно укрепились, Черноморский флот РФ получил стабильную дислокацию в Крыму.

Что же касается аспекта пространственного мифа, то здесь следует сказать об однозначной идентификации жителей Крыма именно с Россией. Здесь срабатывают известные составляющие исторического сознания крымчан: с 1783 года Крым был частью именно России, а не Украины, Севастополь – город русской морской воинской славы, колыбель русского Черноморского флота и т.д. Именно поэтому

вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации воспринималось как возвращение и воссоединение.

Крым стал лишь первым звеном в череде регионов, заявивших о своём желании выйти из состава Украины. Как видится, не будет преувеличением сказать, что мы сегодня видим печальную картину развала украинского государства, геополитический и исторический смысл которого пытались обосновать украинские элиты на протяжении последних 20 лет. Однако нынешние события – лучшее подтверждение полного провала этого проекта. Главные две причины такого исхода тесно взаимосвязаны друг с другом.

Первая причина краха проекта украинского нацистроительства состоит в том, что Украина, теснейшим образом связанная с Россией исторически и культурно, позиционировала свою независимость, прежде всего через противопоставление России, а иногда – и через открытую враждебность не только российскому государству, но и русской культуре. Чтобы преодолеть разнородность украинского общества, власть стремилась консолидировать его через формирование негативной идентичности. В этом случае становится понятно, кому было геополитически выгодно существование антироссийского государства под боком у России.

Как известно, ярые апологеты независимой Украины, такие как В.А. Ющенко или Ю.В. Тимошенко, пришли к власти в результате спровоцированных Западом «оранжевых революций» [10]. Стремление Украины в НАТО, совместные с блоком военные учения демонстрировали открытую враждебность России. Во внутренней политике это дополнялось героизацией нацизма, притеснениями русскоговорящих жителей (которых по данным переписи 2001 года было 29,6% [3]), фальсификациями истории и внедрением новых трактовок исторических событий в образовательные программы (характерные заголовки украинских учебников: «Антиколониальное восстание гетмана Ивана Мазепы против Московии», «Причины поражения шведско-украинского войска [под Полтавой]» [2]). Подобная показная русофобия при формировании пространственного мифа из тех, кто причисляет себя к русским и говорит на русском языке, не могла стать надёжной опорой для нацистроительства. Причём провал такого проекта был обусловлен уже постольку, поскольку «русский» Восток Украины электорально сильнее (о чём будет сказано ниже), здесь сосредоточено большинство предприятий украинской промышленности (угольные бассейны, металлургические комбинаты).

Рассматривая проблему украинского нацистроительства в исторической ретроспективе, необходимо отметить, что антирусская направленность является постоянной составляющей государственной идеологии в те годы, когда Украина была независимым государством. В 1917 – 1920 гг. существовали независимые «Украинская народная республика» С.В. Петлюры и В.К. Винниченко, в 1918 году «Украинская держава гетмана» П.П. Скоропадского, также характеризовавшиеся агрессивностью по отношению к России. В 1991 году довольно националистично позиционировал себя Л.М. Кравчук, один из тех, кто юридически ликвидировал Советский Союз в Беловежской пуще. Изначально пророссийский Л.Д. Кучма впоследствии часто колебался при выборе политического курса. Апогея русофобии в современной Украине достигли при президентстве В.А. Ющенко. Такие колебания характеризовали и В.Ф. Януковича. На основании всего этого некоторые россий-

ские исследователи, такие, как директор Института стран СНГ К.Ф. Затулин, делают вывод, что само по себе существование государства Украина, не обусловленное ни единством культуры, ни единством истории, представляет собой антироссийский проект, выгодный нашим геополитическим соперникам, будь то Германия и Антанта для Советской России или США и НАТО для Российской Федерации[7]. Известный американский геополитик и идеолог американской гегемонии Зб. Бжезинский не зря считал отрыв Украины от российской сферы влияния крупным геостратегическим успехом США. А возвращение России как сверхдержавы он связывал как раз с возвращением Украины в российскую внешнеполитическую орбиту[1].

Вторая причина краха проекта нациестроительства заключается в глубинных различиях культурно-исторической идентичности жителей Украины. Причём наблюдаемая сегодня трансформация самого концепта национальных государств как основных акторов мировой политики позволяет говорить о том, что на Украине столкнулись различные цивилизационные идентичности. О роли цивилизаций в политике XXI века сегодня говорят и пишут многие. Например, известный российский исследователь геополитики Л.Г. Ивашов считает, что именно несформированность культурно-цивилизационной идентичности не позволила в конце прошлого столетия США, обладая неоспоримым лидерством в экономической и военной сфере, удержать однополярную систему [8] В этой связи он выступает сторонником формирования культурно-цивилизационной идентичности России.

Как известно, нынешние события на Украине отчасти прогнозировал в начале 1990-х годов знаменитый американский учёный С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» [12]. Он считал Украину страной наиболее расколотой в цивилизационном отношении. Геополитическая линия раздела двух цивилизаций с совершенно разной культурной матрицей – западной и восточно-европейской – проходит практически посередине этой страны, по Днепру. Хантингтон указывал, что цивилизационный раздел, например, определил победителя на президентских выборах 1994 года: пророссийский Л. Кучма победил среди «восточного» электората, который оказался сильнее западного, отдавшего предпочтение националистичному Л. Кравчуку (см. Изображение 1).

То, что восток Украины электорально сильнее, было продемонстрировано и впоследствии: Л.Г. Кучма занимал президентский пост два раза подряд, а в 2010 году пророссийский В.Ф. Янукович победил на выборах прозападного В.А. Ющенко. Прозападная элита пришла к власти в ходе «оранжевой революции», демократичность которой вызывает сильные сомнения.

Сегодня мы наблюдаем, как страна, политическую нацию в которой тщетно пытались создать при слиянии двух цивилизационных идентичностей, пошла по худшему сценарию цивилизационного столкновения – вооружённое противостояние. Оформляющийся сегодня раскол страны обозначился ещё много лет назад. Многочисленные соцопросы демонстрировали иную, чем элитам в Киеве хотелось бы, пространственную идентичность: не национальную (украинскую), а скорее цивилизационную идентичность (Русский мир) у жителей Юго-Востока и Крыма.

Изображение 1. Распределение голосов украинского электората на президентских выборах 1994 года. Линия раздела электоральных предпочтений примерно совпадает с линией цивилизационного раздела [12].

Например, Центр социологических и маркетинговых исследований «SOCIUM» в 2007 году выяснил, что 74% жителей Юго-Востока и 87% жителей Крыма поддержали бы в 1991 г. на референдуме сохранение СССР, при этом независимость Украины поддерживают всего 47% юго-восточных украинцев и лишь 33% крымчан [13]. Советский Союз, как известно, практически вбирал в себя основные территории восточно-европейской цивилизации, поэтому идентификация с СССР – это, в некотором смысле, идентификация с Русским миром. Тем самым, ещё раз подтверждается набирающая сегодня силу цивилизационная идентичность.

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

- 1) проект нациестроительства на Украине, осуществляемый последние 20 с лишним лет, можно признать неудавшимся, поскольку элитами так и не был сформулирован культурно-исторический смысл существования такого государства. Антироссийская направленность внутренней и внешней политики пыталась в такой радикальной форме продемонстрировать независимость от России, но глубоко «русские» по содержанию архетипы исторического и пространственного сознания значительной части населения государства свели на нет эффективность этого политического курса;
- 2) в современном мире основные субъекты политики претерпевают значительные изменения и взамен национальных государств всё большую роль начинают играть цивилизационные общности. В подтверждение тому, что нации-государства постепенно отходят на второй план, также можно привести существование сегодня многочисленных интеграционных проектов (пантюркизм, панисламизм, панафриканизм), интеграция Европы в рамках Евросоюза, интеграционные объединения по всему миру (ЛАГ, АТЭС, МЕРКОСУР, АСЕАН). В этой связи вопрос существования Украины, население которой принадлежит к разным цивилизационным идентичностям, является ещё более спорным.

В заключение хотелось бы отметить, что процесс глобального переустройства мира, выход на авансцену истории новых суперобщностей – цивилизаций, происходит прямо у наших границ, что никак не может оставить Россию в стороне уже в силу географической близости и прямой угрозы геополитической безопасности нашей страны. Всё это требует от России как нового, евразийского центра силы в будущем многополярном мире уверенного формирования своей мощной цивилизационной идентичности.

Литература

1. Бжезинский Зб. Великая Шахматная доска (The Ground Chessboard). – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
2. Власов В.С. История Украины: 8 класс /Под ред. Ю. А. Мыцыка: Учеб. пособие. – К.: Издательство А.С.К., 2002.
3. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. – СПб.: Амфора, 2005. – 382 с.
4. Дугин А.Г. Геополитика России: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2012. – 424 с.
5. Затулин К.Ф. На фоне оранжевой революции: Украина между Востоком и Западом. – М.: Институт стран СНГ, 2005. – 240 с.
6. Ивашов Л.Г. Быть цивилизацией!// Завтра война! Вооружённые силы и военная реформа в России/Коллектив авторов. Под редакцией А.А. Проханова, А.А. Нагорного и В.В. Шурыгина. – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2013 – стр. 117 – 131.
7. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. – М.: Европа, 2006. – 180 с.
8. Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. – М.: Алетей, 2008. – 208 с.
9. Национальный состав населения, гражданство / Государственный комитет статистики Украины [В Интернете]. – режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/>. – дата обращения: 12.05.2014
10. Национальный состав населения, гражданство / Государственный комитет статистики Украины [В Интернете]. – режим доступа: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/. – дата обращения: 12.05.2014
11. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики//Критическая геополитика. Сборник статей. Выпуск №1/Отв. Редакторы И.Ю. Окунев, С.О. Савин. – г. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2014. – стр. 8 – 25.
12. Хантингтон, Сэмюэл. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ, 2006. – 261 с.
13. Юго-Восток Украины и Крым тоскуют по Союзу: опрос./ИА Regnum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/806657.html>

References

1. Brzezinski Zb. Velikaya Shahmatnaya doska [The Ground Chessboard]. Moscow, International relations Publ., 1999, 256 p.
2. Vlasov V. Istoriya Ukrainy: 8 class/pod redaktsiey Matsik U.: Uchebnoe posobie. [History of Ukraine: Grade 8/edited by Matsik U.: Schoolbook]. Kiev, A.S.K. Publ., 2002.
3. Dugin A. Geopolitika postmoderna [Geopolitics of postmodern]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2005, 382 p.
4. Dugin A. Geopolitika Rossii: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Geopolitics of Russia: Textbook for universities], Moscow, Akademicheskij prospect, Gaudeamus Publ., 2012, 424 p.
5. Zatulin K. Na fone oranzhevoy revolyutsii: Ukraina mezhdru Vostokom i Zapadom [On the background of the orange revolution: Ukraine between the East and the West], Moscow, the Institute of CIS Publ., 2005, 240 p.
6. Ivashov L. Bit' tsivilizatsiey! [To be the civilization!] *Zavtra vojna! Vooruzhenie sily i voennaya reforma v Rossii* [War tomorrow! The armed forces and military reform in Russia/Composite authors. Edited by Prokhanov A., Nagorniy A., Shurigin V.], Moscow, "Izborskiy klub", Knizhniy klub Publ., 2013, 117 – 131 p.
7. Kokoshin A. Realniy suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme [Real sovereignty in modern world political system], Moscow, Europe Publ., 2006, 180 p.
8. Narotchnitskaya N. Oranzhevie seti: ot Belgrada do Bishkeka [Orange networks: from Belgrad to Bishkek], Moscow, Aletaya Publ., 2008, 208 p.
9. Natsional'niy sostav naseleniya, grazhdanstvo/ Gosudarstvenniy komitet statistiki Ukraini (National structure, citizenship/State Committee of statistics of Ukraine) Available at: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/> (accessed 12 May 2014)
10. Natsional'niy sostav naseleniya, grazhdanstvo/ Gosudarstvenniy komitet statistiki Ukraini (National structure, citizenship/State Committee of statistics of Ukraine) Available at: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (accessed 12 May 2014)
11. Okunev I. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskiy sdvig v issledovatel'skoy paradigme geopolitiki [Critical geopolitics and postcritical change in the research paradigm of geopolitics] *Kriticheskaya geopolitika. Sbornik statey. Vipusk №1* [The collection of articles "Critical geopolitics"/Edited by Okunev I., Savin S.], Noginsk, Analitika Rodos, 2014, no. 1, pp. 8 – 25.
12. Huntington S. P. *Clash of Civilizations* New York, Simon&Schuster, 1996
13. Yugo-Vostok Ukrainy i Crim toskuyut po Soyuzu: opros/IA Regnum (South-East of Ukraine and Crimea miss the [Soviet] Union: sociological survey/IA Regnum) Available at: <http://www.regnum.ru/news/806657.html> (accessed 13 May 2014)

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО: ПОЗИЦИИ ГРУПП В ПЕЧАТНЫХ СМИ

Коробкова А.Д.

Данная статья будет содержать анализ дискуссии по вопросу вступления России в ВТО в прессе за три года (с декабря 2010 г. по декабрь 2013 г). Таким образом, в фокусе нашего внимания находятся два периода: полтора года до и полтора года после официального присоединения РФ к торговой организации. Методом исследования в данном случае стал контент-анализ статей в популярных массовых, деловых и общественно-политических изданиях. Выборка газет и журналов была сформирована на основе рейтинга TPR. Итоговый массив включает 397 статей.

В фокусе нашего внимания находятся позиции сторон дискуссии: используемые ими аргумента за или против присоединения России к торговой организации, а также взаимные претензии. Были выделены следующие закономерности. В период предшествующий вступлению, политики и чиновники наиболее часто использовали следующие аргументы: вступление в ВТО приведет к увеличению объемов иностранных инвестиций, послужит стимулом к развитию отечественного производства и снижению цен и т.д. Представители бизнеса оперировали преимущественно аргументами экономического характера.

Ключевые слова: *ВТО, вступление России в ВТО, массовая коммуникация, пресса.*

This article provides an analysis of the debate on Russia's WTO accession in the press for three years (from December 2010 to December 2013). Thus, we pay attention to two periods: one and a half years before and one and a half years after the Russia's formal accession to the WTO. Method of investigation is the content analysis of articles in the popular mass, business and socio-political magazines and newspapers. The sample of newspapers and magazines was formed on the basis of the rating TPR. We selected and analyzed 397 articles from 9 most popular publications.

In this article we pay particular attention to positions of the parties of discussions and analyse their arguments for or against Russia's accession to the trade organization as well as mutual claims. In the period prior to entry, most often politicians and officials used the following arguments: entry to the WTO will lead to an increase in foreign investment, will stimulate the development of domestic production and lower prices, will form clear and transparent rules of business and trading activity, raise the prestige of the country to catch up world leaders. In addition, politicians have talked a lot about favorable conditions of Russia's accession to the WTO. Representatives of the business operated primarily economic arguments.

Keywords: *WTO, Russia's WTO entering, mass communication, press, agenda-setting.*

В дискуссию относительно перспектив членства России в торговой организации оказалось вовлечено несколько групп интересов. Мнения по данному вопросу высказывали политики, представители бизнеса и экспертного сообщества. Причем высказывали достаточно эмоционально, вступая в жаркие споры. Каждая из сторон имела различные ожидания по отношению к данному событию, подкрепляла свою позицию различными аргументами. Так, со стороны бизнеса предпринимались попытки воспрепятствовать присоединению к ВТО (движение АНТИ-ВТО, попытка добиться референдума), после того как членство в глобальном торговом клубе стало свершившимся фактом, усилия представителей данной сферы деятельности были перенаправлены на обеспечение максимальной поддержки и защиты своей отрасли в новых условиях. Представители власти преследовали иную цель: стремились легитимировать принятое решение и сформировать позитивное общественное мнение по отношению к ВТО. Вместе с тем, оппозиционные политики аналогично бизнесу стремились приостановить процесс присоединения к организации (обращение в Конституционный суд). Для журналистов, в данном случае, ВТО стало некой знаковой темой, внимание к которой обеспечивало аудиторию читателей, что, в конечном итоге, и является основной целью прессы. Что касается экспертного сообщества, хочется верить, что представители данной сферы имели своей целью понимание и донесение до читателей объективной истины. Однако существуют мнения, что эксперты стремятся принимать участие в дискуссии в СМИ в целях саморекламы [7, 80–106].

Все эти стороны заняли некоторое положение по отношению к факту вступления России в ВТО, высказывали свои мнения, надежды и опасения, связанные с этим событием. Каковы же были их позиции? Какие аргументы использовались? Как велась дискуссия?

Теоретическая и методологическая основа исследования

Обращение внимания на дискуссию в СМИ, в данном случае, вполне обосновано. Население было мало осведомлено относительно того, что именно представляет собой ВТО. Так, в ходе проводимого ВЦИОМ в 2012 году исследования 21% опрошенных сообщили, что впервые слышат это название, а еще 39% отметили, что они знают только аббревиатуру, но не владеют информацией относительно того, чем данная организация занимается [5]. А согласно проведенным ранее исследованиям, обычно наблюдается высокая корреляция между вниманием СМИ к проблемам, относительно которых у населения отсутствует личный опыт, и силой воздействия дискуссии на общественное мнение [4, 109–119]. Иначе говоря, в том случае, если люди не имеют альтернативного источника информации, проблема сложна и незнакома для них, внимание СМИ к тому или иному вопросу придает оному ореол значимости в их глазах. Следовательно, в случае со вступлением России в ВТО мы можем предположить наличие сильного влияния публичной дискуссии на понимание проблемы.

В настоящей работе будут проанализированы позиции сторон по данному вопросу в печатных СМИ за три года (с декабря 2010 г. по декабрь 2013 г.). Таким образом, в фокусе нашего внимания находятся два периода: полтора года до и полтора года после официального присоединения РФ к торговой организации. Точкой,

начиная с которой мы будем анализировать дискуссию в СМИ, стало формальное согласие рабочей группы принять Россию в ВТО, а именно 26-ой саммит Россия-ЕС, на котором был подписан Меморандум о взаимопонимании между Россией и Евросоюзом о завершении двусторонних переговоров по вступлению России в ВТО.

Несмотря на то, что охват аудитории у телевидения существенно выше, печатные издания являются предпочтительными для реализации целей исследования, поскольку репрезентируют различные мнения в силу меньшей ангажированности. Кроме того, согласно ряду теорий, именно пресса выстраивает иерархию проблем для освещения, формирует дискуссию по актуальным вопросам, телевидение же лишь «высвечивает» ее отдельные аспекты [4, 109-119].

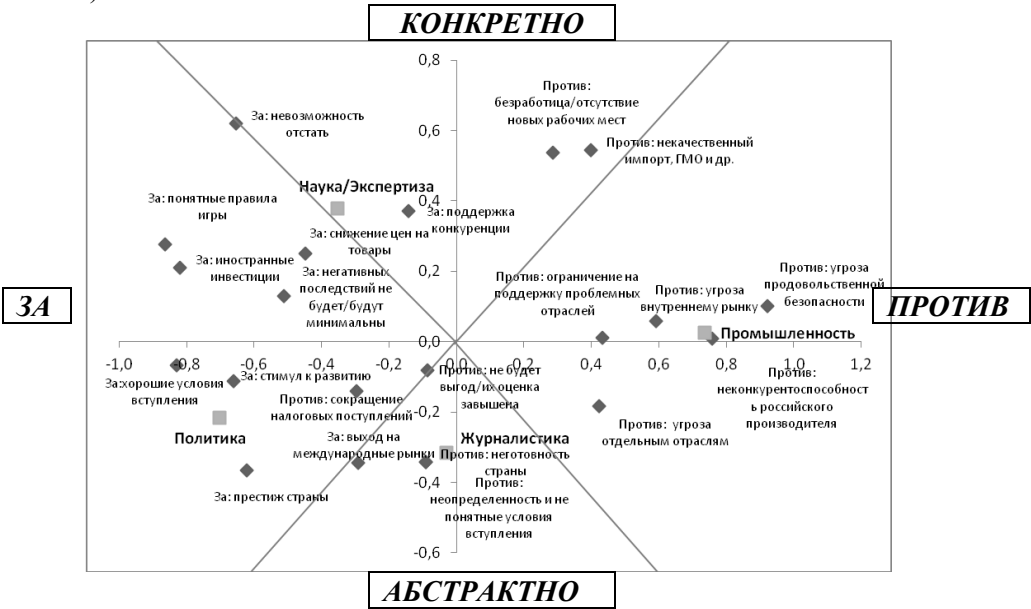
Методом исследования в данном случае стал контент-анализ статей в популярных массовых, деловых и общественно-политических изданиях. Выборка газет и журналов была сформирована на основе рейтинге TPR (Title Popularity Ranking)¹. Данный рейтинг базируется на таких параметрах как тираж издания, цена рекламной полосы и цитируемость другими печатными изданиями. Следовательно, производится оценка популярности газеты или журнала среди населения, рекламодателей и других газет и журналов. Таким образом, в фокусе нашего внимания оказываются наиболее влиятельные издания. Релевантными целям исследования считались статьи, содержащие мнение относительно целесообразности вступления России в ВТО и оценку перспектив членства страны в организации. Итоговый массив включает 397 статей: 175 за период предшествующий вступлению и 222 – за последующий период.

Большая часть научных работ, посвященных деятельности ВТО, принадлежат экономистам и политологам. Впрочем, исследования дискуссий в СМИ по данному вопросу не являются настолько маргинальными, как кажется на первый взгляд. К примеру, внимание было уделено анализу позиций СМИ по отношению к выступлениям антиглобалистов против ВТО в 1999 году в Сिएтле. В частности, было отмечено, что, в целом, пресса выступала на стороне государства и ВТО, подчеркивая необразованность, низкую экономическую грамотность, неопрятность и т.д. протестующих [3, 211-232]. Кроме того, есть примеры сравнительного анализа дискуссий относительно ВТО в публичном пространстве. Так, были выявлены различия в официальной дискуссии и дискуссии в прессе между США и Китаем касательно правил защиты интеллектуальной собственности, устанавливаемых ВТО [1, 29-37]. Вместе с тем, были предприняты также попытки связать особенности освещения в СМИ данного вопроса с экономическими показателями. В частности, У. Конг показал, что оценки присоединения Китая к торговой организации в американской прессе были различны в зависимости от выгоды данного решения для региона, в котором выходит издание [2].

¹ Примечание автора: Title Popularity Ranking (TPR): рейтинг популярности российских СМИ. URL: <http://www.exlibris.ru/rejting-izdanij>.

Аргументы сторон

В целом, стороны, участвующие в дискуссии относительно целесообразности вступления России в ВТО заняли следующие позиции: представители бизнеса – против, политики и эксперты – за. Позиция журналистов была неоднозначна и зависела от информационной политики издания. Особенности аргументации сторон в период предшествующий присоединению к торговой организации (см. Изображение 1).

Изображение 1. Особенности аргументации представителей разных сфер деятельности в течение полутора лет до вступления России в ВТО

Представители бизнеса, обосновывая свое негативное отношение к вступлению в ВТО, делают акцент на угрозах внутреннему рынку, отдельным отраслям экономики и продовольственной безопасности, а также на неконкурентоспособности российского производителя и ограничениях на поддержку проблемных отраслей. Таким образом, внимание данной стороны дискуссии обращено, прежде всего, на сложности, с которыми они могут непосредственно столкнуться. Для большинства сфер промышленности вступление в ВТО действительно было сопряжено с серьезными сложностями. Выиграть от данного решения в первую очередь должны были экспортеры, а также компании, использующие зарубежное сырье и комплектующие. Однако доля таких компаний на российском рынке невелика.

Аргументы, которыми оперируют *политики*, отличаются разнообразием и являются преимущественно позитивно окрашенными. Единственная потеря от вступления России в ВТО, которая признается представителями данной сферы, это сокращение налоговых поступлений. Действительно, данная проблема в первую очередь близка именно политикам и удостоивается их значительного внимания. В частности, на заседании Государственной Думы, на котором был ратифицирован

протокол о вступлении в ВТО, министр экономического развития РФ, Белоусов А. Р. отметил, что «прямые потери бюджета от снижения импортных пошлин могут составить в 2013 году 188 миллиардов рублей, в 2014 году — 257 миллиардов рублей».² Впрочем, за подобными заявлениями обычно следовала оговорка, что реальные потери бюджета будут существенно ниже, вследствие роста торговли и, соответственно, увеличения налоговых поступлений.

Что касается высказываемых политиками аргументов в пользу вступления России в ВТО, популярностью пользуются следующие тезисы: увеличение объемов иностранных инвестиций, стимул к развитию отечественного производства, снижение цен, формирование понятных и прозрачных правил ведения бизнеса и осуществления торговой деятельности, невозможность отставать от других стран, престиж страны, хорошие условия вступления.

Несмотря на тот факт, что протокол о вступлении России в ВТО ратифицировала, фактически, только Единая Россия, активность оппозиционных думских партий в публичном пространстве была крайне низкой. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что их попытки приостановить процесс вступления России в торговую организацию во многом носили лишь формальный характер.

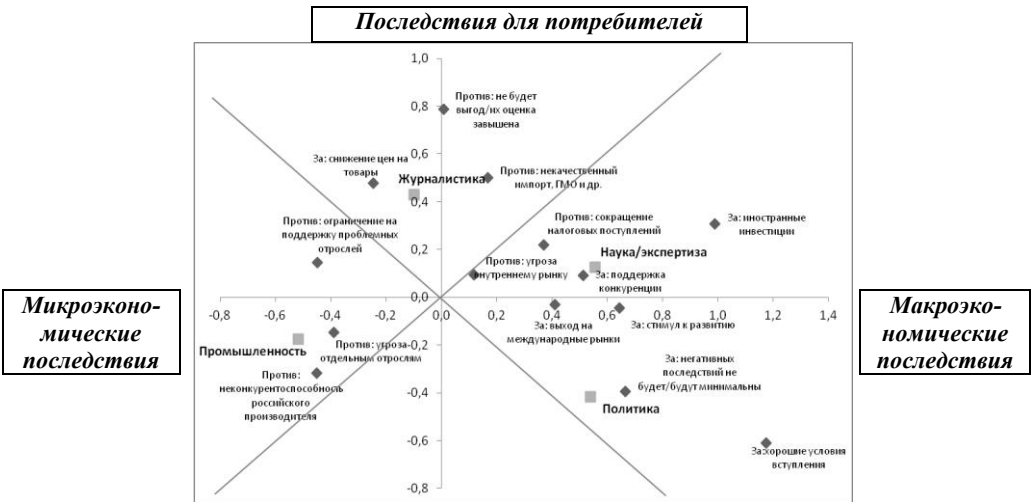
Аргументы, к которым апеллировали *журналисты*, также зачастую являлись абстрактными. Так, представители данной сферы деятельности обращали внимание на неготовность страны к вступлению в ВТО, а также на непонятные и неопределенные условия, на которых это вступление происходит. Вместе с тем, отмечалось, что присоединение к торговой организации откроет для России выход на международные рынки. Исходя из характера используемых журналистами аргументов, можно выдвинуть предположение о том, что представители данной профессии были недостаточно компетентны в вопросах международной политики и экономики. Так, рассуждения о неготовности страны и неопределенности условий не требуют практически никакого понимания ситуации. Тогда как выделение в качестве основного преимущества членства в ВТО декларируемой цели существования данной организации, также не является индикатором высокой осведомленности.

Экспертов же в случае вступления России в ВТО более всего беспокоили возможный рост безработицы, а также снижение контроля качества товаров: появление на российских рынках дешевой и низкосортной продукции, а также продуктов питания, содержащих ГМО. Таким образом, очевидно, что каждая из сторон дискуссии, отстаивая свою позицию, прибегала к разным аргументам в зависимости от собственных интересов и меры своей компетентности.

Однако после того как присоединение к торговой организации стало свершившимся фактом ситуация несколько изменилась. Поле аргументов, приводимых в публичном пространстве за полтора года членства в торговой организации, может быть разбито на три больших сектора: последствия для потребителей, производителей и экономики в целом (см. Изображение 2).

² Сайт Государственной Думы. Стенограмма заседания 10 июля 2012 г. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2014).

Максимальное внимание макроэкономическим последствиям вступления в ВТО уделили *представители экспертного сообщества и политики*. Представители данных групп отмечали потенциальное позитивное влияние данного решения на инвестиционный климат, международную торговлю и поддержку конкуренции. Вместе с тем, отмечалось, что членство во «всемирном торговом клубе» несет в себе угрозы для экономики в целом и чревато снижением налоговых поступлений.

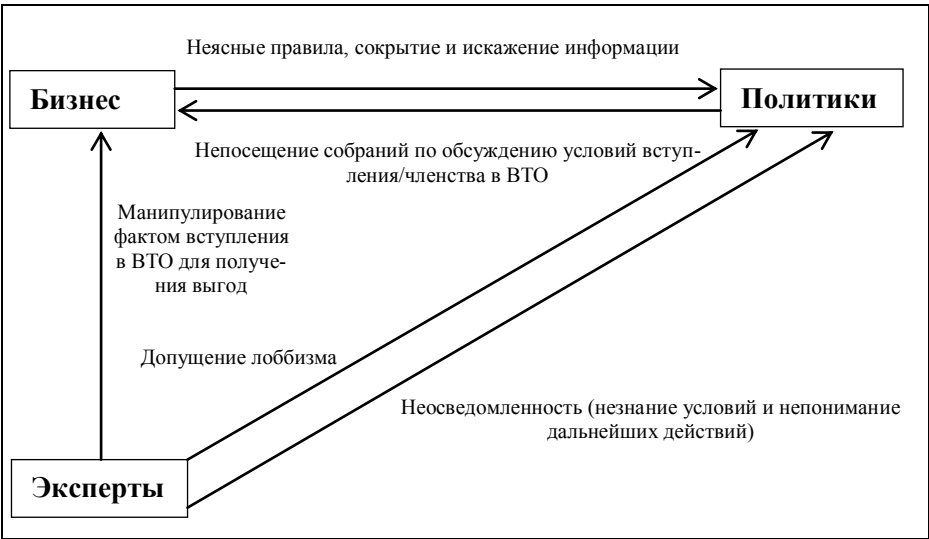
Изображение 2. Особенности аргументации представителей разных сфер деятельности в течение полутора лет после вступления России в ВТО

Представители бизнеса продолжили делать акцент на экономических последствиях вступления в ВТО. Однако теперь из спектра наиболее популярных среди представителей данной группы аргументов «выпали» тезисы относительно макроэкономических последствий данного шага. После присоединения к ВТО представители бизнеса сосредоточились на оценки потенциальных рисков и возможностей для собственной отрасли. При этом первые статьи, констатирующие негативные последствия членства во «всемирном торговом клубе» для российской экономики появились уже через две недели после официального присоединения к организации, когда реальных последствий быть еще не могло. Исходя из этого, можно предположить, что представители бизнеса пытались превратить факт членства в организации в легитимную рамку лоббизма.

Журналисты после вступления в ВТО сконцентрировались на проблемах и выгодах данного решения для потребителей. Поскольку, в конечном итоге, цель любого СМИ – продаваться, максимальное внимание к близким потенциальному читателю аспектам членства в организации оправдано.

Взаимные претензии сторон

Помимо того, что политики, представители бизнеса и эксперты высказывали в публичном пространстве свое мнение относительно вступления России в ВТО, они также выражали в СМИ недовольство действиями друг друга. Наибольшее число упреков было направленно в адрес политиков, которые, в известной мере, ответственны как за присоединение к торговой организации, так и за адаптацию к условиям членства в оной. Так, экономисты упрекали представителей власти в некомпетентности, незнании основных условий ВТО, допущении лоббизма. В частности, Г. Греф сравнивал российских чиновников с хоккейной сборной, которая не знает правил игры и, поэтому, пытается «шайбу спрятать куда подальше и доползти до ворот противника, чтобы ее туда засунуть» [6]. «Вот что мы сейчас делаем в ВТО», – резюмирует эксперт.

Изображение 3. Карта взаимных претензий сторон дискуссии

При этом представители бизнеса упрекали политиков в не предоставлении ясной и полной информации касательно условий членства в организации, а также недостаточной государственной поддержки проблемных отраслей. Примером тому может служить следующая цитата относительно ВТО, приведенная в журнале Эксперт: «Мотивы принятия решений чиновников непонятны, информация от бизнеса утаивается или искажается» [8].

Впрочем, не избежали обвинений и сами представители бизнеса. Так, со стороны экспертов, представители данной группы критикуются (и как мы отмечали ранее небезосновательно) за лоббизм. Тогда как политики, парируя обвинения в сокрытии информации, критикуют бизнесменов за непосещение собраний предпринимателей, на которых и обсуждались условия присоединения к организации.

Подводя итог настоящей работы, хочется еще раз отметить, что все участники дискуссии преследовали собственные цели, выражая позицию в публичном

пространстве. Кроме того, последствия присоединения к ВТО для каждой из рассмотренных нами групп различны, равно как неодинаково и понимание рисков и возможностей, сопряженных с членством во «всемирном торговом клубе». Все это может обуславливать разнообразие используемых сторонами дискуссии аргументов.

Литература

1. Creemers R. Marching In: China's Cultural Trade in Official and Press Discourse. *China Perspectives*, 2012, no. 1, pp. 29-37;
2. Kong Y. U.S. Regional Newspapers' coverage on China's entry into the WTO – A regional economy approach (1997). URL: http://etd.lsu.edu/docs/available/etd-0603103-112538/unrestricted/Kong_thesis.pdf (дата обращения: 6.05.2014);
3. McFarlane T., Hay I. The battle for Seattle: protest and popular geopolitics in The Australian newspaper. *Political Geography*, 2003, no. 22, pp. 211–232;
4. Дьякова Е.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу. *Политические исследования*, 2003, №3, С. 109-119;
5. Исследование ВЦИОМ: мнения россиян о Всемирной торговой организации, за 2012 год // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916> (дата обращения: 14 мая 2013);
6. Колбасная капитуляция // Эксперт. 09.10.2012;
7. Кольцова О. Кто и как влияет на производство новостей в современной России. *Pro et Contra*, 2001, № 2, С. 80–106;
8. Россия долго сомневалась // Ведомости. 15.04.2013.

References

1. Creemers R. Marching In: China's Cultural Trade in Official and Press Discourse. *China Perspectives*, 2012, no. 1, pp. 29-37.
2. Dyakova E.G. Massovaya politicheskaya kommunikatsiya v teorii ustanovleniya povestki dnya: ot effekta k protsessu [Mass political communication in the theory of agenda-setting: from the effect to the process]. *Politicheskije issledovaniya*, 2003, no. 3, pp. 109-119.
3. Koltsova O. Kto i kak vliyaet na proizvodstvo novostey v sovremennoy Rossii [Who and how influences on the production of news in modern Russia]. *Pro et Contra*, 2001, no. 2, pp. 80–106.
4. Kong Y. U.S. Regional Newspapers' coverage on China's entry into the WTO – A regional economy approach (1997). Available at: http://etd.lsu.edu/docs/available/etd-0603103-112538/unrestricted/Kong_thesis.pdf (accessed 6 May 2014).
5. McFarlane T., Hay I. The battle for Seattle: protest and popular geopolitics in The Australian newspaper. *Political Geography*, 2003, no. 22, pp. 211–232.
6. Mneniya rossiyan o vseмирnoy trgovoy organizatsii [Russian's opinions on the World Trade Organization]. (2012). Available at: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916> (accessed 14 May 2013).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Балашов А.Н.

В статье автор рассматривает некоторые особенности информационных технологий, используемых российскими политическими партиями. В России основным средством воздействия на избирателей остаются традиционные информационные технологии. Вместе с тем, автор показывает, что доля Интернет-технологий возрастает. Также автор уделяет внимание новым сетевым партиям.

Ключевые слова: *информационные технологии, Интернет-технологии, политические партии, новые политические партии, социальные сети.*

The author considers some of the features of information technologies used by Russian political parties. In Russia, the main means of influencing the voters are the traditional information technology. However, the author shows that the proportion of Internet technologies increases. The author also pays attention to the new network political parties.

Key words: *information technology, Internet technologies, political parties, new political parties, social networks.*

В период последних десятилетий наблюдается стремительное развитие информационных технологий, которые проникают во все сферы жизни общества. Огромное влияние они оказывают на политическую сферу: под их влиянием трансформируются институты, закрепляются новые типы коммуникации и формы организации дискурса. Информационные технологии используются всеми субъектами политики: политической элитой, политическими партиями, общественными организациями и другими субъектами, преследующими политические цели. Наиболее интенсивно информационные технологии используются в период избирательных кампаний.

В современной России в условиях многопартийности сложился высокий уровень конкуренции среди претендентов во властные структуры. Вместе с тем, современные партии характеризуются тем, что их политические программы и платформы практически не используются в качестве механизма привлечения голосов. Это является результатом их трансформации вследствие изменения социальной структуры постиндустриального общества, связанного, прежде всего, с сокращением больших социально-экономических общностей. В этих условиях ориентация партий на конкретную социальную общность и выражение ее интересов перестали гарантировать успех на выборах. Партиям пришлось ориентироваться на интересы как можно большего числа социальных групп. Все это привело к значительному росту интенсивности использования информационных технологий участниками

политической борьбы, которые становятся основным фактором достижения их целей.

Под информационными технологиями, используемыми политическими партиями, мы понимаем технологии создания, сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации для реализации функций политических партий, направленных на повышение эффективности их деятельности и достижения желаемых результатов в сфере политики.

В зависимости от возможности использования новых достижений в области информатизации общества, информационные технологии в политике можно разделить на:

- 1) традиционные информационные технологии;
- 2) новые информационные технологии.

Традиционные информационные технологии – это технологии, для реализации которых используются традиционные средства передачи информации: печать, телевидение, телефонная связь, радио и др.

Новые информационные технологии – это технологии, для реализации которых используются последние достижения в области развития средств информатизации общества, в том числе – электронная вычислительная техника, информационно-телекоммуникационные системы, системы спутниковой связи.

Наибольший интерес для исследования представляют новые информационные технологии, интенсивность использования которых возрастает с каждым электро-ральным циклом. К ним относятся Интернет-технологии – технологии, средством реализации которых является сеть Интернет. Сегодня Интернет стал одним из ключевых каналов распространения политической информации.

На современном этапе развития сети Интернет можно выделить следующие преимущества Интернет-технологий для политических партий по сравнению с традиционными средствами передачи информации:

- 1) скорость распространения информации;
- 2) отсутствие географических границ;
- 3) интерактивность;
- 4) финансовые преимущества: экономия затрат и возможность сбора финансовых средств;
- 5) привлечение добровольцев и новых членов партии;
- 6) удобство исследования электората: Интернет позволяет собирать данные о предпочтениях избирателей, реакции на то или иное событие, на политического лидера;
- 7) таргетинг политической рекламы (фокусировка на целевую аудиторию) и другие преимущества.

Интернет-технологии занимают все большую долю в совокупности всех технологий, применяемых политическими партиями как в период избирательных кампаний, так и в период подготовки к ним. В настоящее время в сети Интернет представлены следующие основные виды ресурсов политических партий: официальные представительства политических партий; официальные и неофициальные персональные сайты партийных лидеров и отдельных членов партии; блоги и сетевые дневники; интернет-издания традиционных СМИ, освещающих деятельность пар-

тий и другие ресурсы. Неотъемлемым элементом стало присутствие партий и партийных лидеров в социальных сетях. В новых условиях политические партии вынуждены создавать свой образ не только с помощью телевидения или прессы, но и в сети Интернет, где они конкурируют за внимание пользователей с другими акторами, зачастую не являющимися партиями. Например, на выборах в Государственную Думу 2011 года наряду с зарегистрированными российскими политическими партиями высокую Интернет-активность проявляли сетевые сообщества, в основном имеющие оппозиционный к действующей власти характер.

Вместе с тем, в нашей стране основным средством воздействия на избирателей остаются традиционные технологии. Этому способствуют информационная отсталость некоторых регионов, приверженность традиционным источникам информации некоторой части населения и другие причины. Даже в наиболее развитых странах говорить о вытеснении традиционных медиа и, прежде всего, телевидения из практики проведения политических кампаний, преждевременно. В тоже время традиционные СМИ постепенно сближаются с онлайн-средой. Этому способствуют значительное увеличение как численности россиян, пользующихся Интернетом, так и рост доверия граждан к Интернету как источнику политической информации. По данным Фонда Общественное Мнение годовой прирост Интернет-пользователей, выходящих в сеть хотя бы раз за месяц, составил 7%, а для точной аудитории данный показатель равен 12% [1].

В докладе Фонда развития гражданского общества сделан вывод о том, что Интернет станет базовым источником политической информации для россиян к выборам 2016–2018 гг. Если эти показатели продолжат рост, то можно утверждать, что «выборы Депутатов Государственной Думы ФС РФ в 2016 году и, тем более, выборы Президента России в 2018 году пройдут в новой информационной реальности, где главная роль будет принадлежать всемирной Сети» [2].

Особенностью современной российской партийной системы является значительное увеличение количества зарегистрированных и незарегистрированных политических партий вследствие либерализации законодательства о партиях в 2012 году. Как правило, небольшие по численности, вновь созданные партии не имеют доступа к традиционным СМИ. Интернет-технологии увеличивают возможности таких партий: позволяют им распространять информацию о партии, стимулировать приток в партию пользователей Сети.

Следует отметить, что в мировой практике существуют такие структуры, которые носят название «сетевые политические партии». Такие партии, как правило, формируются и развиваются полностью в Интернет-среде. Офлайн-пространство становится для таких партий второстепенным.

В Германии так называемая «партия пиратов» заставила традиционные партии пересмотреть свою политику в Интернете, так как она стала новой силой, с которой необходимо считаться большим партиям. Главная особенность «пиратов» – это принцип «больше участия, больше демократии», который они проводят именно с помощью коммуникации с гражданами в социальных сетях. Исследователи отмечают, что «в своей коммуникационной политике, как внутрипартийной, так и внешней, пираты с успехом используют те приемы по работе с социальными ме-

диа, которые были использованы в предвыборной кампании Барака Обамы в 2008 г., а также скопированы политиками других стран...» [3, 263].

В России созданы несколько партий, имеющих сетевой характер. В результате исследования Интернет-активности новых российских партий установлено, что «лидирующее место с заведомым преимуществом, оправдывая свое название, занимает «Интернет-Партия Российской Федерации». Причем, это не только значительно больше, чем у других новых партий, но и больше, чем у незарегистрированных конкурентов...» [4, 119]. Необходимо отметить, что новые партии имеют большую поддержку сообщества «ВКонтакте», нежели «исторические» партии. Новые партии уступают по количеству лишь одному сообществу «старых» партий — ЛДПР, заметно превосходя сообщества остальных партий [4, 119]. На наш взгляд, эти данные говорят о том, что российские сетевые партии, находя свою социальную базу в Интернет-пользователях, мало ориентируются на «обычных» граждан.

Отличительной особенностью успешных политических кампаний является использование своего онлайн-присутствия для сбора денежных средств и привлечения добровольцев. Исследователи признают, что предвыборная кампания Барака Обамы внесла новое слово в электоральные технологии. Его кампания отличается использованием принципов сетевой самоорганизации и привлечением большого количества волонтеров. Наряду с этим, «победа Обамы без интернет-технологий просто не смогла бы состояться, так как именно они стали основным источником привлечения финансов, особенно на этапе праймериз» [5, 56].

Следует ожидать, что такой опыт будет заимствован и российскими партиями, когда для этого сложатся определенные условия, к которым можно отнести достаточный уровень проникновения Интернета, развитие электронных платежных систем и др.

Политические партии обязаны поддерживать коммуникации с обществом не только в предвыборный период, но также и в период между выборами. Особенно это касается парламентских партий. В этом и заключается одна из главных функций партий: выражение интересов социальных групп. В этом случае основной становится интерактивная функция сети Интернет. Однако, российские парламентские партии проводят недостаточную коммуникационную политику в сети. Как отмечают исследователи, одной из ключевых проблем является отсутствие в политической практике ведение диалога с гражданами, выяснения потребностей населения, поддержание отношений взаимного сотрудничества и доверия. [6, 14]

Таким образом, новые информационные технологии в политике обладают большими возможностями. По мнению исследователя партий А. Крувеля, следующая стадия развития партий будет заключаться в «усилении партий с сильными лидерами, умеющими работать со СМИ». Мы считаем, что не только с традиционными СМИ, но и с сетевыми электронными СМИ, а также взаимодействовать с электоратом в Интернет-пространстве.

Литература

1. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2013-2014 гг. // ФОМ: Фонд Общественное Мнение. 2014. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11417>;

2. Доклад «Рунет сегодня. Исследование современного российского интернета» // ФОРГО: Фонд развития гражданского общества. 2012. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/1>;

3. Литвиненко А.А. Веб 2.0 во внешней коммуникации политических партий Германии // Теория и практика общественного развития, №2, 2012 г. С. 262—264;

4. Мартянов Д.С. Сравнительный анализ репрезентации новых российских партий в сети Интернет // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №161, 2013 г. С. 117—121;

5. Быков И.А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Серия: политология. №1, 2010г. С.48—58;

6. Кондрашина Н.В. Интернет-технологии как инструмент взаимодействия политической власти и общества в современной России. Автореферат диссертации. канд. полит. наук. Астрахань, 2009. – 26 с.

References

1. Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Zima 2013-2014 gg. (Internet in Russia: dynamics of penetration. Winter of 2013-2014.) Available at: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11417> (accessed 5 May 2014);

2. Doklad «Runet segodnya. Issledovaniye sovremennogo rossiyskogo interneta» (Report "RUnet today. A study of contemporary Russian Internet") Available at: <http://civilfund.ru/mat/view/1> (accessed 5 May 2014);

3. Litvinenko A.A. Veb 2.0 vo vneshney kommunikatsii politicheskikh partiy Germanii [Web 2.0 in the external communication of political parties in Germany]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya - Theory and practice of social development, 2012, no.2, pp. 262-264;

4. Martyanov D.S. Sravnitel'nyy analiz reprezentatsii novykh rossiyskikh partiy v seti Internet [Comparative analysis of the representation of the new Russian parties in the Internet]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena - Proceedings of the Russian State Pedagogical University. AI Herzen, 2013, no.161, pp. 117-121;

5. Bykov I.A. Internet-tekhnologii v izbiratel'noy kampanii Baraka Obamy [Internet-based technologies in the election campaign of Barack Obama]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: politologiya - Bulletin of the Perm University. Series: Politics, 2010, no.1, pp. 48-58;

6. Kondrashina N.V. Internet-tekhnologii kak instrument vzaimodeystviya politicheskoy vlasti i obshchestva v sovremennoy Rossii. Avtoreferat dissertatsii ... kand. polit. nauk. [Internet technology as a tool for interaction between political power and society in contemporary Russia. PhD Political Sci. abstract of the diss.]. Astrakhan, 2009. 26 p.

РОЛЬ СЕТЕВОГО ПАРТИЙНОГО БРЕНДА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Писарчук Д.И.

В современном развитии общества, относящемся к постиндустриальной эпохе, все большее значение приобретают несколько факторов, характеризующих отличительные аспекты партийного брендинга в сетевой среде, рассмотрение которых в данном ракурсе необходимо производить с учетом особенностей объекта воздействия этих технологий – сетевой целевой аудитории.

Целевая аудитория интернета значительно отличается по ряду показателей от части электората «оффлайн», который продолжает использование бумажных носителей информации, предпочитая традиционные контакты.

Современные же коммуникационно – информационные технологии все интенсивнее проникают во многие стороны российского общества, обладая преимуществами и недостатками, как и большинство общественных явлений, признаком идеализации которых стал бы отправной точкой начала стагнационных процессов.

Ключевые слова: *сетевой партийный бренд, Интернет, современная аудитория, развивающееся общество.*

In modern society development relating to the post-industrial era, several factors are becoming increasingly important that characterize different aspects of party brand in a network environment, the consideration of which should be based on characteristics of the impact of these technologies – network audience.

In some aspects the target audience of the Internet is significantly different from the «offline» portion of the electorate that continues using of paper media, preferring traditional contacts.

Modern information and communication technologies are intensively deepening into many aspects of Russian society, having the advantages and disadvantages, like most social phenomenons, the sign of which idealization would become the starting point for stagnation processes.

Key words: *network party brand, Internet, modern auditory, developing society.*

Условия конкуренции, продиктованные становлением рыночной экономики и демократическими процессами, актуализировали возникновение представлений о бренде, под которым обычно понимается популярная, легко узнаваемая потребителем и юридически защищённая символика какого-либо производителя или продукта. Изначально понятие носило сугубо коммерческий характер и было связано с процессом потребительского выбора из предоставленного множества товаров и услуг, итогом которого зачастую становится предпочтение не первичным характеристикам продукта, а узнаваемости его символических атрибутов. Таким образом, именно бренд наделяет продукт ключевой характеристикой уникальности,

без которого масса товаров стали бы неотличимы друг от друга, что основывает факт приобретения современным покупателем не столько самого товара, сколько его отличительных особенностей, т.е. бренда [2, 210–260].

Так, конкуренция растет и в политической сфере, когда сущность борьбы за завоевание, удержание и использование политической власти сегодня составляет не только и не столько борьба партийных организаций или конкуренция заявляемых ими программ действий, сколько борьба образов – политических брендов. Особенность эффективного партийного бренда заключается в грамотном использовании технологий массовой коммуникации [3, 102–128], которые связаны с работой в виртуальном пространстве. На сегодняшний день представляется непродуктивным продолжение процесса развития современного государства и общества без использования сети Интернет, что подчеркивает потенциал функционирования феномена сетевого партийного бренда.

Заявленный феномен характеризуется широким масштабом охвата разноплановой аудитории, высокой скоростью распространения информационных потоков при относительно низкой величине коммуникационных издержек, а также вероятностью построения полноценного диалога с целевой аудиторией при оперативном получении обратной связи. Однако, начальные результаты практического внедрения явления сетевого партийного бренда можно проследить, в основном, на примере зарубежной политической практики, но, следует отметить, что феномен можно считать новым направлением, поэтому существенным недостатком является отсутствие достаточного числа теоретических разработок и материалов, посвященных заданной теме.

При этом, потенциал сетевого партийного бренда обусловлен характеристиками развития современного государства и общества, одной из которых можно считать особенность новой аудитории. При массовой доступности к информационному пласту она отражает сегодняшнюю политическую тенденцию, заключающуюся в максимальном удовлетворении личных потребностей в потреблении актуальных сообщений. При прочих равных условиях, феномен сетевого партийного бренда сможет отвечать на относительно высокие требования, предъявленные к мобильности информационного потока.

По резолюции ООН от 3.06.2011 г. Интернет признается базовым правом всего человечества. С каждым годом число пользователей сети увеличивается, отражая условия современной демократии, но, с другой стороны, наличие барьеров географического, социального, материального и ментального характера, тормозит общественное развитие, демонстрируя неравенство в доступе к ресурсам. Однако, уже ведутся разговоры о программе обеспечения беспроводным сетевым доступом всех жителей планеты до 2015 г. путем установки орбитальных спутников, раздающих сигнал Wi-Fi всему человечеству без исключения. Таким образом, станет возможным наличие интерактивной формы политического участия на постоянной основе, процесс вовлечения индивидов в политическую сферу жизни общества сделается более легким, а также распространение явления сетевой активности сыграет определенную роль в детерминировании категории неопределившегося электората.

Сегодня происходит интенсификация развития информационных технологий, становящихся основным средством коммуникационного общения и даже вытесняющих телевидение как заранее известное, прогнозируемое с высокой степенью достоверности явление – утрачивающее элемент обратной связи, за исключением программ такого рода как ток-шоу, где возможно осуществление обратной связи в виде телефонного звонка, голосования с помощью средств мобильной связи, относящихся к интерактивным формам взаимодействия с аудиторией.

Качество сообщений является неотъемлемым условием для достижения высокой эффективности информационных посылов сетевой аудитории. Партии, конкурирующие между собой, выполняют ряд требований сети в предоставлении информации: яркость, легкость восприятия, доступность, оперативность, детализация информационных данных, грамотность. Сетевой партийный бренд как источник экспертной информации сегодня выступает основным фактором, который имеет возможность обеспечить высокую популярность в рамках сетевой аудитории, увеличение количества избирателей, а также победу на выборах.

Роль сетевого партийного бренда в развитии современного общества находит свое отражение при разработке сайтов сетевых партий, в процессе которого необходимо учитывать феномен трансформации – жанровых и стилистических изменений при написании журналистских текстов, а также создании дизайна [4, 60–91]. Учитывая коммуникативные особенности новой среды, стиль изложения материала в сетевой журналистике претерпевает изменения, – основные особенности «сетевых текстов» определяются спецификой сети как медийной среды и особенностями восприятия информации с электронными носителями современной аудиторией, заинтересованной в максимальной полезности удовлетворения своих информационных запросов.

Иначе говоря, Интернет обладает политическими ресурсами, являясь катализатором реальных общественных событий, нейтрализатором факторов, управляя общественным мнением и динамичной информационной оболочкой, привлекая различные технологии и инструменты воздействия. Результатом создания и продвижения сетевого партийного бренда может стать не только появление интегрированных в Интернет «электронных версий» уже существующих партийных брендов, но и возникновение «сетевых партий», вся информационно-коммуникационная активность которых будет осуществляться только в сети [5, 135–137]. Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что феномен сетевого партийного бренда транслирует ведущую современную политическую тенденцию, отражением которой является процесс развития государства и общества в целом.

Литература

1. Frommer D. Here's How To Use Instagram. *Business Insider*, 2010, no.11, pp. 1–23.;
2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. — М.: Изд. Прометей. 2004. — 328 с.
3. Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. — М.: Изд. МГУ. 2012. — 312 с.

4. Mashkova S.G. *Setevie SMI: faktori effektivnosti* Kand. Diss. [Network Media: efficiency factors PHd. Diss.]. Voronej, 2006. 199 p.

5. Pisarchuk D.I. *Proektirovanie sovremennogo partyinogo brenda* [Designing a modern party brand]. *Vestnik RUDN Politologia — Gazette RUDN Politics*, 2013, no.3., pp. 135—137.

References

1. Frommer D. Here's How To Use Instagram. *Business Insider*, 2010, no.11, pp. 1-23.;

2. Grachev M. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie koncepcii, modeli, vektori razvitiya* [Political communication: theoretical concepts, models, vectors of developing]. Moscow, Prometheus Publ., 2004, 328 p.;

3. Volodenkov S. *Upravlnye sovremennimi politicheskimi kampaniyami* [Management of modern political campaigns]. Moscow. MSU Publ., 2012, 312 p.;

4. Mashkova S.G. *Setevie SMI: faktori effektivnosti* Kand. Diss. [Network Media: efficiency factors PHd. Diss.]. Voronej, 2006. 199 p.;

5. Pisarchuk D.I. *Proektirovanie sovremennogo partyinogo brenda* [Designing a modern party brand]. *Vestnik RUDN Politologia — Gazette RUDN Politics*, 2013, no.3., pp. 135—137.

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ ДИНАМИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ¹

Ведмецкая Л.Н.

Вызовы системе управления современным государством и его возможности эффективно функционировать на международной арене явились стимулом для изучения в политологии способностей государств по примеру частных фирм, испытывающих на себе постоянное влияние конкурентной среды в ситуации ограниченных ресурсов. Концепция динамических способностей становится востребованной в политологии для изучения стратегических изменений различных видов деятельности государства начиная с начала 2000-х гг. и делает основной акцент на гибкости, эффективности и конкурентоспособности института и неустойчивости окружающей среды.

При разработке и применении концепции динамических способностей государства для анализа его потенциала к развитию особое значение приобретает не только (и не столько) экономическая эффективность, но и социальная эффективность. Этот факт позволяет сконцентрировать внимание на процессах координации социальных взаимодействий, особенно в области публичной политики.

Ключевые слова: *Концепция динамических способностей, развитие государства, конкурентоспособность, эффективность государственного управления.*

In post-crisis world the ability of modern state to be competitive on the international level depends on its capacity to be flexible and proactive in instable environment (in decision-making process, carrying out the reforms, etc.). State capacities became the object of research in political science as the private firms became the object of research in strategic management. Modern organizations are influenced by quickly changing environment in a situation of limited resources. The concept of Dynamic Capacities has become demanded in political science for studying strategic changes of different types of the state activity since the beginning of the 2000th. It focuses attention on the flexibility, efficiency and competitiveness of institutes and instability of environment.

The concept of dynamic capacities of the modern state pays attention not only to the economic efficiency, but also to the social efficiency. This fact allows us to concentrate attention to the processes of coordination of social interactions, especially in the field of public policy.

Keywords: *Concept of dynamic capacities, development of the state, competitiveness, effectiveness of the political administration.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС», проект № 14-03-00816

Вызовы системе управления современным государством и его возможности эффективно функционировать на международной арене явились стимулом для изучения в политологии способностей государств по примеру частных фирм, испытывающих на себе постоянное влияние конкурентной среды в ситуации ограниченных ресурсов.

Концепция *динамических способностей* (dynamic capacities/dynamic capabilities) появилась в рамках ресурсной теории стратегического менеджмента более пятнадцати лет назад и рассматривала проблему достижения и поддержания конкурентного преимущества организации в условиях быстро меняющейся внешней среды [7]. Д. Тис первым дал определение и описал основные черты динамических способностей, отмечая что они «позволяют деловым фирмам создавать, использовать и защищать нематериальные активы, которые поддерживают более высокую результативность компаний» [18]. То есть основной акцент делается на *гибкости, эффективности и конкурентоспособности института и неустойчивости окружающей среды*.

В политологии концепция динамических способностей становится востребованной для изучения стратегических изменений различных видов деятельности государства начиная с начала 2000-х гг. Формирование и разработка концепции динамических способностей государства обусловлена объективными причинами, заключающимися в необходимости как для ученых, так и для лиц, принимающих государственно-политические решения, выявлять возможности и потенциал государств в современном неэргодичном мире. Более того, мы исходим из того утверждения, что любое современное государство нуждается в сбалансированной политике развития, направленной на формирование способности государства к изменениям [8, 169] для преодоления вызовов окружающего мира или же для своевременного распознавания благоприятных для развития условий.

В противоположность динамическим способностям фирм или государств существуют нединамические способности, создающие иерархию способностей от базовых к уникальным, редким, креативным. Приверженцы ресурсной теории стратегического менеджмента описывают место динамических способностей в иерархии способностей организации следующим образом: «У организации существуют: 1) функциональные (операционные) способности, свойственные большинству компаний в отрасли; 2) «ключевые» способности, формирующие ключевые компетенции, и, следовательно, лежащие в основе конкурентного преимущества; 3) динамические способности, позволяющие обновлять «ключевые» способности в соответствии с изменениями во внешней среде» [19, 58]. Динамические способности важны для развития организации, так как способствуют выработке новой стратегии с учетом вызовов окружающей среды через распознавание ценностного ранга различных ресурсов (материальных, человеческих, организационных).

Если способности первого и второго уровней (функциональные способности) могут быть рутинизированы и скопированы конкурентами, то применительно к способностям третьего уровня сделать это гораздо сложнее. Ресурсом динамических способностей, по мнению исследователей, является *интеллект* лиц, включенных в процессы производства и управления [17, 175]. В этом заключается важный

источник устойчивых конкурентных преимуществ, что актуализирует концепцию динамических способностей.

Концепция динамических способностей становится востребованной в политологии для изучения стратегических изменений различных видов деятельности государства начиная с начала 2000-х гг. На сегодняшний день в политологии и теории международных отношений более разработанным понятием по сравнению с «динамическими способностями государства» является понятие «*способностей государства*» (state capacities), послужившее естественной базой для начала исследований в области динамических способностей государств. Широкому распространению данного термина послужила трансформация методологических установок публичного управления: «последовательный переход от концепции нового государственного менеджмента к концепции политических сетей и интеграция этих двух концепций в теории нового способа (режима) управления – «governance» [15, 66].

Концепция нового государственного менеджмента сделала возможным применение разработанной в рамках теории стратегического менеджмента концепции динамических способностей, которая имела важное значение для анализа и обоснования актуальных проблем эффективного политического управления, развития государства, снижения политических и социальных издержек. Однако новый государственный менеджмент скорее послужил мостом от менеджериальной концепции динамических способностей к политико-управленческой.

Концепция «governance» оказалась фундаментом дальнейших исследований способностей государств, обладая достаточным объяснительным потенциалом и возможностью анализировать синергетические эффекты, возникающие в ходе взаимодействия представителей гражданского общества, бизнес-структур с органами власти, и проч. Концепция «governance» и теория политических сетей явились необходимым базисом для изучения и обоснования специфики включения различных групп населения в реализацию стратегий развития государств, взаимодействия «гражданского общества, экономических структур и органов государственного управления, а также способов поддержания устойчивого сетевого сотрудничества на принципах партнерства, ответственности, справедливости» [10, 13].

Понятие «способностей государства» находится в тесной связи с феноменом действенности государства, «включая его различные смысловые значения – качество, производительность, эффективность» [15, 66]. Это замечание в полной мере относится и к концепции динамических способностей государства. В данной работе под *эффективностью* мы будем понимать «отношение чисто положительных результатов (превышение желательных последствий над нежелательными) и допустимых затрат, как увеличение отдачи на единицу ресурса в единицу времени. Решение можно назвать эффективным, если наилучший результат достигнут при минимальных издержках или если заданный результат получен при самых низких издержках выбора» [9, 4]. При разработке и применении концепции динамических способностей государства для анализа его потенциала к развитию особое значение приобретает не только (и не столько) экономическая эффективность, но и социальная эффективность. Этот факт позволяет сконцентрировать внимание на процессах

координации социальных взаимодействий, особенно в области публичной политики.

В отечественной политологии способности государства попали в фокус внимания в начале XXI века. С 2007 года концепцию способностей государства в области политико-административного управления разрабатывали сотрудники кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета под руководством профессора Л. В. Сморгунова [11; 12; 14]. В рамках этих работ проводились исследования процессов «повышения уровня политико-административных способностей государства осуществлять цели государственной политики, выполнять свои регулирующие функции по отношению к национальной экономике и обществу», достигать максимальной эффективности принятия управленческих решений и их исполнения, а также соотносить свои действия с публичными ценностями и интересами населения [14, 404].

Проблему способностей государства разрабатывали такие исследователи, как профессор МГУ А. И. Соловьев (в своих исследованиях отмечал, что способности государства демонстрируют «предметную связь данного института с социальным контекстом и формирующимися трендами общественного развития», эффективность управления, а также «характер соответствия данного института вызовам современности, возможности решения им своих стратегических и тактических задач». Дефицит определенных способностей государства, «т.е. несоответствие реальных компетенций государства вызовам времени, ведет к кризису либо отдельных структур управления и власти, либо правящего режима, либо самого государства. И наоборот: повышение соответствия способностей государства стоящим на повестке дня задачам является предпосылкой его успешного развития» [16, 130]), профессор Курского государственного университета В. Б. Слатинов (в своих исследованиях рассматривал теорию способностей государства как перспективный методологический базис для совершенствования и повышения эффективности современной системы государственного управления в развивающихся странах в общем, и в России в частности [13]), специалисты в области государственного управления и электронной демократии С. А. Овчинников и К.Д. Тагиев (рассматривали способности государства в области регулирования процессов распространения и защиты информации, в том числе и развития электронного правительства [12]) и др.

В начале 2000-х годов в ходе анализа быстро меняющихся условий политико-административного управления, а также процессов развития социально-политической сферы была впервые применена концепция динамических способностей государства. Помимо способностей фирм создавать и развивать конкурентные преимущества в стремительно меняющейся среде внимание иностранных ученых привлекали проблемы обнаружения и построения динамических способностей государств, как на локальном, так и на общегосударственном уровне (например, динамические способности государства в области экономического развития городов [4], в области управления сферой здравоохранения [5] и др.).

В иностранной политологии в рамках изучения динамических способностей в основном выделяются конкретные сферы государственной деятельности, которые оцениваются как динамические (активно развивающееся, меняющееся в зависимо-

сти от требований среды, эффективно использующие человеческие ресурсы и т.д.) или не динамические. Однако в последние годы появились исследования, целью которых является выявить характеристики динамического государства в целом [2], что является совершенно иным подходом к анализу государства в процессе его развития с точки зрения концепции динамических способностей государства.

Опираясь на зарубежные и отечественные исследования в области динамических способностей, мы можем заключить, что *динамические способности государства* (dynamic capacities/capabilities of the state) – это уникальные свойства государства, являющиеся условием максимально успешного осуществления его политико-управленческих и социально-экономических функций и снижения транзакционных издержек в неустойчивой среде. В данном контексте является значимым процесс продуктивного использования ресурсов и продуктов инновационной деятельности для повышения национальной конкурентоспособности на продолжительный период времени.

У государства могут быть определенные условия для развития (географические, климатические, ресурсные), однако каждое государство формирует и развивает способности самостоятельно, используя доступные ему материальные и нематериальные ресурсы, включая знания и инновационные технологии.

Динамические способности являются качественной характеристикой государства и являются условием для его развития в процессе преодоления вызовов и угроз окружающей среды. Неотъемлемый элемент динамических способностей государств – способность к изменениям и, поскольку социальные и политические системы стремятся к положительным изменениям для собственного выживания, это означает, что они стремятся к развитию. Поэтому такие явления как динамические способности и политика развития государства неразрывно связаны и должны изучаться комплексно.

Понятие развития является одним из центральных в процессе исследования динамики изменения современных обществ под влиянием внешних и внутренних вызовов. Можно говорить о том, что на рубеже второго и третьего тысячелетий развитие превратилось в основной вызов человечеству, причем не только в сфере экономических отношений, но и в области политико-управленческих процессов, способных существенно повлиять на все сферы жизни общества [6]: государство, склоняясь к демократическому или авторитарному политическому режиму, применяя или игнорируя использование информационно-коммуникационных технологий при управлении, влияет на развитие общества так же, как, например, новые знания в области науки и техники влияют на инвестиционный климат в стране.

По замечанию Л. В. Сморгунова, «использование термина «способности государства» связано с рядом концептуальных движений в публичном управлении». Прежде всего, стоит отметить, что «способность государства управлять первоначально рассматривалась в рамках концепции развития стран» [14, 404]. Впоследствии понятие развития государства стало пониматься исследователями шире, чем развитие стран третьего мира.

Концепция динамических способностей смещает акцент с политики развития как характеристики развивающихся государств, направленной на модернизацию различных сфер жизни общества, на стратегию развития как динамичный и перма-

нентный процесс совершенствования политико-административной системы и экономики любой страны для повышения ее конкурентоспособности. В этом смысле динамические способности стимулируют развитие и совершенствование всей системы, создавая серию долговременных конкурентных преимуществ, приносящая к постоянному поиску оптимального выхода из ситуации вызова и конкурентной борьбы.

Динамические способности государства являются условием для успешной реализации политики развития, так как обеспечивают гибкость и эффективность функционирования всей системы. Под *политикой развития* мы понимаем более или менее взаимосвязанную последовательность действий, направленную на комплексное решение актуальных проблем общества для их преодоления и выработку адекватного ответа на современные вызовы [3, 534], то есть формирование общей стратегии развития общества с целью достижения устойчивых конкурентных преимуществ и создания национальной инновационной системы государства. Политика развития включает в себя трансформацию политических и адаптацию социально-экономических институтов к требованиям и изменениям окружающей среды. Государство, реализующее политику развития, демонстрирует такие черты, как комплексное видение управленцами основных проблем и возможностей страны, обладание политиками лидерских качеств и легитимности принимаемых ими решений, а также способность вызвать положительное преобразование общества в течение довольно сжатого периода времени [1].

Для реализации стратегии развития государство не обязано успешно развивать все сферы деятельности общества. Положительное преобразование отдельных областей может сопровождаться рядом отрицательных последствий, таких как нанесение ущерба окружающей среде или стимулирование социальной напряженности, которые общество и государство должны решить в последующей фазе своего развития.

Выбор и принятие стратегии развития зависит от преобладания в политике целей политического и социально-экономического развития, которые получены из первоначального представления и определения процесса развития, а также зависят от степени разработки теорий, гипотез, моделей, методов и эмпирических исследований, посвященных проблеме развития государства. Развитость и доступность этих теоретических и эмпирических наработок и само представление о важности политики развития влияет на принятие политико-управленческих решений на уровне органов государственной власти. Все это в совокупности и формирует стратегию государства, темпы и последовательность ее реализации в социальной, экономической или политической сферах.

Литература

1. Emmerij L. Turning Points in Development Thinking and Practice // *Advancing Development: Core Themes in Global Economics*. / Edited by G. Mavrotas and A. Shorrocks. Tokyo: United Nations University, 2007. P. 37—50.
2. Fagerberg J., Srholec M. Capabilities, Competitiveness, Nations // *Presentations of Participants of the International Conference “Dynamic Capabilities and the Sustaina-*

ble Competitiveness of Firms and Nations”. St. Petersburg University, Faculty of Management, 11 October 2012. P. 157—166.

3. Fritz V., Menocal A. R. Developmental States in the New Millennium: Concepts and Challenges for a New Aid Agenda // Development Policy Review. London: Overseas Development Institute. 2007. Vol. 25. No. 5. P. 531—552.

4. Sotarauta M. Dynamic Capacities in Promotion of Economic Development of City-regions // Paper from the 43rd European Congress of the Regional Science Association “Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe”. Jyväskylä, Finland, 2003. P. 1—22.

5. Story P. Dynamic Capacity Management for Healthcare: Advanced Methods and Tools for Optimization. New York: Productivity Press, Taylor & Francis US, 2010. 226 pp.

6. Williams G., Duncan A., Landell-Mills P., Unsworth S. Politics and Growth // Development Policy Review. London: Overseas Development Institute. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 6—7.

7. Андреева Т. Е., Чайка В. А. Динамические способности фирмы: что необходимо, чтобы они были динамическими? // Научные доклады. СПб: НИИ менеджмента СПбГУ, 2006. № 2(R). С. 2. // Режим доступа: [http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/2\(R\)_2006.pdf](http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/niim/publishing/papers/2006/2(R)_2006.pdf) (дата обращения: 3.11.2010).

8. Андреева Т. Е., Чайка В. А. К дискуссии о сущности динамических способностей: Материалы научного семинара // СПб: Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 8. Вып. 4. С. 163—174.

9. Гаман-Голутвина О. В., Сморгунов Л. В., Соловьев А. И., Туровский Р. Ф. Эффективность государственного управления в России в 2008 году // МГИМО (У) МИД РФ, СПбГУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ. 2008. С. 86.

10. Кулакова Т. А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. 328 с.

11. Курочкин А. В. Эффективность государственного управления: проблема определения и оценки в контексте «способностей государства» // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). 2007. № 2 (4). СПб. С. 20—27.

12. Овчинников С. А., Тагиев К. Д. Концепции электронного правительства: критический взгляд на идеологию нового государственного управления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 3. С. 147—152.

13. Слатинов В. Б. Стратегия реформирования государственного управления в современной России: сфера влияния против способностей государства // Среднерусский вестник общественных наук. — Орел: Издательство ОРАГС. 2010. № 1. С. 97—103.

14. Сморгунов Л. В. Концепция «способностей государства», конструктивизм и развитие теории государственного управления // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: 6-я ежегодная международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. 29-31 мая

2008 г.: Материалы конференции / Отв. ред. И. Н. Мысляева. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 403—419.

15.Сморгунов Л. В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире. Сборник статей. / Под общ. ред. Я. А. Пляйса и А. Б. Шатилова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 63—74.

16.Соловьев А. И. Способности и состоятельность российского государства: к постановке проблемы // Политическая наука. 2011. М.: ИНИОН РАН. № 2. С. 125—142.

17.Сторчевой М. А. Некоторые сомнения в концепции динамических способностей // СПб: Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 8. Вып. 4. С. 175—182.

18.Тис. Д. Дж. Выявление динамических способностей: природа и микрооснования (устойчивых) результатов компании // Российский журнал менеджмента. – СПб: Издательство СПбГУ, 2009. Том 7. № 4. // Режим доступа: http://www.rjm.ru/archive/list/t_7_4_2009_g/ (дата обращения: 17.06.11).

19.Хрестоматия: динамические способности фирмы // Российский журнал менеджмента. – СПб: издательство СПбГУ 2009. Том 7. № 4. С. 57—58.

References

1. Emmerij L. Turning Points in Development Thinking and Practice // *Advancing Development: Core Themes in Global Economics*. / Edited by G. Mavrotas and A. Shorrocks. Tokyo: United Nations University, 2007. P. 37—50.

2. Fagerberg J., Srholec M. Capabilities, Competitiveness, Nations // *Presentations of Participants of the International Conference “Dynamic Capabilities and the Sustainable Competitiveness of Firms and Nations”*. St. Petersburg University, Faculty of Management, 11 October 2012. P. 157—166.

3. Fritz V., Menocal A. R. Developmental States in the New Millennium: Concepts and Challenges for a New Aid Agenda // *Development Policy Review*. London: Overseas Development Institute. 2007. Vol. 25. No. 5. P. 531—552.

4. Sotarauta M. Dynamic Capacities in Promotion of Economic Development of City-regions // *Paper from the 43rd European Congress of the Regional Science Association “Peripheries, Centres, and Spatial Development in the New Europe”*. Jyväskylä, Finland, 2003. P. 1—22.

5. Story P. *Dynamic Capacity Management for Healthcare: Advanced Methods and Tools for Optimization*. New York: Productivity Press, Taylor & Francis US, 2010. 226 pp.

6. Williams G., Duncan A., Landell-Mills P., Unsworth S. *Politics and Growth* // *Development Policy Review*. London: Overseas Development Institute. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 6—7.

7. Andreeva T. E., Chajka V. A. Dinamicheskie sposobnosti firmy: chto neobxodimo, chtoby oni byli dinamicheskimi? [Dynamic Capacities of the Firm: What Should we do to Make them Dynamic?] // *Nauchnye doklady*. SPb: NII menedzhmenta SPbGU, 2006. № 2(R). S. 2.

8. Andreeva T. E., Chajka V. A. K diskussii o sushhnosti dinamicheskix sposobnostej: Materialy nauchnogo seminar [The discussion about the nature of dynamic capabilities: Materials Science Seminar] // SPb: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Seriya 8.Vyp. 4. S. 163—174.

9. Gaman-Golutvina O. V., Smorgunov L. V., Solov'ev A. I., Turovskij R. F. E'ffektivnost' gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii v 2008 godu [Effectiveness of the State Administration in Russian Federation in 2008] // MGIMO (U) MID RF, SPbGU, MGU im. M. V. Lomonosova, NIU VShE'. 2008. 86 s.

10. Kulakova T. A. Politika izmenenij: administrativnye reformy i vzaimodejstvie gosudarstva i obshhestva [The Policy of Changes: Administrative Reforms and Interaction of the State and Society]. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. 328 s.

11. Kurochkin A. V. E'ffektivnost' gosudarstvennogo upravleniya: problema opredeleniya i ocenki v kontekste «sposobnostej gosudarstva» [Effectiveness of the Political Administration: Problem of Defenition and Measurement in the Context of “State Capacities”] // Demokratiya i upravlenie: Informacionnyj byulleten' issledovatel'skogo komiteta RAPN po sravnitel'noj politologii (SP-RAPN). 2007. № 2 (4). SPb. C. 20—27.

12. Ovchinnikov S. A., Tagiev K. D. Konceptii e'lektronnogo pravitel'stva: kriticheskij vzglyad na ideologiyu novogo gosudarstvennogo upravleniya [Conception of Electronic Government: Critical View to the New Ideology of the Political Administration] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-e'konomicheskogo universiteta. 2012. № 3. S. 147—152.

13. Slatinov V. B. Strategiya reformirovaniya gosudarstvennogo upravleniya v sovremennoj Rossii: sfera vliyaniya protiv sposobnostej gosudarstva [Stretegy of Reforming of the Political Administration in the Modern Russia: Sphere of Influence versus State Capacities] // Srednerusskij vestnik obshhestvennyx nauk. —Orel: Izdatel'stvo ORAGS. 2010. № 1. S. 97—103.

14. Smorgunov L. V. Konceptiya «sposobnostej gosudarstva», konstruktivizm i razvitie teorii gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke: tradicii i innovacii: 6-ya ezhegodnaya mezhdunarodnaya konferenciya fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M. V. Lomonosova. [The Concept of «State Capacity», Constructivism and Time-development of the Theory of Public Administration // State Management in the XXI Century: Tradition and Innovation: The 6th Annual International Conference of the Faculty of Public Administration in Moscow State University.] 29-31 maya 2008 g.: Materialy konferencii / Otv. red. I. N. Myslyaeva. M.: MAKs Press, 2008. S. 403—419.

15. Smorgunov L. V. Sposobnosti gosudarstva i sootnoshenie administrativnyx i demokraticheskix rezhimov pravleniya [Capacities of the State and Correlation of Administrative and Democratic Regimes] // Demokratiya v sovremennom mire. Sbornik statej. / Pod obshh. red. Ya. A. Plyajsa i A. B. Shatilova. M.: ROSSPE'N, 2009. C. 63—74.

16. Solov'ev A. I. Sposobnosti i sostoyatel'nost' rossijskogo gosudarstva: k postanovke problemy [Capacities and Stateness of the Russian State] // Politicheskaya nauka. 2011. M.: INION RAN. № 2. S. 125—142.

17. Storchevoj M. A. Nekotorye somneniya v koncepcii dinamicheskix sposobnostej [Some Doubts in the Concept of Dynamic Capacities] // SPb: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Ser. 8. Vyp. 4. С. 175—182.

18. Tis. D. Dzh. Vyyavlenie dinamicheskix sposobnostej: priroda i mikroosnovaniya (ustojchivyy) rezul'tatov kompanii [Detection of Dynamic Capacities: Nature and Microbases of Results of the Company] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. – SPb: Izdatel'stvo SPbGU, 2009. Tom 7. № 4. // Rezhim dostupa: http://www.rjm.ru/archive/list/t_7_4_2009_g/ (data obrashheniya: 17.06.11).

19. Xrestomatiya: dinamicheskie sposobnosti firmy [Anthology: Dynamic Capacities of the Firm] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. – SPb: izdatel'stvo SPbGU 2009. Tom 7. № 4. S. 57—58.

ГОСУДАРСТВО, НАСИЛИЕ И БИЗНЕС: СТРАТЕГИИ ЗАХВАТА БИЗНЕСА, СПОСОБЫ ЕГО ЗАЩИТЫ И РОЛЬ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ

Казун А.П.

В работе рассматривается проблема давления на российский бизнес в контексте образования сильных бизнес-ассоциаций таких как «Деловая Россия» и «Бизнес Солидарность», берущих на себя функцию по защите предпринимателей. За последние 20 лет Россия прошла через несколько стадий развития отношений между государством и бизнесом. Стратегии взаимодействия бизнеса с государством постепенно переходили от индивидуальных к коллективным и от частных к публичным. Данное обстоятельство предопределяет растущую роль деловых ассоциаций в современной России. В тоже время проблема силового давления на бизнес остается крайне актуальной для России. В данной статье мы используем стратегию «case study». На основе базы печатных СМИ «Интегрум» рассматриваем 28 примеров давления на бизнес в России с 2009 по 2012 гг., заявления по которым обсуждались на Общественном Совете ЦОП «Бизнес против коррупции» (общественной организации, созданной в 2011 году на базе «Деловой России» и при поддержке Министерства экономического развития). После анализа 135 статей из региональных и федеральных газет, посвященных этим делам, мы выделили основные инструменты, используемые рейдерами для давления на предпринимателей и захвата бизнеса, и установили логику их применения.

Ключевые слова: *силовое давление на бизнес, бизнес ассоциации, рейдерский захват.*

We analyze the problem of the pressure on Russian business in the context of development of strong business associations such as "Business Russia» and "Business Solidarity" which take over the function of entrepreneur's protection. Over the past 20 years Russia has gone through several stages of development of relations between the state and business. Strategy of interaction between business and the state were gradually shifted from the individual to the collective and from private to public. This fact determines the growing role of business associations in modern Russia. At the same time the problem of military pressure on business remains extremely relevant for Russia. In this article we use «case study» strategy. Using the base of print media «Integrum» we consider 28 examples of pressure on business in Russia from 2009 to 2012, with were discussed at the Public Council of Center of Public Procedures «Business against Corruption» (non-governmental organization , with were established in 2011 on the basis of «Business Russia» and supported by the Ministry of Economic Development). After the analysis of 135 articles from regional and national newspapers about raider attacks we have identified the main tools used by raiders to pressure on entrepreneurs and to capture business.

Key words: *violent pressure on business, business associations, raider attack.*

Актуальность и проблема исследования

В настоящей работе мы попытаемся ответить на вопрос, насколько эффективно деловые ассоциации могут защищать бизнес от рейдерских захватов.

Если взглянуть на российский опыт защиты предпринимателей от силового давления в последнее двадцатилетие, то мы условно можем выделить три этапа: силовое предпринимательство (1991-1999), переговоры с государством (2000-2008), публичная защита (2008-настоящее время).

В 1990-ые годы в России был широко распространен феномен «силового предпринимательства» [6], когда в контексте слабого государства бизнес вынужден был обращаться за защитой к криминальным группировкам («искать крышу»). По данным МВД в 1994 году $\frac{3}{4}$ бизнеса платили за защиту преступникам, а по данным РАН криминальные группировки владели примерно 55% капитала частных компаний России в 1995 году [1]. В этот период государство фактически на время утратило часть функций по обеспечению «безопасности».

Взаимодействия предпринимателей с государством носили преимущественно индивидуальных характер. Бизнес-ассоциации этого времени нельзя назвать полноценными представителями коллективных интересов, поскольку они были тесно связаны со своими лидерами и с политической борьбой. К началу 2000-ых государство одерживает верх над силовым предпринимательством – своим главным конкурентом по «сбору ренты». Происходит централизация власти, а одновременной с ней и централизацией насилия. И без того высокие риски «силового предпринимательства» окончательно превысили потенциальную выгоду [6], что привело к масштабной легализации криминального бизнеса и переходу к более тонким и безопасным инструментам силового давления. Теперь «договариваться» предпринимателям приходилось именно с чиновниками. Угроза применения насилия, существовавшая в 1990-ых, не исчезла, а приняла новые формы: недобросовестные конкуренты начали действовать другими методами (заказные проверки, рейдерские захваты и пр.), стремясь оставаться в рамках правового поля. Подробный анализ этой проблемы проводится в книге Э. Панеях «Правила игры для русского предпринимателя» [8].

В докладе «The End of a Violent Era» в 2011 году подчеркивалось, что в последнее время российские предприниматели начали более активно обращаться за защитой в суд [1]. Причем данное обстоятельство говорит не об ухудшении ситуации в стране, а, напротив, о том, что предприниматели начинают выбирать суд для защиты своих прав по сравнению с другими формами защиты. Например, с 2000 по 2008 год количество судебных исков против налоговой инспекции возросло с 13 тыс. до 50 тыс. (на 280%), более того 60-70% этих дел заканчиваются в пользу предпринимателя. Другим косвенным показателем интереса предпринимателей к защите в рамках правового поля является постоянный рост числа адвокатов (с 26 тыс. в 1996 до 63,7 тыс. в 2010).

После мирового финансового кризиса 2008 и во время президентского срока Д. Медведева начался новый этап развития отношений между государством и бизнесом, связанный с переходом от лоббирования интересов и дискуссий о «правилах игры» к непосредственно вопросам защиты прав предпринимателей. В 2011 году «Деловой Россией» был учрежден Центр Общественных Процедур «Бизнес

против коррупции» (далее ЦОП «БПК»). ЦОП «БПК» является первым примером публичной коллективной защиты прав предпринимателей посредством бизнес ассоциаций с широкой членской базой [4].

Защита предпринимателей от административного давления и рейдерских захватов – это принципиально новая и очень амбициозная задача, которая никогда ранее не решалась бизнес-ассоциациями в России, по крайней мере, систематически. Если переговорный процесс предполагает определенную гибкость и поиск компромиссов между интересами предпринимателей и чиновников, то вопросы рейдерских захватов иногда касаются прямо противоположных и непримиримых позиций. При этом о том, как протекают рейдерские захваты, и какое место деловые ассоциации занимают в вопросах защиты предпринимателей, на настоящий момент известно очень немного.

Методология исследования

В настоящем исследовании мы будем использовать стратегию «case study». Case Study можно определить как интенсивное изучение единичного случая с целью понимания более широкого кластера подобных случаев [2]. Поскольку не существует официальной статистики по числу рейдерских захватов, анализ мы будем проводить с использованием СМИ [3].

Анализ рейдерских захватов через газетные публикации – задача достаточно сложная, но в тоже время во много вынужденная. Проблема состоит в том, что СМИ могут как не замечать определенные случаи силового давления на бизнес, так и называть «рейдерством» то, что на самом деле является «спором хозяйствующих субъектов». Потому в качестве «фильтра» мы будем использовать открытую базу упомянутого выше ЦОП «БПК», более того, лишь те дела, которые прошли через внутреннюю процедуру «отсева» и дошли до «Общественного совета».

Источником данных для анализа нам послужила база печатных СМИ с 2010 по 2013 год, собранная информационным агентством «Интегрум».

Запросы в базе «Интегрум» строились по названиям компаний, ставших жертвами рейдерского захвата, а также именам руководителей, обвиненных по экономическим статьям. В некоторых случаях использовались названия компаний-рейдера, а также ключевые слова: «рейдер», «захват», «суд» и т.п. В итоге было отобрано 135 статей, посвященных 28 случаям давления на бизнес. Анализ данных является исключительно качественным (для количественного анализа, к сожалению, не достаточно релевантных дел) и проводится с помощью инструментов открытого, осевого и избирательного кодирования [9].

В итоге нам удалось получить внушительный массив информации, который отражает большое разнообразие случаев, поступивших из 17 регионов России (в этом смысле опасения о том, что ЦОП «БПК» рассматривал только «московские дела» не вполне обоснованы). Специализация компаний, подвергнувшихся давлению или рейдерским захватам, также самая разнообразная. Среди них строительные компании, поставщик электричества, агрохолдинг, свиноферма, порт, завод по производству кефира, кукурузокалибровочный завод, торговая сеть, салон красоты, подростковый клуб и др.

Результаты исследования

Анализируя отобранные публикации, мы стремились выделить в них некоторые общие элементы, определить черты, характерные для большинства историй рейдерских захватов или вымогательств. В итоге было выделено 32 устойчивые категории, среди которых: судебное разбирательство, подлог документов, наличие кредита, обыск, изъятие личного имущества, давление на родственников, торг с рейдерами, наличие альтернативной версии событий, высокая роль СМИ, открытые письма власти и др. В каждом деле фигурируют от 5 до 20 таких категорий. Кроме этого, на основе публикаций мы пытались установить характеристики лиц, выступавших захватчиками собственности, а также оценить результат, полученный по итогам всей истории.

Стратегии захвата бизнеса

На основе 32 отобранных категорий было выделено три базовых этапа рейдерского захвата собственности. Во многом захват предприятия напоминает средневековую осаду города: сначала хозяину выдвигают предложение добровольно отдать (или продать по заведомо невысокой цене) свое предприятие. В случае отказа начинается следующий этап – «осада предприятия», основной целью которого является ослабление противника. Наконец, в тот момент, когда противник ослаблен, происходит финальный этап – захват собственности, по итогам которого бывший владелец чаще всего сам попадает в тюрьму.

Таблица 1. Этапы рейдерского захвата предприятия

Этап	«Ультиматум»	«Осада»	«Захват»
Инструменты	- Предложение о выкупе, - Предложение «сотрудничества» - Запугивание - Звонки с угрозами	- Обыск - Изъятие документов - Физическое закрытие доступа к объекту - Захват объекта ЧОП - Избиение - Поджог - Срыв собрания акционеров	- Подача заявления в суд - Подделка документов - Внесение изменений в реестр - Арест владельца - Похищение - Изъятие личного имущества - Заказная экспертиза
Издержки для рейдеров	Низкие издержки	Средние издержки	Высокие издержки
Тип давления	Психологическое давление	Экономическое давление	Юридическое давление

Хотя со стороны может показаться, что рейдеры всегда применяют один и тот же набор инструментов и используют их одновременно, анализ публикаций показывает, что чаще всего их действия являются строго выверенными. Применение каждого инструмента сопряжено с использованием определенных ресурсов, раз-

личным уровнем риска, а также направлено на достижение четко обозначенных целей.

В ходе анализа 28 случаев давления на бизнес было установлено, что на стороне захватчиков могут выступать следующие акторы: совладельцы, конкуренты, ОПГ, чиновники, силовики и банки, а также комбинации этих акторов.

В целом, можно разделить все стороны на тех, кто обладает преимущественно экономическими ресурсами и тех, кто обладает административными ресурсами. Однако важно понимать, что конкурирующие компании тоже могут пользоваться услугами местной власти или полиции, только эти услуги обойдутся им значительно дороже, чем, если бы чиновники или полиция действовали сами. О прямой связи рейдеров с органами власти говорилось примерно в половине случаев (16 из 28), что соответствует результатом упомянутого выше исследования [3].

Стратегии защиты бизнеса

До настоящего момента мы преимущественно рассматривали действия, направленные на захват предприятия. Тем не менее, рейдерский захват – это всегда противостояние двух сторон, а потому не менее важно учитывать возможные ответные действия бизнесменов. Газеты очень любят описывать действия рейдеров, но часто крайне скупо пишут о том, что делал в это время предприниматель. Иногда возникает впечатление, что владелец бизнеса является лишь беспомощной жертвой более сильной стороны.

В целом, возможности для защиты, конечно, значительно менее разнообразны, но и просто так расставаться со своим бизнесом предприниматели не готовы. Рассмотрим возможные реакции предпринимателей в той же последовательности, в которой мы рассматривали действия рейдеров (итог анализа представлен в таблице № 2). Важно отметить, что в таблице, равно как и в газетных статьях, не упоминаются превентивные меры защиты от рейдерства («отравленные пилюли», прозрачность бизнеса и т.п.).

Таблица 2. Стратегии защиты предпринимателей

Этап	«Ультиматум»	«Осада»	«Захват»
Тактики защиты	- Заявление в полицию; - Усиление Охраны; - Торг; - Откуп.	- Обращение в суд; - Обращение в прокуратуру; - Вызов полиции; - Помощь консультантов; - Привлечение внимания СМИ; - Организация митинга работников.	- Обращение в ЦОП «БПК»; - Подача апелляции; - Открытые письма власти; - Иммиграция.
Тип реакции	Индивидуальная	Индивидуальная и публичная	Публичная

На первой стадии атаки предприниматель, как правило, находится один на один со своими захватчиками. Никто еще не знает о его беде, а действовать уже некоторым образом нужно. Две основных возможности – это усиление охраны и

обращение в полицию. И то и другое дает лишь ограниченные результаты, которые, как и способ давления, носят скорее психологический характер. На этом этапе также существует стратегия «исхода», т.е. можно просто принять поражение и избежать конфликта. В этом случае предприниматель может откупиться. К сожалению, случаи откупа на первой стадии захвата редко попадают во внимание, а потому мы очень немного о них знаем.

Весьма необычная стратегия привлечения внимания появилась у предпринимателей относительно недавно в связи с событиями декабря 2011 года. Такой стратегией является организация собственного митинга и смешение политических лозунгов с экономическими целями. В частности, владельцы краснодарской компании «Промавтоматика-Инвест» стали активными членами протестного движения, привлекли внимание прессы и федеральных властей и успешно защитили свои интересы.

Другой стратегией является вовлечение в проблему местного населения и сотрудников своего предприятия. Впрочем, данная тактика доступна преимущественно для крупного бизнеса, чья работа связана с благосостоянием окружающего района. Так или иначе, активная роль в этом процессе будет принадлежать прессе.

Когда бизнес уже захвачен, а судебный процесс проходит вторую и третью инстанции, дело может стать по-настоящему громким. Примерно в этот момент на сцене появляется ЦОП «БПК». Все дела, которые рассматривались нами в этом разделе, так или иначе, оказывались в суде. Однако даже суд не гарантирует того, что о горькой судьбе предпринимателя кто-то узнает.

На последнем этапе рейдерского захвата важным инструментам становятся адресные письма в высшие органы власти (президенту, министрам, генеральному прокурору, судьям, губернатору и т.д.). Часто такие письма составляются по итогам собрания ЦОП «БПК». Хотя на каждое такое письмо получатель обязан отреагировать, по словам Б. Титова, только треть писем имеют результат [7].

Пожалуй, главным недостатком открытых писем является то, что зачастую написать их можно лишь на последней стадии рейдерского захвата. Угрозы и даже некоторые элементы «осады» едва ли могут стать достаточным основанием для того, чтобы высокопоставленный чиновник взял дело под свой контроль. Письма к власти появляются уже после того, как суд вынес решение не в пользу предпринимателя.

Заключение: роль деловых ассоциаций

На основе газетных публикаций мы попытались оценить итоги противостояния рейдеров и бизнеса. Положительно или условно положительно закончились восемь рассматриваемых дел. Еще двенадцать дел можно оценить как имеющие отрицательный для предпринимателя исход. Остальные случаи находятся в процессе разрешения. Однако практически о любом деле мы можем сказать, что игра еще не закончена.

Освобождение предпринимателя из тюрьмы, даже его реабилитация, это, безусловно, хороший исход. Впрочем, большинство предпринимателей уже потеряли свой бизнес, и хотя свобода дороже денег, такой итог противостояния можно назвать лишь условно положительным. Хуже того, освобождение предпринимате-

ля не означает того, что рейдеры, захватившие его бизнес, куда-то исчезли. Привлечение их к ответственности и компенсация причиненного ущерба остаются только в мечтах. А рейдеры между тем оказываются весьма мстительными. Даже после решения суда в пользу владельцев краснодарского предприятия «Промавто-матика-инвест», предприниматели продолжали получать звонки с угрозами, в итоге один из владельцев был жестоко избит [10]. Владелец фармацевтической компании во Владивостоке в 2011 году выиграл свое дело в суде, а в 2012 году пропал без вести [5]. Позже он был найден в одном из госпиталей, куда его привезли после серьезного избиения. В 2013 году были задержаны подозреваемые в его похищении, которыми оказались лица, ранее совершившие неудачную попытку захвата его компании.

Из всех историй, проанализированных выше, можно сделать и другой не менее важный вывод – для предпринимателей, чья собственность была захвачена, участие публичных бизнес-ассоциаций (таких как «Бизнес Солидарность или проект «Деловой России» ЦОП «БПК») является лишь небольшим эпизодом, помощью, которая касается лишь одного аспекта проблемы. Да, дело может быть взято на контроль, возможно, инициативу ЦОП поддержат в прокуратуре или на суде. Этот результат значительно лучше, чем ничего. Однако пока дело движется вперед, предприниматель продолжит находиться под постоянным прессингом, его предприятие будет в «осаде», а сам он, возможно, в тюрьме. Хуже того, даже после победы он не сможет быть до конца уверен в том, что история не повторится. Истории, описанные выше, свидетельствуют о том, что проблема силового давления на бизнес крайне актуальна в современно России. И хотя в 2011-2012 году был сделан важный шаг на пути к решению этой проблемы, ситуация с силовым давлением на бизнес зависит от очень большого числа факторов и едва ли претерпит сильные изменения в ближайшее время.

Литература

1. Gans-Morse J. The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts. *Annual Meeting of the American Political Science Association in Seattle*, 2011, pp. 1-48. [<http://www.kellogg.northwestern.edu/research/drrc/research/working-papers.aspx>]
2. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for// *The American Political Science Review*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004, Vol. 98, No. 2, pp. 341-354
3. Rochlitz M. Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*. — USA: Routledge, 2014, Vol. 30, No 1-2, pp. 89-114.
4. Yakovlev A. A., Sobolev A. S., Kazun A. Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? *Post-Soviet Affairs*. — USA: Routledge, 2014, Vol. 30. No 1-2, pp. 171-194.
5. Во Владивостоке накануне важного заседания Думы о приватизации исчез депутат// Комсомольская правда – Белгород, 03.12.2012.
6. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. Вадим Волков. — изд. 3-е, испр. и доп.— СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012, 352 с.

7. Корня А., Бирюкова Л. Омбудсмен доброй воли. *Ведомости*, № 41, 3303. 12.03.2013.
8. Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя. Предисл. Е. Ясина — М.: КоЛибри, 2008, — 240 с.
9. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники/ Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001, 256 с.
10. Титов Е. Жертва закона. *Новая газета*, № 116. 17.10.2011.

References

1. Gans-Morse J. The End of a Violent Era: The Role of Force in Russian Business Conflicts. *Annual Meeting of the American Political Science Association in Seattle*, 2011, pp. 1-48. [<http://www.kellogg.northwestern.edu/research/drrc/research/working-papers.aspx>]
2. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for// *The American Political Science Review*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004, Vol. 98, No. 2, pp. 341-354
3. Rochlitz M. Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*. — USA: Routledge, 2014, Vol. 30, No 1-2, pp. 89-114.
4. Yakovlev A. A., Sobolev A. S., Kazun A. Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? *Post-Soviet Affairs*. — USA: Routledge, 2014, Vol. 30. No 1-2, pp. 171-194.
5. Vo Vladivostoke nakanune vazhnogo zasedaniya Dumy o privatizatsii ischez deputat// *Komsomol'skaya pravda* [In Vladivostok before the important meeting about privatization in Duma the deputy disappeared]. Belgorod, 03.12.2012.
6. Volkov V.V. Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz. [Power entrepreneurship, XXI Century: Economic and Sociological Analysis.] Vadim Volkov. izd. 3-e, ispr. i dop.— SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012, 352 p.
7. Kornya A., Biryukova L. Ombudsmen dobroy voli [Ombudsman of goodwill]. *Vedomosti*, № 41, 3303. 12.03.2013.
8. Paneyakh E. Pravila igry dlya russkogo predprinimatelya [Rules for the Russian businessman]. Predisl. E. Yasina — М.: KoLibri, 2008, — 240 p.
9. Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki [Basics of qualitative research: grounded theory procedures and techniques]/ Per. s angl. i posleslovie T. S. Vasil'evoy. — М.: Editorial URSS, 2001, 256 s.
10. Titov E. Zhertva zakona [Victim of law]. *Novaya gazeta*, № 116. 17.10.2011.

**«МЯГКОЕ ОБАЯНИЕ» КРАСНО-ЖЕЛТОГО ДРАКОНА¹:
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Шевелёва Т.Н., Тимофеев О.А.

Развитие международных отношений в последнее время требует от ведущих государств мира новых подходов. Китайские ученые ведут активный поиск моделей наиболее адекватного соответствия растущей экономической мощи и «мягкой» силы страны национальным интересам и потребностям международного сообщества. Одновременно с этим Китай реализует стратегию гармоничного мира, отражающую усилия в поиске моделей сотрудничества в период глобализации. Концепция же «мягкой» силы способствует формированию благоприятных условий для достижения многоуровневого консенсуса между акторами международных отношений. Очевидно, что основная цель этой политики заключается в создании наиболее благоприятных условий для расширения китайского влияния в мире и на Азиатском континенте. Автор анализирует поведение КНР в двусторонних отношениях с соседними странами в политической, экономической и культурной областях.

Ключевые слова: *международные отношения, внешняя политика КНР, гармонизация международных отношений, совокупная государственная мощь, американский политолог Дж. Най, «мягкая» сила в КНР, международный имидж.*

Recently the development of international relations demands new approaches from leading states of the world. Chinese scholars actively search for models of the most appropriate conformity of growing economic power and “soft” power of the country to its national interests and needs of international community. At the same time China realizes a strategy of harmonious world which reflects efforts to find new models of cooperation in the period of globalization. The concept of «soft» power facilitates forming favorable conditions for achievement of multi-level consensus between various actors of international relations. It is obvious that the main purpose of this policy is to create the most favorable conditions for the expansion of Chinese influence here. The author analyses the behavior of China in bilateral relations with its neighbors in political, economic and cultural fields.

Key words: *international relations, foreign policy of China, harmonization of international relations, total state power, American political scientist Joseph S. Nye, “soft” power in China, international image.*

¹ Примечание автора: красный цвет социализма советского типа в ходе реформ вобрал в себя желтый цвет китайской традиции и к 2002 г стал оранжевый (цвет достоинства). В шкале цвета китайской истории после ухода красного преобладать будет желтый, то есть «социализм с оттенками Среднего государства».

Первое десятилетие XXI века показало, что КНР совершила исторический рывок от отсталости и нищеты к современному развитому обществу. Из бедной и политически нестабильной страны она превращается в мощное государство, способное оказывать значительное влияние не только на региональную, но и на мировую политику. Китай демонстрирует собственную альтернативную теорию развития международных отношений, опираясь на прагматизм, инновации, идеи социальной гармонии. Новые политические инициативы, такие как «улыбчивая дипломатия» (wēixiàowàiyǎo\微笑外交), «публичная дипломатия» (gōnggòngwàiyǎo\公共外交) и «добрососедская дипломатия» (mùlín wàiyǎo\睦邻外交) играют важную роль в стремлении Пекина влиться в мировые интеграционные процессы и, применяя на практике концепцию «мягкой силы», становится влиятельным игроком на мировой арене. Использование КНР «мягкой силы» в своей внешней политике – явление не новое. В разное время приписывалось китайскому полководцу древности Сунь Цзы, учение о стратегии достижения победы, изложенного в трактате «Сунь-Цзы бин фа» или «Правила ведения войны мудреца Суня». В основе этого учения (секрета власти в «технике сердца») лежали знаменитые 36 стратагем (Сань ши люцзи)¹. *Вершиной военного искусства у китайцев выступает одоление противника без применения военной силы; война есть никогда не прекращающийся Путь хитрости; а собственно одоление совершается не столько в военное время, сколько за десятки лет мирного строительства*, т.е. использование принципа «мягкой силы». В своей современной версии концепции «мягкой силы» Джозеф Най сформулировал следующее правило: «обольщение всегда эффективнее, чем принуждение» [1].

Китайское видение концепции Дж. Най значительно расширило границы ее применения. На XVII Всекитайском съезде КПК (15-21 октября 2007). Пекин официально признал культуру страны, основанную на конфуцианских морально-этических ценностях, народных традициях, обогащенной секретами китайской медицины и спорт – важным составляющим элементом китайской «мягкой» силы [2]. Теоретическую основу «мягкой силы» составляют «пять принципов мирного сосуществования»: невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и политического выбора, добрососедство, сотрудничество для взаимной выгоды, равенство сторон. Реализация концепции «мягкой силы» предполагает решение возникающих задач преимущественно мирными средствами и предусматривает претворение в жизнь прагматичной дипломатии, основными принципами которой являются *умелое маневрирование и надлежащее использование противоречий*. Пекин

¹ Основной текст предваряет фраза:

«六六三十六，數中有術，術中有數。陰陽變理，機在其中。機不可設，設則不中。」 (Шестью шесть равно тридцать шесть. В расчёте — искусность, в искусности — расчёт. Инь и Ян сменяют друг друга, на этом зиждется (военная) хитрость. Необходимую уловку нельзя загодя предугадать, в негибком планировании нет победы.).

(10 стратагема: «Скрывать за улыбкой кинжал (笑裡藏刀 :xiàolǐcángdāo) : Усыпление бдительности объекта для подготовки и проведения внезапного нападения на него или 16стратагема: «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти» (欲擒故縱 :yùqínàozòng)).

с радостью применяет свою «мягкую силу» во всех инстанциях – от ВТО до ООН. Цель такой политики – получить то, чего он хочет [3]. Набор инструментов «мягкой» силы КНР классифицирован пятью позициями: инвестиции, гуманитарная помощь, образовательные программы обмена, дипломатия, участие в деятельности международных организаций и проведение международных мероприятий.

Индийский адмирал Суреш Мехта как то отметил, что *Китай умеет смотреть на 20 лет вперед, а мы лишь реагирует на действия китайцев*. Гибкая экономическая политика Пекина позволила привлечь в страну огромные инвестиции, подняв экономический потенциал до невиданных высот. Постоянно растущие инвестиции и торговые преференции являются наиболее значимым и эффективным инструментом «мягкого» влияния КНР. Причем, китайские инвестиции особенно привлекательны для развивающихся стран, так как за ними не следуют требования о соблюдении прав человека, принципов правильного, с точки зрения Запада, управления, экологических норм качества, которые неотъемлемы в случае привлечения западных инвестиций.

Поддержание мира и так называемая «гуманитарная помощь» – важный элемент демонстрации «мягкой силы». КНР является активным миротворцем. Несколько переиначивая известное высказывание Михаила Ломоносова, можно сказать: *«Сегодня широко простирает Китай руки свои в дела человеческие»*. КНР занимает второе место после Франции среди постоянных членов Совета Безопасности ООН, направляя самые многочисленные воинские контингенты в состав миротворческих миссий ООН из числа членов Совета Безопасности. Медицина также является одним из важнейших пунктов гуманитарной помощи Китая. За указанный период было отправлено 2000 китайских врачей в Йемен для проведения медицинских программ помощи местному населению. В благодарность за это Китай получил доступ к энергоресурсам Йемена.

Новой чертой проявления «мягкой» силы во внешней политике Пекина является экологическое измерение международных отношений. Руководство КНР стало интересоваться проблемой глобального потепления и сохранения среды обитания человека. В Китае заговорили о готовности к «экологическому самоограничению», приведении темпов роста китайской экономики в соответствие с потребностями охраны окружающей среды, необходимости утверждения экокультуры. В китайской печати стали появляться статьи о вероятности смещения международной борьбы за лидерство в область контроля над изменением климата. Высказывается мысль о том, что лидерство в вопросах управления климатом, «возможно, станет необходимым условием глобального лидерства». Пекин стремится формировать повестку дня в еще не полностью оформившихся многосторонних – экологических – механизмах, где у Китая остается значительно больше возможностей для маневра, а его активность пока не вызывает явного противодействия более сильных конкурентов.

Наращивание «мягкой силы» в контексте развития национальной культуры стало одной из ключевых задач в политике КПК. Распространение китайского языка как одного из аспектов культуры, является важной задачей публичной дипломатии. Ведущей организацией, деятельность которой направлена на «налаживание дружеских связей с другими странами и углубление понимания китайской культу-

ры и языка среди изучающих китайский язык», является сеть филиалов института Конфуция. К концу 2012 в мире действовало 325 филиала института Конфуция и 370 школ в 97 странах мира [4]. Необходимо отметить, что политика «мягкой силы» совсем не рассчитана на то, чтобы охватывать ею все общество. Она точно работает на наиболее влиятельные его слои. Практически все из обучающихся в ВУЗах Китая, особенно Пекина и Шанхая – это дети административно-интеллектуальной и бизнес-элит зарубежных стран. Для представителей менее обеспеченных социальных групп, проявляющих интерес к Китаю, но остающихся в странах своего проживания, предназначены вышеуказанные институты Конфуция и многочисленные курсы изучения китайского языка.

Наконец, руководство КНР использует и такой действенный инструмент публичной дипломатии, как организация международных мероприятий. За последние годы страна стала организатором многих крупнейших мероприятий, но самым главным является организация и проведение Летних Олимпийских игр, 2008. Проведение такого рода мероприятия – это не только хорошая возможность еще раз заявить о себе как о «доброжелательном» члене мирового сообщества, но и продемонстрировать уровень развития страны, дать возможность иностранным гостям ощутить на себе «обаяние» Китая.

Дипломатия КНР тоже не стоит на месте, изменяется, подстраиваясь под современные реалии. На конференции, посвященной основным вопросам современной дипломатии (Пекин, 25 октября 2013), Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «Китай будет бороться за здоровую добрососедскую среду, чтобы способствовать собственному развитию и совместному развитию с сопредельными странами». Он подчеркнул, что *«дружба является неотъемлемым принципом китайской дипломатии в отношении соседей, а искренность – это способ приобрести больше друзей и партнеров. «Фулинь, мулинь, анлинь» – богатый сосед, дружественный сосед, спокойный сосед. Сотрудничество с соседями должно быть основано на взаимной выгоде и создавать тесную сеть общих интересов»* [5].

Анализируя современную политику Пекина, возникает вполне закономерный вопрос – какова конечная цель такой «доброжелательной» активности Китая? Будет ли дальше КНР использовать инструменты «мягкой» силы лишь для обеспечения «мирного окружения», ради интересов развития собственной страны, или же пойдет дальше? С поворотом к политике «мягкой силы», особенно в связи с успешно проведенными Летними Олимпийскими играми (Пекин, 2008), развернулась кампания по приданию Поднебесной ореола образца для подражания развивающимися странами. Можно только предположить, что после продолжительного периода пребывания на периферии мировой политики, у КНР появился реальный шанс стать одним из центров формирующегося многополярного мира, и она этот шанс не упустит. КНР не согласится с ролью сателлита «третьего разряда» в однополярном мире. КНР провёл индустриализацию, сейчас это промышленная страна. Она уже захватила, украла, создала, купила, достала, как угодно, передовые и высокие технологии. И в настоящий момент решает задачу перехода в статус инновационной державы. Как она это делает? После событий на площади Тяньаньмен в 1989 г. китайцы отправили учиться тысячи китайских студентов туда, где бьет ключом мысль, оставили этих студентов там для того, чтобы на Западе они внед-

рились в исследовательские центры, в университеты, лаборатории. И эта задача была замечательно решена. В настоящий момент китайцы, которые обогатились знаниями и навыками Запада, по зову КПК возвращаются на Родину. По китайской стратегии – это захват будущего и использование будущего в своих целях. Делать это нужно своевременно. Сейчас Китай находится на подъёме, поэтому захват будущего осуществляется в соответствии со стратегией переноса стратегических границ за пределы национальных территорий. Как известно, китайцы знамениты своим терпением и выдержкой. **«Капли воды со временем точат в границе дыры»**. Так гласит китайская пословица. *Тщательность и прагматичность, с которой китайские лидеры подходят к формированию стратегии внешней и внутренней политики, подтверждают серьезность подхода, а продуманная и гибкая «мягкая сила» во внешней политике* становится эффективным инструментом достижения политических целей. Разворачивание всего комплекса элементов китайской «мягкой силы» в мире и, особенно, в странах АТР происходит довольно быстро. Опасения относительно мощи и влияния Китая, что «это государство, как отмечал бывший министр иностранных дел Индии Канвал Сибал, – склонно определять свои коренные интересы в одностороннем порядке, при этом, полагая, что остальные страны обязаны их уважать, даже если они определены достаточно произвольно». Противостоять такой постепенно разворачивающейся и становящейся все более эффективной «мягкой силе» элитам зарубежных стран, ориентированным на Запад, становится все труднее. Это объясняется тем, что за их спиной под воздействием китайского примера формируются социальные и политические слои, симпатизирующие или даже ориентированные на китайскую модель развития. Их меньше всего волнуют гуманитарные вопросы или демократические нормы, а больше – порядок, власть, предсказуемость и выгода сотрудничества с Китаем.

В настоящее время мировая система находится в процессе трансформации, и стремление Китая занять в ней достойное место является вполне закономерным явлением. Проблема «Добрососедства КНР с сопредельными странами» очень актуальна для нашей страны. Китайская Народная Республика и Российская Федерация – две великие державы современного мира, имеющие общую границу протяженностью около 4,5 тыс. км. От того, как будут развиваться их добрососедские отношения, зависит не только судьба Азиатско-Тихоокеанского региона, но и планеты в целом и всей человеческой цивилизации.

Литература

1. Най, Джозеф С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике: [Текст] / Джозеф С. Най. – Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004. – 192 с.;
2. См.: Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (15-21 октября 2007);
3. Фоллат Э. Объятия дракона. «Мягкая сила» Китая угрожает Западу // Шпигель. 2010, 28 июля;
4. 45 Introduction to the Confucius Institutes/ URL: http://Chinese.cn/en/article/2009-08/29/content_22308.htm;
5. Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами // Агентство Синьхуа, 09:24.26/10/2013.

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА УРАЛА (1991–2000 гг.)
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Голубчиков Н.С.

В статье рассматриваются основные историко-теоретические проблемы формирования человеческого капитала в 1991–2000 годы. Основой понимания автором проблемы является теория модернизации и историко-антропологический подход. Модернизационная теория будет способствовать выявлению тенденций развития промышленной базы и системы образования, которые позволят глубже понять динамику, содержание и противоречия развития этих сфер. Для определения факторов, влияющих на динамику человеческого капитала, будут использованы теоретические положения культурной антропологии, которые будут способствовать раскрытию структуры мировоззрения, профессионального знания, экономического мышления и мотивов поведения работников сферы производства, услуг и образования.

Ключевые слова: *человеческий капитал, Урал, теория модернизации, историко-антропологический подход.*

The article discusses the main historical and theoretical problems of human capital formation in the period 1991–2000. The basis for understanding the problem is the author of modernization theory, historical and anthropological approach. Modernization theory will help to identify trends in the development of the industrial base, and the education system, which will allow a better understanding of the dynamics of the content and contradictions of the development of these areas. To determine the factors influencing the dynamics of human capital will be used theoretical principles of cultural anthropology that will help reveal the structure of ideology, professional knowledge, economic thinking and motives of employees in manufacturing, services and education.

Keywords: *human capital, the Ural, modernization theory, historical and anthropological approach.*

Разработка историко-теоретических проблем формирования человеческого капитала остается актуальной задачей. С 1990 г. Программа развития ООН (ПРООН) издает ежегодный доклад о развитии человека, в котором традиционно публикует индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) стран мира. ИРЧП состоит из 3 показателей: ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности населения, уровень жизни (валовой национальный доход на душу населения). С середины 1990-х гг. Правительство РФ принимает участие в ПРООН и также ежегодно публикует доклад о развитии человеческого потенциала в стране. При этом в России до сих пор преимущественно применяются макроэкономические

инструменты регулирования экономики, а значимость развития человеческого потенциала недооценивается. В других странах такие понятия как «человеческий капитал», «интеллектуальные ресурсы», а также их влияние на рост ВВП страны активно исследуются (вклад человеческого капитала в прирост объема ВВП составляет в США более трети). Таким образом, исследование человеческого капитала – крайне актуально, ибо наращивание ВВП – главная задача экономической политики.

Теоретико-методологической основой понимания автором проблемы является теория модернизации и историко-антропологический подход. Модернизационная теория будет способствовать выявлению тенденций развития промышленной базы и системы образования, которые позволят глубже понять динамику, содержание и противоречия развития этих сфер. Для определения факторов, влияющих на динамику человеческого капитала, будут использованы теоретические положения культур-антропологии, которые будут способствовать раскрытию структуры мировоззрения, профессионального знания, экономического мышления и мотивов поведения работников сферы производства, услуг и образования.

По мнению автора актуальными для разработки этой темы являются следующие проблемы: анализ условий формирования человеческого капитала; изучение особенностей развития системы профессиональной подготовки кадров и системы высшего образования; определение уровня и динамики профессиональных знаний; выявление стереотипов и мифов в мировоззрение людей; раскрытие трудовых навыков и моделей поведения работников различных сфер трудовой деятельности.

Челябинская область демонстрирует в 1982-89 гг. устойчивый рост ИРЧП во всех его составляющих (с 0,741 до 0,779). В 1989-1994 гг. ИРЧП резко падает из-за снижения показателей долголетия и материального благополучия населения, и только показатель образованности продолжал увеличиваться. К началу 1990-х годов на Урале был создан значительный научный, интеллектуальный потенциал вузов. В 90-х динамика увеличения научных кадров в вузах сохранилась. Ведущие технические вузы региона переименовываются в академии и университеты, в вузах меняется структура общественных наук, меняется профильная специализация гуманитарных институтов и факультетов. В середине 1990-х гг. быстро создаются негосударственные вузы.

Трудности перехода к рыночной экономике во многом были обусловлены типом работника, который вышел из старой эпохи и был отягощен этим институциональным наследием. В 1991 году – это человек с низкой социальной активностью, низким уровнем профессионализма, невысокой коммуникабельностью, потребительскими настроениями, патерналистским отношением к государству, отсутствием деловой и социальной этики.

Отсутствие достаточно развитых межотраслевых связей военно-промышленного комплекса и гражданских предприятий – одна из главных проблем региона. Предприятия ВПК были размещены во многих городах Урала, производя большую часть объема производства этих населенных пунктов в советские годы. В программе конверсии Уральского региона в 1990-е гг. промышленная электроника, автоматика и электротехника, средства связи и информатика, высокотехнологичные конструкционные материалы, оборудование и технологии для

решения экологических проблем являлись приоритетными направлениями при реорганизации ВПК. Однако и в 2001 году конверсия была далека от завершения, ВПК продолжал существовать за счет увеличения госзаказа.

С середины 1990-х гг. начинается повышение индекса человеческого потенциала. ИЧРП Челябинской области в 2001 г. достигает отметки 0,755, так и не достигнув значения 1989 г.

Литература

1. Челябинской области – 70: Статистический сборник.– Челябинск: Челябинскстат, 2004;
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / под общ. ред. проф. С.Н. Бобылева. – М.: Весь Мир, 2004;
3. Коробков, Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). Ю.Д. Коробков. – М.: Слово, 2003;
4. Предпринимательство на Урале: история и современность. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995;
5. Костиков, В.Г. Человеческий фактор: занятость, благосостояние / В.Г. Костиков, В.М. Рутгайзер. – М.: Политиздат, 1981;
6. Руденкин В.Н. Для кого «они хотели как лучше» / Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – Вып. 1(11);
7. Научные кадры СССР: динамика и структура. – М.: Мысль, 1991;
8. Стрекопытов С.П. История научно-технических учреждений России. – М.: РГГУ, 2002;
9. Рассадин В.Н. Оборонно-промышленный комплекс. Генезис. Конверсия. – М.: МАС Пресс, 2002;
10. Ведущие ученые Уральского государственного технического университета. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995;
11. Горбачев, М.С. Коренной вопрос экономической политики партии / М.С. Горбачев. – М.: Политиздат, 1985;
12. Мукомолов, А.Ф. На Южно-Уральских заводах / А.Ф. Мукомолов – М.: Территория, 2004;
13. Авдулов, А.Н. Контурсы информационного общества. / А.Н. Авдулов, А.М. Кулькин. – М.: ИНИОН РАН, 2005;
14. Жуков, В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. / В.И. Жуков. – М.: Академический Проект, 2003;
15. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2000;
16. Челябинск: Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001;
17. Подготовка научных кадров в системе высшего образования России / Отв. ред. А.И. Ракитов – М.: ИНИОН РАН, 2002;
18. Современное российское общество: Социальный механизм трансформаций / Т.И. Заславская – М.: Дело, 2004.

References

1. Cheljabinskoy oblasti – 70: Stat. sb. [Chelyabinsk Region – 70: Statistical Yearbook]. Cheljabinsk, Cheljaboblkomstat, 2004;
2. Bobyleva S.N. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federacii za 2004 god [Report on Human Development in the Russian Federation for 2004]. Moscow, Ves'Mir, 2004;
3. Korobkov J.D. Sociokul'turnyj oblik rabochih gornozavodskogo Urala (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Sociocultural appearance of metallurgy workers of the Urals (the second half of XIX - beginning of XX century)]. Moscow, Slovo, 2003;
4. Predprinimatel'stvo na Urale: istorija i sovremennost' [Entrepreneurship in the Urals: Past and Present]. Ekaterinburg, Sred.–Ural publ., 1995;
5. Kostakov V.G. Chelovecheskij faktor: zanjatost', blagosostojanie [The human factor: employment, welfare]. Moscow, Politizdat, 1981;
6. Rudenkin V.N. Dlja kogo «oni hoteli kak luchshe» [For whom «they like the best»]. Nauka. Obshhestvo. Chelovek. Vestnik Ural'skogo otdelenija RAN. Ekaterinburg, UrO RAN, no. 1(11), 2005;
7. Nauchnye kadry SSSR: dinamika i struktura [Scientific staff of the USSR: the dynamics and structure]. Moscow, Mysl', 1991;
8. Strekopytov S.P. Istoriya nauchno-tehnicheskikh uchrezhdenij Rossii [The history of science and technology institutions in Russia]. Moscow, RGGU, 2002;
9. Rassadin V.N. Oboronno-promyshlennyj kompleks. Genezis. Konversija. [Military-industrial complex. Genesis. Conversion.]. Moscow, MAS Press, 2002;
10. Vedushhie uchenye Ural'skogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Leading scientists of the Ural State Technical University]. Ekaterinburg, Ural'skij rabochij, 1995;
11. Gorbachev M.S. Korennoj vopros jekonomičeskoy politiki partii [Fundamental question of the economic policy of the party]. Moscow, Politizdat, 1985;
12. Mukomolov A.F. Na Juzhno-Ural'skih zavodah [The South Ural factories]. Moscow, Territorija, 2004;
13. Avdulov A.N. Kontury informacionnogo obshhestva [The contours of the Information Society]. Moscow, INION RAN, 2005;
14. Zhukov V.I. Rossijskie preobrazovanija: sociologija, jekonomika, politika [Russian transformation: sociology, economics, politics]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2003;
15. Ural'skaja istoričeskaja jenciklopedija [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg, Akademkniga, 2000;
16. Cheljabinsk: Jenciklopedija [Chelyabinsk: Encyclopedia]. Cheljabinsk, Kamennyj pojas, 2001;
17. Podgotovka nauchnyh kadrov v sisteme vysshego obrazovanija Rossii [Training of scientific personnel in the system of higher education in Russia]. Moscow, INION RAN, 2002;
18. Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'nyj mehanizm transformacij [Modern Russian Society: Social mechanism of transformation]. Moscow, Delo, 2004.

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КАДРЫ В СССР: ПОДБОР, ПОДГОТОВКА И РАСТАНОВКА (1980-е – НАЧАЛО 1990-х гг.)

Азнабев С.Р.

В статье рассматривается феномен советской партийно-государственной системы управления, в основе которой находилась кадровая политика. Она реализовывалась через номенклатуру, представлявшую собой перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались и утверждались партийными комитетами. В партийной печати номенклатура рассматривалась лишь как система учета и распределения ответственных работников и их резерва.

Ключевые слова: *кадры, СССР, партийно-государственная система управления, перестройка.*

The article deals with the phenomenon of the Soviet party-state control system, which is based on the personnel policy. It was sold through the range is a list of the most important positions on the candidates who have previously been considered, recommended and approved by the party committees. In the nomenclature of the party press was considered only as a system of accounting and distribution of decision-makers and their reserve.

Keywords: *personal, the USSR, the party-state system of governance, perestroika.*

В основе советской партийно-государственной системы управления находилась кадровая политика. Она реализовывалась через номенклатуру, представлявшую собой перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались и утверждались партийными комитетами. В партийной печати номенклатура рассматривалась лишь как система учета и распределения ответственных работников и их резерва. Модели поведения, присущие партийной номенклатуре, а также номенклатурно-бюрократические принципы формирования власти и принятия решений частично сохранились в политической и социальной жизни современного российского общества. Поэтому обобщение опыта формирования властной номенклатуры будет способствовать более глубокому пониманию функционирования современной «вертикали власти».

Первым крупным исследователем проблемы формирования управленческого слоя и кадровой политики в коммунистических странах стал М. Джилас, автор книги под названием «Новый класс». М. Джилас утверждал, что после социалистической революции в обществе неизбежно возникает новый класс, который со временем становится правящим [3, 53].

Среди советских исследователей первым тему партийной номенклатуры, кадровой политики, системы принятия решений осветил М.С. Восленский в работе

«Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». Автор детально описывает возникновение партийной номенклатуры, ставшей новым правящим, эксплуататорским классом, обладающим рядом привилегий [1, 267].

Из современных исследований выделим работы О.В. Крыштановской, в частности книгу «Анатомия российской элиты». Большое внимание в этом исследовании уделено проблеме трансформации советской партийной номенклатуры в современную российскую политическую элиту [4, 16].

Большое значение в понимании сущности советской партийно-государственной кадровой политики и новаций в ней в период Перестройки имеют воспоминания генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева «Жизнь и реформы» [2, 286].

С первых лет советской власти руководство партии большевиков начало создание новой системы государственного управления и внедрение номенклатурных принципов проведения кадровой политики. В последствии эти принципы и механизмы, заложенные первыми руководителями Советского государства, продолжали существовать с небольшими изменениями вплоть до второй половины 1980-х гг. Попытка Н.С. Хрущева провести крупную антибюрократическую реформу в конце 1950-х – начале 1960-х гг. закончилась поражением. Система вернулась к прежней организации партийного аппарата и государственного управления, а также к принципу дублирования партийными структурами функций государственных органов.

В первой половине 1980-х гг. в основе подбора и продвижения кадров на различные должности находилась номенклатура. Переход с общественной или производственной работы на партийную, из одной отрасли народного хозяйства в другую, смена видов деятельности на протяжении сравнительно короткого периода времени в совокупности создавали универсальную модель продвижения руководящих партийно-государственных кадров [4, 220].

Назначение на должности получало легитимацию благодаря выборам, проводившимся в большинстве случаев формально и фактически заключавшимся в утверждении уже принятого вышестоящими органами государственной власти решения. Большую роль при подборе кандидатов на ту или иную должность играл личностный фактор. Преимуществами при назначении также обладали инженерные кадры, имевшие опыт производственной деятельности, вследствие чего сформировалось такое качество советской политической элиты, как технократизм.

Большое значение в процессе подготовки кадров имело партийно-политическое образование. Образование являлось важнейшим фактором, оказывающим влияние на партийно-государственную карьеру. Существовала четкая система партийных учебных заведений, которая включала в свой состав Высшую партийную школу при ЦК КПСС (ВППШ), республиканские, краевые и областные партийные школы, курсы переподготовки при Высшей партийной школе и при местных партийных школах, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Такая система партийных учебных заведений продолжала существовать с некоторыми несущественными изменениями вплоть до распада единой КПСС на отдельные республиканские коммунистические партии. Идеологическая работа занимала центральное место в учебных планах партийных учебных заведений.

Расстановка партийно-государственных кадров в системе управления была

важным элементом советской политической системы. От расстановки кадров зависело функционирование тех участков партийной и государственной работы, на которые направлялись эти кадры. Нередко ошибки в расстановке кадров приводили к серьезным негативным последствиям. Вплоть до конца 1980-х гг. существовала дуалистическая система государственного управления – комитеты КПСС и Советы, но главную роль в каждом случае играли первый секретарь партийного комитета и аппарат, действовавший на постоянной штатной основе, готовивший документы и выносивший их на обсуждение партийных комитетов.

Все комитеты КПСС состояли из двух частей. К первой группе относились секретари и партийный аппарат. Ко второй группе относились выборные представители, так называемые котируемые группы. Если первая группа участвовала не только в принятии, но и в подготовке политических решений, то вторая фактически только голосовала, выражая свое полное одобрение [4, 109].

В СССР, несмотря на декларируемую коллективность руководства, абсолютное большинство решений коллективных избираемых органов было predetermined узким кругом лиц, входившим в президиумы или бюро партийных комитетов и составы исполнительных комитетов Советов. Это обеспечивалось наличием и функционированием «системы принятия решений», причем существовало два пути инициативы подготовки и принятия политических решений. В первом случае проявившее инициативу ведомство должно было направить в партийный комитет письмо с изложением своего ходатайства и обоснованием необходимости принятия решения, с приложенным проектом решения. Во втором случае, когда инициатива исходила от партийного органа, было достаточно словесного указания свыше. Причем в этом случае решение могло быть принято быстрее, чем в первом. Но этапы принятия решения в обоих случаях были одинаковы [1, 118].

Участие партийного аппарата в принятии решений распространялось дальше подготовки проектов. Существовало достаточное количество частных вопросов, считавшихся незначительными, чтобы их решением занималось бюро или секретариат партийного комитета. Часть этих вопросов решалась единолично партийными секретарями. Другую часть вопросов решали работники аппарата, не только заведующие отделами или их заместители, но и инструкторы.

Принципы и механизмы подбора, подготовки и расстановки партийно-государственных кадров в годы правления Л.И. Брежнева привели к формированию так называемой «геронтократии», что не могло не сказаться как на общем состоянии страны, так и на положении в отдельных сферах и отраслях. Возникла необходимость в обновлении, корректировке и реформировании кадровой политики. Осуществление этой реформы стало одной из важнейших составляющих политики Перестройки, которую начал проводить М.С. Горбачев во второй половине 1980-х гг.

Новации М.С. Горбачева в кадровой политике в значительной степени изменили принципы подбора, подготовки и расстановки партийно-государственных кадров. Произошло масштабное обновление кадров, изменения в системе осуществления властных функций путем принятия новых законодательных актов, касающихся кадровой политики. Значительную роль в осознании допущенных в кадровой политике ошибок и формулировании конкретных предложений по исправ-

лению сложившейся ситуации сыграл Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в январе 1987 г. [2, 310].

Все структуры власти и управления пришли в движение. Началось быстрое продвижение наверх вторых и третьих эшелонов чиновников. М.С. Горбачев начал менять не только старшее поколение управленческих кадров, но также был вынужден смещать с постов и тех относительно молодых руководителей, которые были не согласны с его курсом реформ.

В ходе реформ, смены кадров и проведения выборов на новых демократических основаниях (многомандатные выборы, гласность, борьба с технократизмом, критика и самокритика, конкуренция) непосредственно к власти и к системе принятия решений, до того времени являвшейся привилегией партийной номенклатуры, оказался допущен широкий круг интеллигенции, в том числе и шестидесятники, которые активно критиковали существовавшее в стране положение. Эти люди и новое поколение руководящих кадров КПСС изменили политическую ситуацию, способствовали дальнейшему продолжению Перестройки и закреплению ее основополагающих принципов, в том числе касающихся проведения новой кадровой политики.

Новации М.С. Горбачева в кадровой политике стали предвестниками трансформации советской партийно-политической системы и партийной номенклатуры. Советские партийно-государственные кадры стали приспосабливаться к новым изменяющимся политическим, экономическим и социальным условиям и в начале 1990-х гг. произошло «превращение» бывшей партийной номенклатуры в постсоветскую политическую элиту.

Литература

1. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза [Текст]: монография / М.С. Восленский. – М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.
2. Горбачев, М.С. Жизнь и реформы. Книга 1 [Текст]: воспоминания / М.С. Горбачев. – М.: Новости, 1995. – 600 с.
3. Джилас, М. Лицо тоталитаризма [Текст]: монография / М. Джилас. – М.: Новости, 1992. – 539 с.
4. Крыштановская, О.В. Анатомия российской элиты [Текст]: монография / О.В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.

References

1. Voslenskij M.S. Nomenklatura. Gospodstvujushhij klass Sovetskogo Sojuza [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow, Sovetskaja Rossija and publ. Oktjabr', 1991, 624 p.;
2. Gorbachev, M.S. Zhizn' i reformy. Kniga 1 [Life and reform. Book 1]. Moscow, Novosti, 1995, 600 p.;
3. Dzhilas, M. Lico totalitarizma [The face of totalitarianism]. Moscow, Novosti, 1992, 539 p.;
4. Kryshchanovskaja, O.V. Anatomija rossijskoj jelity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zaharov, 2005, 384 p.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЕЖИ ЙОЗЕФОМ ВЯТРОМ

Ежи Йозеф Вятр
Jerzy Jozef Wiatr

беседовал Кучинов А.М.
Kuchinov A.M. talked

С целью чтения лекций студентам в рамках курса политической социологии на Факультет Политологии МГУ имени М. В. Ломоносова приехал Е. Й. Вятр (польск. Wiatr Jerzy Jozef) – почётный профессор Варшавского университета (Республика Польша).

Е. Й. Вятр окончил Варшавский университет, преподавал в Варшавском и Краковском университетах. Был на посту вице-президента Международной Ассоциации Политической Науки (IPSA) (1979-1982 гг.), дважды – на посту председателя Совета Польской Ассоциации Политических Наук. Был в практической политике: депутатом Сейма (1991-2001 гг.) и министром народного просвещения Польши (1996-1997 гг.), с 1998 г. – главный редактор журнала «Myśl socjalno-demokratyczna» [Социально-демократическая мысль]. Ныне – доктор социологии, почётный ректор Высшей Школы Права и Управления в Варшаве, почётный профессор Варшавского университета.

Советским и российским исследователям Е. Й. Вятр известен как автор книги «Социология политических отношений» (1977 г.) [37], первое издание которой переведено на русский язык [13], которая переиздавалась на польском языке в 1978, 1980 гг., а в 1999, 2002 и 2009 [36] гг. – под заглавием «Социология политики». Так же, Е. Й. Вятр является, по нашему мнению, автором самой содержательной главы в книге «Возвращаясь к гражданской культуре» (1980 г.) [34], некоторые его статьи в советское время были переведены на русский язык [1; 4; 7]. Так же, в 1992 г. была переведена часть книги Е. Й. Вятра «Провал системы» (1991 г.) [2], в 2010-е гг. он писал статьи в белорусские и российские центральные журналы по социологии и выступал на российских конференциях [3; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12]. Е. Й. Вятр одним из первых разрабатывал марксистскую политическую социологию в Народной Польше, был связан с представителями политологии и социологии разных социалистических и капиталистических стран, в т. ч. из СССР (Ф. М. Бурлацкий, В. А. Ядов и мн. др.), оказал влияние на развитие советской социологии и политологии, в т. ч. на становление Московской школы политической психологии проф. Е. Б. Шестопал. Е. Й. Вятр участвовал в Конгрессе IPSA в г. Москве в МГУ в 1979 г., о чём рассказывал редактору журнала в неформальной обстановке. Польско-американский политолог А. Пшеворский является учеником Е. Й. Вятра.

В лекциях было акцентировано внимание на том, что *«Последние 25-ть лет очень интересны, дают возможность теоретического сравнительного исследования 28-ми случаев»* - 28-ми бывших социалистических стран, совершающих

трансформацию. Об этом Е. Й. Вятр написал книгу «Европа посткоммунистическая» (2006 г.) [35]. В лекциях были поставлены акценты на том, что эти 28-мь стран были разными до и после перехода, и что сейчас уже не принято, как раньше, говорить о том, что все страны переходят к демократии – страны приходят к разным состояниям¹. Переходы везде происходили по-разному – мирно или насильственно, в результате действий демократической оппозиции (вроде польской «Солидарности») и (или) *«реформаторских крыльев в коммунистических партиях»*. Экономическая система социализма не оправдала своего существования, и страны начали изменяться по 5-ти сценариям: «компромисс» (Х. Линц), «реформа», «революция», «провал системы», «этническая война». По мнению Е. Й. Вятра, сегодняшнюю Россию нельзя называть диктатурой: *«есть разница между Россией сегодня и СССР 30 или 60 лет назад»*. Демократия предполагает переход власти от одной стороны к другой, что в Польше было 6-ть раз, а в России – ни одного. Почему так? Е. Й. Вятр предлагает учитывать несколько факторов, акцентируя внимание на культурном подходе, длительности демократической традиции, роли личности в истории, социально-экономических и геополитических факторах. По мнению Е. Й. Вятра, С. Ф. Хантингтон изучал не все культурно-исторические факторы: *«историю нужно читать иначе»*, обращая внимание на историю институционализации демократических институтов, учитывая политическую социализацию людей, а не сводя всё к религиозному фактору, как С. Ф. Хантингтон. Е. Й. Вятр не соглашается с Ф. М. Бурлацким, считавшим, что в силу больших размеров России в ней невозможна парламентская система и возможна только президентская. Здесь акцентируется внимание на роли личности, которую, по мнению Е. Й. Вятра недостаточно учитывают политологи в своих исследованиях. Ведь, например, *«Сербия до и после С. Милошевича - это разные страны»*. В разных странах по-разному проходила приватизация, новый класс капиталистов разный во всех странах, разный в них индекс Джинни.

В плане научных контактов Россию и Польшу объединяет не только общее социалистическое прошлое, но и сходство сегодняшних предметов исследования – посткоммунистические переходные общества, почему поддерживаются и завязываются контакты с польскими учёными. В связи с тем, что мы возлагаем большие надежды на возможности сотрудничества с польской политической наукой, мы не могли не взять у проф. Е. Й. Вятра интервью. Интервью для нашего журнала брали параллельно с интервью для портала «Устная история» [19] и журнала «Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки», на котором проф. Е. Й. Вятр рассказал о своей жизни и опыте становления политологии в социалистической Польше. Редакции журнала очень понравилась фраза о том, что т. н. *«Научный коммунизм – это не наука, это вопрос об идеологической подготовке студентов, и считать научный коммунизм как науку - это просто невозможно! [...] Это – не наука, это идеология!»*. Часть вопросов и ответов совпадают, часть есть только в других интервью (самое интересное мы постарались здесь пересказать), однако часть – есть только в нашем журнале.

¹ Интересно, что на это же обращает внимание и проф. В. А. Ядов.

6-13 марта 2014 г.

[А. М. Кучинов] Социологию и политологию сегодня часто очень затруднительно строго разделить – науки становятся очень похожими друг на друга. Каждая страна выходит из ситуации по-своему, например, во Франции «политологии» нет, её называют «социологией политики». Есть ли в Польше различие между «политической социологией» и «политологией»?

[Е. Й. Вятр] Это нужно посмотреть в исторической перспективе. В Польше, как во многих европейских странах, до войны и после войны, не было традиции политической науки, или политологии. Была французская традиция политических наук. В 1960 г.² мы организовали Польское Общество Политических Наук, я был одним из первых членов, большинство из них уже не живёт. К этому времени, политическая социология, или, как Ю. Хохфельд (1911-1966) называл, «социология политических отношений», уже существовала. Политология не существовала. Ю. Хохфельд в своей первой статье в журнале «Studia Socjologiczno-Polityczne» [Социально-политические исследования] написал статью «Марксизм и социология политических отношений», высказал мнение, что марксистская социология политических отношений должна стать базисом для интегративной науки о политике. Что эта интегративная наука о политике должна быть построена на базисе марксистской социологии политики. Я развивал эту теорию, эту концепцию, почему? Потому что марксизм даёт возможность объединить разные аспекты жизни: политики и экономики, политики и культуры и т. д. Значит, в это время – в кон. 1950-х – нач. 1960-х гг., если и была в Польше концепция отдельной науки о политике и политической науки, это была бы концепция социологическая. Но потом это пошло в другом направлении. В Польше в 1960-х гг. по решению Центрального Комитета Партии построены были центры, а потом институты политических наук, ещё во множественном числе. Но эти центры были выстроены не на базисе социологии политики, а на базисе, или права, или истории. Это зависело от специфической ситуации в разных университетах. Например, в Краковском университете институт политических наук был организован в рамках факультета права, юридических наук, и профессорами права, исключительно. В Варшавском университете это было организовано у историков. И социология не имела больше влияния, потому что в это самое время происходил кризис социологии политики. Я был в кон. 1960-х – нач. 1970-х гг. в такой, не совсем удобной политической позиции, не в такой позиции, чтобы у меня была важная роль. Это изменилось в сер. 1970-х гг. когда я стал директором института, потом деканом, но это уже было, когда центры политических наук уже существовали. В этих центрах, прежде всего, было мало интеграции. Проявилась тенденция к устройению новой науки. Они тогда не использовали понятия «политология», но более – «наука о политике». Но потом уже стали использовать понятие «политическая наука», или «политология», или «политические науки», с плюрализмом в названии. Между социологией и политологией есть близкая связь, даже персональная.

² По всей видимости, это был один из этапов. На официальном сайте Польского Общества политических Наук указывают 1957 г., а период 1960-х гг. как процесс становления [31].

[А. К.] Насколько в Польше политология и социология востребованы?

[Е. Й. Вятр] У нас увеличилось число людей с высшим образованием, уже 40% молодёжи его имеют. Но мы не успели организовать этот процесс, эту стихию. Результат такой, что в Польше в последние 20-ть лет 100.000 людей получили дипломы политологов. На что в стране, где население 38.000.000 человек 100.000 политологов? Какой результат? Такой, что есть много молодых политологов, для которых нет работы как политологам. Они работают в разных областях, есть безработные.

[А. К.] В России ситуация чуть-чуть похожа, когда многие выпускаются, и в результате этого политология оказывается невостребована. И у нас очень большие разрывы, подобно тому, как между бедными и богатыми, так же в профессионализме политологов: от самых профанаций до международно конкурентоспособных. Как Вы считаете, в Польше как-то по-другому или так же?

[Е. Й. Вятр] Это универсальный феномен, что во всех дисциплинах, не только в политологии, есть разные уровни, есть элита. Здесь нет ничего специфически-русского, в Польше тоже такое есть.

[А. К.] Несколько десятилетий назад в социалистических странах в качестве методологии доминировал марксизм-ленинизм, в России с 1990-х гг. установилось господство функционализма. Что пришло на смену в Польше? Остался ли там марксизм как теоретико-методологическое основание для исследований? Какими теориями пользуется польская политическая социология?

[Е. Й. Вятр] В Польше большинство работ политологов не имеет теоретической ориентации. Это – эмпирические студии, которые нельзя сказать, что начисто нетеоретические, они описывают то, что получается. Более 90% публикаций польских политологов не имеют никакого теоретического содержания. В Польше политология в большинстве отказалась от теории. Но, есть меньшинство, которые интересуются более – теоретическими аспектами. И в этом меньшинстве есть, по моему, очень сильное влияние «открытого марксистского проекта»³, интерес в таких вопросах, как влияние социальной структуры на политику, социальные и экономические конфликты, и влияние быта. Связь между экономическими и политическими преобразованиями. Я считаю свою последнюю важную книгу [35], как марксистскую. Там нет многих цитат К. Маркса и т. д., нет, - вопрос не в том. Но в том, какой мой анализ, подход. Я, например, интерпретирую разницу между развитием бывших соцстран с точки зрения социальных сил, влияния экономической и социальной структуры и влияния истории, культурный подход. Это не только марксистское понимание значения культурного или исторического фактора, но в марксизме оно имеет значение, например, если мы возьмём первое издание «18-го

³ «Открытый марксизм» - течение в марксизме, оказавшее влияние на проф. Е. Й. Вятра. По словам Е. Й. Вятра, термин введён польским социологом и социалистом Келлес-Краузом К. (Kelles-Krauz Kazimierz, 1872-1905). Это «марксизм, который не закрывается перед влиянием других теорий или эмпирики. Это значит, что надо смотреть на все другие теории открытыми глазами. Если есть что-то правильное надо это включить. Нужно держать глаза открытыми на жизнь, на то, что происходит. Нужно ревизировать старую теорию марксизма, если новые факты дают новые возможности». Школа Ю. Хохфельда, к которой принадлежал проф. Е. Й. Вятр, в этой связи, называлась «ревизионистской», по мнению проф. Е. Й. Вятра, это и был ревизионизм.

брюмера» К. Маркса. Всё, что мы возьмём в Польше – или под влиянием марксизма, или функционализма. Но, здесь одна загадка; по-моему, разница между марксизмом и функционализмом не так глубока, многим нравилось в прошлом. В прошлом был взгляд, что функционализм – это теоретическая альтернатива марксизму. Функционализм и марксизм, по-моему, показывают два разных аспекта политической жизни. Марксизм концентрирует своё внимание на элементе конфликта, функционализм на элементе согласия разных элементов. Но можно сказать так, что есть такие условия, в которых подход функционализма даёт более возможностей для интерпретации жизни, чем подход марксизма, а есть такие, где марксизм больше даёт. Например, возьмём Арабскую весну – население в конфликте, там марксистский подход, подход, дающий большое значение социальным силам, стратам, силам, классам и т. д., это очень важно. Но обернём другой вопрос: политолог занимается организацией парламента и правительства, функционирования этих двух частей власти. Что ему марксизм может сказать? Ничего. Функционализм очень поможет, например, сказать, какие хорошие функциональные условия нужны для установления и содержания демократической системы. По-моему, можно использовать и то, и другое. Теории в науке – это не как в религии. Это в религии нельзя быть и католиком, и православным; или и христианином, и мусульманином, но в науке можно опираться на разные теории в зависимости от того, какая теория объясняет лучше тот аспект жизни, которым мы объясняем.

[А. К.] Есть одна удивительная книга [27]⁴, которую немногие люди в России знают как продолжение исследований политической культуры Г. А. Алмонда и С. Вербы. Удивительный жанр, даже со специфической стилистикой, которого я более не встречал нигде в мировой практике... Под редакцией Г. А. Алмонда и С. Вербы 10-ть глав с опровержением самих Г. А. Алмонда и С. Вербы, да ещё каким! Ваша глава, где Вы пишете о том, как исследователи из социалистических стран изучают политическую культуру, мне показалась самой содержательной в теоретическом плане. Теперь, когда мы с Вами разговариваем, мне очень интересно, как эта книга писалась. Мне просто очень интересно – как под редакцией тех двух авторов могло выйти такое – опровержение их же теории, да ещё и настолько смелое и резкое... Как в книге появилась глава про социалистические страны? Почему для написания главы пригласили именно Вас?

[Е. Й. Вятр] Было так. Я в нач. 1960-х гг. написал рецензию этой книги для международного журнала Международного Совета Общественных Наук и это была первая или одна из первых рецензий книги Г. А. Алмонда и С. Вербы... Критических, потому что я там высказал некоторые критические замечания, но и Г. А. Алмонду это нравилось, а потом мы встретились. Когда книга вышла, я лично не знал Г. А. Алмонда, мы встретились потом – в 1977 г., он помнил мою рецензию и он меня пригласил, чтобы написать статью во второй книге – «Civic culture revisited». Интересно, что Вы нашли эту книгу, она менее известна.

⁴ Реферат этой книги 1980 г. со статьёй Е. Й. Вятра находится в данном номере нашего журнала. Книга в Российской Федерации является библиографической редкостью, в отличие от Almond G. A., Verba S. «The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations» (1963), которую (и её переиздания) не следует с ней путать.

[А. К.] Я смотрел инструкции для студентов британских и испанских вузов, там она им рекомендована для прочтения, так же, как и книга 1963 г. Но в России она мелькает иногда в некоторых ссылках исследователей политической культуры, но её нет в библиотеках. С ней у меня особая история. В Москве она была одна, но её утеряли, я её должен был заказать, заказываю, и мне говорят, что она утеряна. А посоветовала мне её проф. Е. Б. Шестопал. Я купил в Канаде, б/у экземпляр, и это очень интересно. Вы рассказывали о Конгрессе IPSA в 1979 г. в г. Москве. Почему я вспомнил – потому что первая статья Г. А. Алмонда [25] там – идентична его выступлению на Конгрессе. Мне, как человеку, который из г. Москвы, и как человеку из МГУ очень интересно, как он проходил, можете ли Вы сейчас какие-нибудь впечатления назвать о студентах того времени, университете того времени, Москве того времени, как Вас встретили... Что-нибудь есть такое, что Вам запомнилось помимо того, что это было на Ленинских горах⁵?

[Е. Й. Вятр] Конгресс был важный. Это был первый и один раз, когда Конгресс проходил в социалистической стране, с участием большого количества политологов из Советского союза, и других соцстран, польская делегация была в составе более 100 человек. Никогда не было такого, чтобы столько польских политологов было на международном Конгрессе. И это стало такой легитимизацией политической науки в Советском союзе, потому что этот Конгресс оказал большое влияние на развитие, прежде всего, советской политологии. Так же, в других странах – менее, в Польше – потому что у нас была уже достаточно развита политология перед Конгрессом. Конгресс влиял не так на польскую политологию, как в Советском союзе и др. странах.

[А. К.] Теорию Г. А. Алмонда и С. Вербы уже, как только не опровергли, и, по моему мнению, есть за что. При этом, парадокс в том, что при этом их продолжают называть «классиками исследований политической культуры». На смену этому подходу помимо марксистской, деятельностной социологий, неонституционализма, пришли исследования ценностей Р. Инглхарта, критики ваших соавторов, особенно А. Лейпхарта и К. Пейтман. Много классификаций и определений политической культуры. А по мнению других людей, «политическая культура» исчезла, «растворилась» как исследовательская проблема впринципе... Как Вы думаете, существует ли сейчас такая проблема, какое определение политической культуры, какие можно выделить типы (чтобы они не оказались «теорией демократии» как у Г. А. Алмонда и С. Вербы), какими оказываются в свете политической культуры современные Россия, Польша и другие страны?

[Е. Й. Вятр] Можно дать определение политической культуре. Есть независимые от понятия демократии... Может быть, политическая культура, которая имеет демократический или недемократический характер... Если политическая культура, в корне, – это состав ценностей, которые организуют отношения между властью и гражданами, подчинёнными... Эти отношения, или ценности, могут быть, и демократические, и недемократические. Значит, в самом понятии политической культуры нет элемента демократии. У Г. А. Алмонда и С. Вербы есть понятие «граждан-

⁵ Ныне – территория МГУ «Воробьёвы горы».

ской культуры» как специального типа политической культуры. Значит, концепция Г. А. Алмонда и С. Вербы такая, что гражданская культура становится в поддержку демократии. Один из теоретических вопросов – так ли, что политическая культура гражданского типа является источником демократии или наоборот демократические институты формируют гражданскую культуру, или может быть, что взаимоотношение идёт и с одной стороны, и с другой стороны, между культурой и структурой. Структура политической системы, с одной стороны, и культура, культурные ценности, с другой стороны. Можно дать иллюстрацию, например, есть взгляд такой, что демократическая, или гражданская политическая культура не развивалась в России достаточно быстро потому, что много лет существовала недемократическая система. Если принимаем эту интерпретацию, значит выходим от политической системы и смотрим, какое влияние этой политической системы на политическую культуру. И это – одна возможная интерпретация. Есть другая интерпретация, что недостаточное развитие демократических ценностей, значит демократической культуры, является источником, или главным источником, или одним из источников того, что система недемократическая. И один из вопросов в исследовании судьбы постсоциалистических стран в том, что мы можем в сравнительном анализе посмотреть, что получается. Если, например, есть страны, которые в это самое время устанавливают демократические институты, значит, изменяют структуру, а результат не такой, может быть, что факт, который имеет относительное значение – это старые системы ценностей, культура.

[А. К.] Мы знаем издание вашей книги 1977 г. в русском переводе [13], но она переиздавалась последний раз в 2009 г. [36] К сожалению, людям, не владеющим польским языком, очень затруднительно понять, что поменялось конкретно в вашем подходе, т. к. новое издание пока не переведено. Почему оказалось необходимо переименовать «Социологию политических отношений» в «Социологию политики»? В первом издании был раздел про политическое сознание, в новом его нет. В связи с чем так получилось? Что ещё нового в новом издании помимо изменения структуры книги?

[Е. Й. Вятр] Вначале я использовал терминологию «социология политических отношений», это была терминология Ю. Хохфельда, так называлась кафедра. Но потом я пришёл к выводу, что есть разница между «социологией политики» и «социологией политических отношений», как во всём мире большинство наших коллег используют термин «социология политики», я в новых изданиях книжки упростил этот термин, сказал просто «социология политики». По-моему, нет принципиальной разницы, это – то же самое. Между первым изданием, с которого делали русский перевод, и последним прошло более 30-ти лет. Что я изменил? Самое главное изменение – новая глава по демократическим переменам. Второе различие – я ликвидировал отдельную главу про политическое сознание. Не помню конкретно почему, но, по-моему, это просто потому, что в той главе ничего специально нового нет, так что это можно рассказать в других частях книги. Это – не теоретическое изменение, более – инерционное.

[А. К.] В силу того, что как Польша, так и Россия ранее были социалистическими, у нас получается, что по общей социологии основной учебник по социологии – переводной с польского, П. Штомпки [23]. Мы знаем, что в Польше хорошо

изучают изменения, и в вашей книге тоже появился новый раздел про политические изменения. Что Вы можете сказать относительно теорий изменений? Можете ли вы согласиться или не согласиться с мнением некоторых российских социологов о том, что направление «транзитология» отжило свой век и ему на смену приходит политическая социология с её микроподходами и активистско-деятельностными теориями?

[Е. Й. Вятр] Что касается процессов перехода, есть теории средней степени. Есть разные теории, например, теория волн демократизации С. Ф. Хантингтона – это одна из таких теорий. Есть выработанные теории среднего уровня, о том, как происходит процесс трансформации, например, Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер, А. Пшеворский [24; 29; 30]⁶, которые в кон. 1980-х гг. выступили с важной концепцией необходимости компромисса между умеренными силами с двух сторон, и со сторон власти, и оппозиции, как важный источник политической перемены. Более, по-моему, важные теории – о стабилизации демократии. Вопрос не в том, как начинается переход, но отчего зависит результат этого перехода, отчего зависит стабилизация. Здесь очень важна книга [33]⁷ – это коллективная работа, я тоже был в составе авторов... Потому что там разработана концепция связи между политическими и экономическими переменами. Если «Sustainable democracy» сократить в одно предложение, то оно будет такое: «Победа демократии зависит от того, какие результаты экономических преобразований». Если экономические преобразования развиваются в негативном направлении (высокая безработица, снижение уровня жизни и т. д.), то эти факторы работают против стабилизации демократии, являясь опасностью для неё.

[А. К.] Правильно ли я иногда думаю, что сегодня всё чаще можно ощутить результативность от исследований политических явлений теориями и методами *общей* социологии? Т. е. не политической социологии, а, например, теориями действия, которых сейчас не то, что стало много, появляются другие оригинальные, помимо тех, что уже были?

[Е. Й. Вятр] В общей социологии можно найти некоторые концепции, которые помогают понять политические аспекты; например, П. Штомпка выработал концепцию травмы⁸ – это общая социологическая теория, но она имеет значение для интерпретации политических явлений. Потому что если травма сильная, то она выражается в протесте против политических институтов...

[А. К.] В той статье 1980 г. Вы писали об «экономических обществах» и «политических обществах», во вторых более важны политические роли и участие, следовательно – гражданин и гражданская культура, в первых – иные. [34, р. 114] Какими обществами, по вашему мнению, являются современные Россия и Польша?

[Е. Й. Вятр] Об этом можно написать книгу... Но... Есть разница, прежде всего, на уровне экономических отношений, есть глубокая разница в приватизации бывшей социалистической экономики. Приватизация в России, не только в России,

⁶ На русский язык переведена книга [20]. Обзор этих исследований есть в книге [18].

⁷ Первое издание – 1995 г., переиздавалась в 1996 г. (дважды), 1997 и 1999 гг.

⁸ На русский язык переведены [21; 22].

но в большинстве стран бывшего Советского союза, проходила в рамках того, что мы называем «номенклатурной приватизацией». Экономическая власть приводила в руки людям, связанным с политической властью. Этого феномена не было в Польше и в большинстве стран Средней Европы. Это одна разница. С политической точки зрения, главная разница в конструкции политической системы. Россия приняла после кризиса между президентом и верховным советом приняла систему президентскую, Польша – парламентарной демократии с сильной, но не решительной позицией президента. Но, есть, конечно, глубокая разница, в том, что Польша – это унитарная республика, не федерация, с очень ограниченным уровнем национальных меньшинств (их 5-6% населения, в зависимости от того, как мы считаем). разница глубокая, конечно.

[А. К.] Но если их называть «политическим» или «экономическим», то, как они будут в свете этой классификации?..

[Е. Й. Вятр] Это не разные общества, это разные аспекты общества. Мы можем говорить о «политическом обществе» в том смысле, в котором мы занимаемся политической активностью граждан и «экономическом обществе» как мы обращаем на экономическую, но это не два общества.

[А. К.] Т. е., получается, как бы, в одних странах оказываются важнее политика, а в других экономика в зависимости от контекстов?

[Е. Й. Вятр] Это тяжело так сказать, что в одних важно то, а в других важно то, но есть разные отношения между ними. Это может быть. Например, до какой степени политика определяет экономические отношения. Это связано с моделями приватизации. Источник олигархизации экономики некоторых бывших советских республик в том, что в процессе приватизации политическая власть стала фактором построения новой капиталистического класса. И это не во всех странах так было, в Польше, например, этот процесс не наступил. У нас есть, конечно, капиталистический класс, но польские капиталисты – это не люди власти, это не люди, которые стали капиталистами по тому, что были у власти или ближе к власти. Но этот вопрос выступал в России и выступал, например, на Украине. Каким дорогим стала Ю. В. Тимошенко мультимиллионером... Не через нормальную экономическую деятельность, но как очень важное политическое лицо. Как Б. А. Березовский стал олигархом? Как М. Б. Ходорковский стал олигархом? Они все стали олигархами потому, что у них был вальж с политической властью. И этого феномена не было в Польше, не было в большинстве стран Средней Европы. И это один из источников разницы.

[А. К.] Так же, в той главе [34, р. 114-118] Вы акцентировали внимание на необходимости правильно изучать взаимовлияние культуры и структуры. После выпуска той книги стали появляться теории общей социологии, в которых слово «структура» было, чуть ли не самым ключевым. Эти теории базируются на марксизме, хоть и марксистскими не называются – это теории structure-agency (или «активистско-деятельностные», по выражению проф. В. А. Ядова) вроде структуризации Э. Гидденса, морфогенеза М. С. Арчер и др. В вашей статье я увидел возможности в дальнейшем применять подходы, исследующие политическую культуру и структуру, и деятельность. Как Вы думаете, может ли быть такое, что для дальнейших

исследований политической культуры в частности и политических отношений в целом эти теории дадут новый потенциал?

[Е. Й. Вятр] Зависит от того, как применять теории. Ничего плохого не может быть от использовании какой-нибудь теории. Вопрос в том, что возникает в результате использовании теории.

[А. К.] Например, если политическую культуру изучать в подходах structure-agency, это – продолжение вопроса о роли личности в истории...

[Е. Й. Вятр] И структура, и культура – это массовые феномены. Теперь о роли личности. Конечно, личность, руководитель, работает в таких условиях, которые является результатом истории. И что касается, и структуры, и культуры, нельзя поставить личность как отдельный фактор – это просто на другом уровне. Если мы говорим о структуре или культуре, мы говорим о массовых феноменах. А здесь об индивидуальных факторах, роль великого руководителя – его нельзя поставить, ни по стороне структуры, ни культуры, это совсем другое измерение вопроса.

[А. К.] А, допустим, если фактор влияния институтов и фактор человеческий друг против друга? Тут можно будет изучать влияние институтов как structure, а agency – влияние человеческого фактора?

[Е. Й. Вятр] Что такое «человеческий фактор»? Институты не работают без людей. Конкретно, например, если Вы пишете о роли Верховного Совета, или Думы или Совета Федерации в системе Российской Федерации... Нельзя написать эту работу без того, как парламентарии функционируют потому, что система не работает без людей. То, что Вы называете «человеческий фактор» – это часть системы, и так же - часть культуры, т. к. культура не существует вне людей. Но есть другой вопрос, на который пытаюсь обратить внимание – фактор личности, руководства. Как организовать этот вопрос... Можно сказать, например, так: «В какой степени судьбы России изменились под влиянием политики президента, личности президента? В какой степени они развиваются просто как результат, или культуры, или структуры?» И это – эмпирическая проблема. Потому, что политическая культура не изменяется из года в год, она та же самая. Политическая система России изменилась глубоко в нач. 1990-х гг., между политической жизнью России сегодня и России 20-ть лет тому назад есть глубокая разница. И теперь можно подходить к этой разнице с такой точки зрения: исследовать влияние руководства. В какой степени разница между В. В. Путиным и Б. Н. Ельциным объясняет разницу между Россией сегодня и 20-ть лет тому назад.

[А. К.] В продолжение – Н. И. Кареев [16] писал, что история делается людьми, имея ввиду героев и толпу, совокупно. В качестве человеческого фактора он бы учитывал как руководителей, так и людей, которые либо протестуют, либо поддерживают власть. Это относится к институтам или лучше выделить отдельно?

[Е. Й. Вятр] Вы знаете, это один из таких великих вопросов философии истории, от Г. В. Ф. Гегеля начинается через Л. Н. Толстого, К. Маркса идёт эта концепция, что историю не делают даже великие герои, руководители. И есть много аргументов за это. Конечно, отдельные руководители не могут изменить историю конкретно – они не работают без этого массового фактора, с другой стороны, есть достаточно важная роль этих индивидуумов. В исторических вопросах надо не ид-

ти в направлении ни одного, ни другого экстремума. Один экстремум, что всё зависит от этих великих людей, а другой в том, что они просто – этикетки истории...

[А. К.] Насколько подход structure-agency распространён в Польше? Он используется в социологии и философии, или и в политологии тоже? В связи с тем, что в русском языке нет слова «agency», я спрашиваю о том, что это такое, у разных зарубежных учёных...

[Е. Й. Вятр] В Польше думаю даже, эту терминологию не используют. Я не вижу ничего специально важного, нового в этой терминологии.

[А. К.] А Э. Гидденс и М. С. Арчер воспринимаются там как что-то новое?

[Е. Й. Вятр] Что нового в этой терминологии кроме слова? Активная роль институтов – это конечно так... Но это не так контрастно...

[А. К.] По-польски «agency» - «sprawczość», что на русский язык переводится как «движущность», «созидательность»⁹. Насколько такая эквивалентность удачна?

[Е. Й. Вятр] В польской политологии не используется это, я не помню никакой работы, чтобы использовали эту концепцию, поэтому я даже не знаю, можно ли переводить с польского...

[А. К.] А «sprawczość» не встречали?

[Е. Й. Вятр] По-моему, нет такого слова в польском языке «sprawczość»...

[А. К.] Я ещё встречал перевод «agency» как «działanie»¹⁰, т. е. «деятельность». Иногда отождествляется.

[Е. Й. Вятр] «Активность», да, я согласен...

[А. К.] Получается, в Польше эти теории значительно меньше используются... Как Вы могли бы прокомментировать различия в посткоммунистических трансформациях России и Польши? В чём различия в факторах, этапах и результатах? Что необходимо делать людям, чтобы достичь лучшего социально-политического порядка?

[Е. Й. Вятр] Это очень сложный вопрос, это можно книгу написать. Есть великие различия объективные: прежде всего, и размеры стран, и сложный характер России. Это – не только страна великая, но и с очень гетерогенным населением – это всё объективные различия. Главная политическая разница – в России после первого конфликта была построена сильная президентская система, в Польше – парламентская система. Из этого возникают разные политические консеквенции. Одна из этих консеквенций – в Польше от начала перехода до сих пор 6 раз власть изменила руки. Значит, не только изменила лицо, но переходила от одной партии или коалиции партий в другие. 6-ть раз в эти 24-ре года. В России никогда власть не переходила из рук одной силы в другие. То, что Б. Н. Ельцин ушёл в отставку, В. В. Путин пришёл, – это не означало изменения политических сил. Можно ска-

⁹ Если перевести «sprawczy» («движущий», «созидательный» [14, т. 2, с. 360]) и учесть значение словообразовательного суффикса «-ość-» (суффикс «абстрактных, отвлечённых существительных» - [17, с. 71; 28, s. 106-112].

Есть так же перевод «sprawstwo» [32]. Приблизительный перевод «сделание», «совершение» (Если перевести «sprawczy» и учесть суффикс «-stwo» [28, s. 299-309].

¹⁰ Например, здесь [26]. «Działanie» эквивалентно русскому «деятельность» ([14, т. 1, с. 18].

зять, что последние более 20-ть лет власть в России находится в руках этого самого блока. Он может называться по-разному, но это этот самый политический блок сил, когда в Польше проводили изменения. Другая разница – позиция руководителей. Никто в Польше не имеет такой сильной позиции как президент В. В. Путин в Российской Федерации.

[А. К.] У нас есть одно исследование [15], сделанное в Институте Социологии РАН, с соавторами из разных регионов. О том, что современное российское общество оказывается специфическим в силу того, что высоко интегрировано на микроуровне и низко – на макроуровне, людям свойственно нарушать правила. Российское общество основано на коллективном нарушении правил. В этой связи у нас не возникает политики как конкуренции проектов и решений, но прогнозируют, что это будет меняться, политика будет появляться, сначала на микроуровне. Как Вы думаете?

[Е. Й. Вятр] По-моему, то, что нарушаются разные правила – это во всех обществах, у нас тоже...

[А. К.] Ещё отмечают, что в переходных обществах это происходит больше, с целью достижения стабильности...

[Е. Й. Вятр] Да, они нарушают, всё изменяется. Конечно, есть даже объективная статистика, уровень преступности увеличился во время перехода. Это нормально. Это не российский феномен, польский тоже. Это нормально, когда изменяются условия жизни.

[А. К.] А политика в смысле конкуренции проектов и решений, выработки общих решений на основе диалога, в Польше, как я понимаю, есть? Раз 6-ть раз менялись партии...

[Е. Й. Вятр] Это, конечно... Если изменяются политические силы власти, не только изменяются люди, изменяются и концепции. Например, у нас переходила власть от правого к левому, от левого к правому, даже внутри правого крыла были и есть разные концепции. Так что, это не просто колебание влево-вправо, но даже внутреннее.

©. Вятр Е. Й., Кучинов А. М., 2014.

©. Предисловие, комментарии – Кучинов А. М., 2014.

Литература

1. Веселовский В., Вятр Е. Формирование политических институтов Народной Польши // *Социологическая мысль в Польской Народной Республике* / Пер. с польского А. И. Анищенко. – М.: Издательство «Прогресс», 1968. С. 64-102.

2. Вятр Е. Восточная Европа: судьбы демократии / Пер. с польск. И. В. Ладодо // *Социологические исследования (Социс)*. - М.: ИС РАН, 1992. № 1. С. 6-19.

3. Вятр Е. Вторая мировая война и новый мировой порядок / Пер. с польск. И. А. Бортника // *Социология: Научно-теоретический журнал*. - Минск: БГУ, 2012. № 1. С. 16-26.

4. Вятр Е. Интеллигенция в Народной Польше // *Социологическая мысль в Польской Народной Республике* / Пер. с польского А. И. Анищенко. – М.: Издательство «Прогресс», 1968. С. 238-257.

5. Вятр Е. К вопросу о национальном единстве и культурном многообразии // *Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г.* / Науч. ред. А. С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2012. Т. 1. Доклады. С. 53-54.
6. Вятр Е. Местные элиты и демократические перемены (Польша, 1990-2002 гг.) // *Социологические исследования (Социс)*. – М.: ИС РАН, 2005. № 2. С. 15-21.
7. Вятр Е. Общественное мнение и теоретические проблемы социалистического государства // *Актуальные проблемы изучения и формирования общественного мнения, его использование в управлении социальными процессами* / Ред. кол. В. Г. Бритвин, В. С. Коробейников, Е. Г. Андрющенко, Е. И. Башкирова. – М.: ИСИ АН СССР, 1987. С. 151-158.
8. Вятр Е. *Польша и Россия в свете истории и современности*. – СПб: СПбГУП, 2013. 40 с.
9. Вятр Е. Польша-Россия: Национальные интересы или историческая память / Пер. с польск. И. А. Бортника // *Социология: Научно-теоретический журнал*. – Минск: БГУ, 2011. № 3. С. 23-35.
10. Вятр Е. Польша-Россия: Национальные интересы или историческая память / Пер. с польск. И. А. Бортника // *Социологические исследования (Социс)*. – М.: ИС РАН, 2013. № 3. С. 3-14.
11. Вятр Е. Правовая культура в постсоциалистических государствах // *Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16-17 мая 2013 г.* / Науч. ред. А. С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2013. С. 51-52.
12. Вятр Е. Роль США после периода гегемонии // *Социология: Научно-теоретический журнал*. – Минск: БГУ, 2011. № 4. С. 8-20.
13. Вятр Е. Й. *Социология политических отношений* / Пер. В. И. Скляр, А. Н. Николаев; ред. и предисл. Ф. М. Бурлацкий; ред. И. В. Колосова. – М.: Прогресс, 1979. 464 с.
14. Гессен Д., Стыпула Р. *Большой польско-русский словарь*. В 2-х тт. Около 8000 слов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.-Варшава: Русский язык-Ведза повшехна, 1979.
15. *Гражданское и политическое в российских общественных практиках* / Под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2013. 525 с.
16. Кареев Н. И. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. – 2-е изд., с доб. – СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1914. XII+574 с.
17. Киклевич А. К., Кожина А. А. *Польский язык*. – Изд. 3-е, стер. – Минск: ТетраСистемс, 2003. 320 с.
18. Мельвиль А. Ю. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*. – М.: Московский общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 108 с.
19. *Общедоступный сетевой архив фонда «Устная история»* [Сайт]. – режим доступа: <http://oralhistory.ru/>

20. Пшеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке* / Пер. с англ.; под ред. В. А. Бажанова. – М.: РОССПЭН, 1999. 319 с.
21. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // *Социологические исследования (Социс)*. – М.: ИС РАН, 2001. № 2. С. 3-12.
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // *Социологические исследования (Социс)*. – М.: ИС РАН, 2001. № 1. С. 6-16.
23. Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества*: Пер. с польск. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. 664 с. + 32 с. цв. вкл.
24. Adam Przeworski / The Wilf Family Department of Politics [Web page]. – URL: <http://politics.as.nyu.edu/object/AdamPrzeworski.html>. – Accessed: March, 20, 2014.
25. Almond G. A. The intellectual history of civic culture concept // *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. P. 1-36.
26. Chodak J. *Dylemat działania – struktura u teoretycznej refleksji nad rewolucją* // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio I. Philosophia-sociologia*. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. Vol. 33. S. 9-22.
27. *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. X+421 pp.
28. Grzegorzczak R., Puzynina J. *Slowotwórstwo współczesnego języka polskiego: Rzeczowniki sufiksalne rodzime*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. 324 s.
29. Guillermo O'Donnell / Kellogg Institute for International Studies [Web page]. – URL: <http://kellogg.nd.edu/faculty/fellows/odonnell.shtml>. – Accessed: March, 20, 2014.
30. Philippe C. Schmitter / European University Institute [Web page]. – URL: <http://www.eui.eu/DepartmentsAndCentres/PoliticalAndSocialSciences/People/Professor/s/Schmitter.aspx>. – Accessed: March, 20, 2014.
31. *Polskie Towarzystwo Nauk Politycznych* [Strona internetowa] - URL: <http://www.ptnp.org.pl/>. – Data zwrotu: 20 marca 2014 r.
32. *Sprawstwo. Teorie, metody, badania empiryczne w naukach społecznych* / Pod red. A. Mrozowickiego, O. Nowaczyk, I. Szlachcicowej. – Kraków: Nomos, 2013. 431 s.
33. *Sustainable democracy* / Ed. A. Przeworski. – Cambridge: Cambridge university press, 1999. XII+141 pp.
34. Wiatr J. J. The civic culture from a marxist-sociological perspective // *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. – Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. P. 103-123.
35. Wiatr J. J. *Europa pokomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku*. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe Scholar, 2006. 368 s.
36. Wiatr J. J. *Socjologia polityki*. – Wyd. 6. – Warszawa: Europejska wyższa szkoła prawa i administracji, 2009. 380 s.
37. Wiatr J. J. *Socjologia stosunków politycznych*. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1977. 573 s.

References

1. Weselowskiy W., Wiatr J. Formirovanie politicheskikh institutov narodnoy Polshi [Formation of People's Poland political institutions] // *Sotsiologicheskaya mysl v Polskoy Narodnoy Respublike* [Sociological thought in Polish People's Republic] / Transl. from Polish A. I. Anishchenko. – Moscow: “Progress” publishing, 1968. P. 64-102.
2. Wiatr J. Vostochnaya Evropa: Sudby demokratii [East Europe: The fates of democracy] / Translation from Polish I. V. Ladodo // *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis)* [Sociological researches (Socis)]. – Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 1992. No. 1. P. 6-19.
3. Wiatr J. Vtoraya mirovaya voyna I novyy miriviy poradok [The Second World War and new world order] / Transl. from Polish A. I. Bortnik // *Sotsiologia: Nauchno-teoreticheskiy jurnal* [Sociology: Scientific-theoretical journal]. – Minsk: Belorussian state university, 2012. No. 1. P. 16-26.
4. Wiatr J. Intelligentsia v Narodnoy Polshe [Intellectuals in People's Poland] // *Sotsiologicheskaya mysl v Polskoy Narodnoy Respublike* [Sociological thought in Polish People's Republic] / Transl. from Polish A. I. Anishchenko. – Moscow: “Progress” publishing, 1968. P. 238-257.
5. Wiatr J. K voprosu o natsionalnom edinstve i kulturnom mnogoobrazii [On the question of national unity and cultural diversity] // *Dialog kultur v usloviyakh globalizatsii: XII Mezhdunarodnyye likhachevskie nauchnyye chetiya, 17-18 maya 2012 goda* [Dialogue of cultures in the context of globalization: XII International Likhachev scientific readings, May 17-18, 2012] / Scientific ed. A. S. Zapesotskiy. – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2012. Vol. 1. Reports. P. 53-54.
6. Wiatr J. Mestnyye elity i demokraticheskiye peremeny (Polsha, 1990-2002 gg.) [Local elites and democratical changes (Poland, 1990-2002)] // *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis)* [Sociological researches (Socis)]. – Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2005. No. 2. P. 15-21.
7. Wiatr J. Obshestvennoye mneniye i teoreticheskiye problem sotsialisticheskogo gosudarstva [Public opinion and theoretical problems of socialistic state] // *Aktualnyye problemy izutcheniya i formirovaniya obshchestvennogo mneniya, yego ispolzovaniye v upravlenii sotsialnymi protsessami* [Topical problems of public opinion research and formation, its usage in the management of social processes] / Ed. board V. G. Britvin, V. S. Korobeynikov, Ye. G. Andrushchenko, Ye. I. Bashkirova. – Moscow: Institute of Social Researches of USSR Academy of Sciences, 1987. P. 151-158.
8. Wiatr J. *Polsha i Rossiya v svete istorii i sovremennosti* [Poland and Russia in the light of history and modernity]. – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2013. 40 pp.
9. Wiatr J. Polsha-Rossiya: Natsionalnyye interesy i istoricheskaya pamat [Poland-Russia: National interests and historical memory] / Transl. from Polish I. A. Bortnikov // *Sotsiologia: Nauchno-teoreticheskiy jurnal* [Sociology: Scientific-theoretical journal]. – Minsk: Belorussian state university, 2011. No. 3. P. 23-35.
10. Wiatr J. Polsha-Rossiya: Natsionalnyye interesy i istoricheskaya pamat [Poland-Russia: National interests and historical memory] / Transl. from Polish I. A. Bortnikov //

Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis) [Sociological researches (Socis)]. - Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2013. No. 3. P. 3-14.

11. Wiatr J. Pravovaya kultura v postsotsialisticheskikh gosudarstvakh [Legal Culture in Post-Socialist States] // *Dialog kultur: tsennosti, smysly, komunikatsii: XIII Mezhdunarodnyye likhachevskiy nauchnyye chteniya, 16-17 maya, 2013 goda* [Dialogue of cultures: values, meanings, communication: XIII International Likhachev scientific readings, May 16-17, 2013]. / Scientific ed. A. S. Zapesotskiy. – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, 2013. P. 51-52.

12. Wiatr J. Rol SShA posle perioda gegemonii [The role of USA after the period of hegemony] // *Sotsiologia: Nauchno-teoreticheskiy jurnal* [Sociology: Scientific-theoretical journal]. - Minsk: Belorussian state university, No. 4. P. 8-20.

13. Wiatr J. J. *Sotsiologiya politicheskikh otnosheniy* [Sociology of political relations] / Transl. V. I. Sklyar, A. N. Nikolayev; ed. and preface F. M. Bourlatskiy; ed. I. V. Kolosova. - Moscow: Progress, 1979. 464 pp.

14. Gessen D, Stypula R. *Bolshoy polsko-russkiy slovar* [The big Polish-Russian dictionary] In 2 volumes. – Edition 2nd, corrected and supplemented. – Moscow-Warszawa: Russkiy yazyk- Wiedza Powszechna, 1979.

15. *Grazhdanskoye i politicheskoye v risskiykh obshchestvennykh praktikakh* [The civic and the political in Russian social practices] / Ed. S. V. Patrushev. – Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. 525 pp.

16. Kareyev N. I. *Sushchnost istoricheskogo protsessa i rol lichnosti v istorii* [The essence of the historical process and the role of personality in history]. – The 2nd edition, with supplement. – Saint-Petersburg: Tipografia M. M. Stasulievicha, 1914. XII+574 pp.

17. Kiklevich A. K., Kozhinova A. A. *Polskiy yazyk* [Polish language]. – Edition 3rd, stereotyped. – Minsk: TetraSystems, 2003. 320 pp.

18. Melville A. Yu. *Demokraticheskiye tranzity (teoretiko-metodologicheskiye I prikladnyye aspekty)* [Democratistical transitions (theoretical-methodological aspects)]. - Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, Izdatelskiy tsentr nauchnykh I uchebnykh programm, 1999. 108 pp.

19. *Obshchedostupnyy setevoy arkhiv fonda «Ustnaya istoriya»* [Public Archive Network Found “Oral History”] [Web site]. – URL: <http://oralhistory.ru/>

20. Przeworski A. *Demokratiya i rynek. Politicheskiye reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoy Amerike* [Democracy and market. Political and economical reforms in Eastern Europe and Latin America] / Translation from English; under editorship of. V. A. Bazhenov. - Moscow: ROSSPEN, 1999. 319 pp.

21. Sztompka P. *Kulturnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (statya vtoraya)* [Cultural trauma in post-communist society (second article)] // *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis)* [Sociological researches (Socis)]. - Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2001. No. 2. P. 3-12.

22. Sztompka P. *Sotsialnoye izmeneniye kak travma (statya pervaya)* [Social change as trauma (first article)] // *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sotsis)* [Sociological researches (Socis)]. - Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2001. No. 1. P. 6-16.

23. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society] / Translation from Polish of S. M. Chervonnaya. - Moscow: Logos, 2005. 664 pp. + 32 pp. colored tabs.
24. Adam Przeworski / The Wilf Family Department of Politics [Web page]. – URL: <http://politics.as.nyu.edu/object/AdamPrzeworski.html>. - Accessed: March, 20, 2014.
25. Almond G. A. The intellectual history of civic culture concept // *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. - Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. P. 1-36.
26. Chodak J. *Dylemat działanie – struktura u teoretycznej refleksji nad rewolucją* [The agency-structure dilemma of the theoretical reflection on the revolution] // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Section I. Philosophia-sociologia* [Philosophy-sociology]. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. Vol. 33. P. 9-22.
27. *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. - Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. X+421 pp.
28. Grzegorzczkowska R., Puzynina J. *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego: Rzeczowniki sufiksalne rodzime* [Word-formation of contemporary Polish: Nouns suffixal native]. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. 324 pp.
29. Guillermo O'Donnell / Kellogg Institute for International Studies [Web page]. – URL: <http://kellogg.nd.edu/faculty/fellows/odonnell.shtml>. - Accessed: March, 20, 2014.
30. Philippe C. Schmitter / European University Institute [Web page]. – URL: <http://www.eui.eu/DepartmentsAndCentres/PoliticalAndSocialSciences/People/Professor/s/Schmitter.aspx>. - Accessed: March, 20, 2014.
31. *Polskie Towarzystwo Nauk Politycznych* [Polish Association Political Science (PTNP)] [Web site] - URL: <http://www.ptnp.org.pl/>. – Accessed: March 20, 2014.
32. *Sprawstwo. Teorie, metody, badania empiryczne w naukach społecznych* [Agency. Theory, methods, empirical studies in social sciences] / Ed. A. Mrozowiecki, O. Nowaczyk, I. Szlachcicowa. – Krakow: Nomos, 2013. 431 pp.
33. *Sustainable democracy* / Ed. A. Przeworski. – Cambridge: Cambridge university press, 1999. XII+141 pp.
34. Wiatr J. J. The civic culture from a marxist-sociological perspective // *The civic culture revisited: analytical study* / Gen. ed. Almond G. A., Verba S. - Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1980. P. 103-123.
35. Wiatr J. J. *Europa pokomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku* [Post-communist Europe. Changes of states and societies after 1989]. - Warszawa: Wydawnictwo naukowe Scholar, 2006. 368 pp.
36. Wiatr J. J. *Socjologia polityki* [Sociology of politics]. – Ed 6th. - Warszawa: Europejska wyższa szkoła prawa i administracji, 2009. 380 pp.
37. Wiatr J. J. *Socjologia stosunków politycznych* [Sociology of political relations]. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1977. 573 pp.

СЕДЬМАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ АССАМБЛЕЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Фахразеева С.Р.

В Пермском государственном национальном исследовательском университете 21-22 апреля состоялась VII Всероссийская Ассамблея молодых политологов.

Ассамблея организована кафедрой политических наук историко-политологического факультета ПГНИУ и Центром сравнительных исторических и политических исследований при поддержке фонда «Новая Евразия», Молодежным отделением Российской ассоциации политической науки и департаментом внутренней политики Администрации губернатора Пермского края.

Её участниками стали свыше сотни молодых исследователей – студенты, аспиранты и молодые учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Ижевска, Екатеринбурга, Краснодара, Нижнего Новгорода, Челябинска, Тюмени, Петрозаводска, Уфы, Якутска, Киева (Украина) и др.

В этом году организаторы, как обычно, предложили участникам разнообразие форматов – публичные лекции, панельные дискуссии, экспертные семинары, тренинги и ролевые игры. Как и в прошлом году, Ассамблея вышла за пределы университетского городка и переместилась в Музей современного искусства PERMM и Законодательное Собрание Пермского края. В очередной раз Пермская Ассамблея подтвердила свой статус «визитной карточки» кафедры политических наук ИПФ ПГНИУ и пермского отделения МО РАПН, став эффективной Всероссийской (с международным участием) площадкой взаимодействия молодых исследователей и экспертов.

На торжественной церемонии открытия с приветственным словом к участникам ассамблеи обратились проректор ПГНИУ, проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, доктор политических наук Дмитрий Георгиевич Красильников, вице-президент РАПН заведующий кафедрой прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Александр Юрьевич Сунгуров, председатель Пермского Молодёжного отделения РАПН Роман Андреев.

Пленарное заседание «Социальная миссия и социальная ответственность университетского и академического сообщества» открылось выступлением Любови Александровны Фадеевой, зав.кафедрой политических наук ПГНИУ, которая заострила внимание участников на дискуссии о «смерти университета», ведущейся на последние два десятилетия – от Рональда Барнетта до Ноэля Хомского. Фокус дискуссии сосредоточен на утрате университетом традиционных оснований социальной миссии и переосмыслению этих оснований. Ключевым в данной дискуссии является, на взгляд докладчика, акцент на необходимости смелого самосознания университетского сообщества, выстраивании им отношений с другими сообществами, умении говорить на понятном им языке. Дмитрий Георгиевич Красильников охарактеризовал роль университета в мировом контексте, особое внимание уделив третьей роли (миссии) университета, вариантам ее реализации и индикаторам эффективности. Докладчик поделился опытом ПГНИУ по разработке

стратегии развития и включения в нее третьей роли как интегрального элемента университетского развития. Завершили пленарную сессию презентации магистерских программ историко-политологического факультета ПГНИУ – по истории (Алексей Владимирович Гилев), политологии (Любовь Александровна Фадеева), ГМУ (Дмитрий Георгиевич Красильников), факультета политологии МГИМО (У) (к.пол.н., доцент Игорь Юрьевич Окунев) и Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ (Александр Юрьевич Сунгуров).

В рамках Ассамблеи состоялась VIII Всероссийская конференция «Современные политические реалии: взгляд молодых исследователей», на которой молодые исследователи представили результаты своих научных изысканий по различным направлениям политической науки.

Так, например, в рамках секции «Политическая коммуникация» участники Ассамблеи обсудили вопросы формирования единого информационного пространства, практик конструирования политической идентичности через телеканалы и коммуникацию общества с властью через «электронное государство». В секции «Политика: идеи, концепции, теории» в числе прочих обсуждались новые теоретические подходы к изучению взаимодействия власти и бизнеса, трансформация понятия «государственный суверенитет» в XXI веке.

Тренинг «Ролевая игра как формат проведения Ассамблеи», модератором которого выступила соискатель кафедры политических наук Юлия Гранатова, был посвящен тому, каким образом и для каких целей можно использовать ролевую игру в проведении молодежного научного мероприятия. Участников интересовали вопросы, как возникла идея игры, кто стал инициатором и диссеминатором, какие эффекты дает вовлечение такого формата. Модератор объяснила правила ролевой игры, предложенные на данной Ассамблее, пояснив особую важность принципа наделения всех участников ресурсами и возможностью ими свободно распоряжаться, что позволяет моделировать различные политические и социальные ситуации и проводить десятки «микро-экспериментов» за один-два дня конференции.

Тренинг по стратегическим коммуникациям в проведении университетом общественных мероприятий проводил Вячеслав Сергеевич Варанкин, начальник отдела по связям с общественностью ПГНИУ, который представил презентацию как основных принципов организации стратегических коммуникаций университетом, так и результатов работы пресс-службы ПГНИУ за последний год. В ходе тренинга обсуждались организационные, технические, политические, этические, финансовые аспекты заявленной проблемы.

Вторая половина первого ассамблейного дня началась интерактивной лекцией от Информационного центра Европейского союза при ПГНИУ и Лаборатории по исследованию идентичности кафедры политических наук университета посвященной выборам в Сербии в современном политическом контексте. Виталий Сергеевич Ковин, старший научный сотрудник отдела по изучению политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН поделился своим опытом наблюдателя на сербских выборах. По словам Виталия Сергеевича, большое значение на выборах в Сербии имеют этнические партии, которых в стране большое количество и регистрация которых проходит значительно проще, чем каких-либо других партий. Виталием Сергеевичем была отмечена и такая особенность сербских выборов, как

отсутствие строгой процедуры работы избирательной комиссии: распределение обязанностей и порядок подсчета голосов определяется на месте. В целом выборы в Сербии были охарактеризованы Виталием Сергеевичем как выборы «эконом класса», несмотря на наличие процедуры идентификации личности при помощи нанесения ультрафиолетовой краски на указательный палец каждому проголосовавшему, выборы организуются без такого размаха, как это принято в России.

Параллельно конференции молодых исследователей и лекции о выборах в Сербии прошла панельная дискуссия «Как объяснить политическую мобилизацию: исследовательские подходы и методы» Центра сравнительных исторических и политических исследований ПГНИУ. Участники семинара – авторы масштабных исследовательских проектов из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Тюмени и Киева рассказали о собственном видении ключевых понятий и исследовательских стратегий при изучении социальных движений и политической мобилизации. Были представлены материалы коллективного исследовательского проекта «Политика аполитичных», чьи результаты будут опубликованы в коллективной монографии в издательстве НЛЮ. А. Семёнов и О. Лобанова представили материалы своего проекта по исследованию динамики и фреймирования мобилизации в российских регионах. П. Лебедев рассказал о технических возможностях сбора информации через поисковые службы в сети на примере исследования мобилизации наблюдателей на московских выборах мэра в 2013. В качестве дискуссанта выступила Ирина Соболева – автор международных публикаций и участником нескольких крупных полевых исследовательских проектов (НИУ-ВШЭ, Колумбийский университет). Данная площадка обеспечила коммуникацию с коллегами со всей страны и также познакомила молодых заинтересованных исследователей с ключевыми идеями исследований¹.

По окончании насыщенного первого дня состоялось общее собрание МО РАПН и заседание Правления МО РАПН. На общем собрании МО РАПН были подведены итоги конкурса на лучшее молодежное отделение РАПН за 2013 год, где третье место заняло Ростовское РО МО РАПН, второе - Московское, и первое – Пермское региональное отделение МО РАПН. Молодые исследователи обсудили перспективы развития МО РАПН и вопрос включения в состав организации крымского регионального отделения.

Во второй день участникам был предложен мастер-класс «Организационное обеспечение мероприятий, поиск партнёров и площадок», который проводил Александр Юрьевич Сунгуров, заведующий кафедрой прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Он сосредоточил внимание на важности научной дискуссии и научной коммуникации для того, чтобы провести организационное обеспечение мероприятий. Важным эксперт считает мероприятия в качестве площадки для презентации результатов своего труда, своего коллектива. Особое значение имеет приобретение и сохранение научной репутации. Александр Юрьевич приводил множество ярких примеров из своей научной жизни и из опыта выдаю-

¹ Аннотации выступлений и презентации доступны онлайн: <http://comparativestudies.ru/archive/seminars/2014/mobilization.html>.

щихся ученых, что придало рассказу особую увлекательность и конкретность. Он считает необходимым сочетание хабов и научных дискуссий с культурной программой и эстетическими впечатлениями, сопряженными с мероприятием.

Параллельно проходило мероприятие эгалитарного клуба «txt-club» «Теллурия»: сейчас позднее, чем мы думаем? Идентичность и (пост)постсоветский постмодернизм в художественной литературе и политической реальности». Мероприятие началось с докладов Всеволода Дмитриевича Бедерсона, основателя клуба, ассистента кафедры политических наук и Всеволода Кировича Герасимова, магистранта НИУ-ВШЭ, и.о.вице-президента МО РАПН, которые создали основу для дискуссии о роли таких произведений как «Теллурия» Сорокина В.Г. и «S.N.U.F.F.» Пелевина В.О. в политической науке, и адекватности как источников для исследования современных реалий.

Лекция-тренинг по фандрайзингу социально значимых акций, экспертами которой стали Дмитрий Геннадьевич Жебелев, председатель благотворительного фонда «Дедморозим» и Мария Владимировна Ромашова, консультант Музея современного искусства «PERMM», привлекла интерес широкой аудитории. Дмитрий Жебелев рассказал о целях, принципах, ценностях и технологиях «Дедморозим». «Люди – важнее всего. Люди – главные. Быть на равных со всеми», – эти идеи и ценности были сопровождаемы конкретным рассказом о том, как организуется работа, набор волонтеров, определение алгоритма деятельности. Эксперт убежден, что фандрайзинг начинается с определения проблемы и постановки целей. Презентация результатов деятельности была убедительной и яркой. Мария Владимировна Ромашова выбрала в качестве кейса для разговора о фандрайзинге проведение акции «Ночь в университете». Фандрайзинг, по ее убеждению, начинается с френдрейзинга. Эксперт предложила ряд принципиально важных положений, которым нужно следовать, и дала пример наиболее характерных ошибок. В конце тренинга участникам было предложено провести мозговой штурм по поводу фандрайзинга для следующей ассамблеи.

Дискуссия «Патронаж и клиентелизм: мешки, кнуты и пряники» Центра сравнительных исторических и политических исследований началась с презентации новой магистерской программы «Современная российская политика в сравнительной перспективе», которая стартует с сентября 2014. Затем сотрудники Центра представили теоретическую модель собственного коллективного исследовательского проекта на суд публики. В частности, на обсуждение был вынесен новый формат прочтения патрон-клиентских отношений как одного из вариантов преодоления неопределенности. Наиболее активные участники дискуссии – эксперты А. Семёнов, К. Сулимов, Н. Борисова и другие – уточнили, как исследовательская модель может быть улучшена.

Далее Ассамблея «переехала» на площадку Законодательного Собрания Пермского края, где состоялся Круглый стол «Востребованность экспертного потенциала вузов и профессионального политологического сообщества», который модерировал Дмитрий Георгиевич Красильников, на этот раз в качестве Председателя Общественной палаты Пермского края. Эксперты обсудили вопросы о практиках взаимодействия политологов с региональным сообществом, механизмы и проблемы сотрудничества с региональными властями. Помимо участников Ассам-

блеи в круглом столе приняли участие представители Общественной Палаты Пермского края и Департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края.

Круглый стол завершился награждением победителей VII городской олимпиады по политологии, 5-го ежегодного конкурса научных работ молодых ученых имени Александры Хайдаровой «Выборы в современном мире», а также стратегической игры «Para bellum». Ролевая стратегическая игра «Para bellum» стала ярким элементом Ассамблеи, сопровождавшим все научные мероприятия в течение двух дней конференции. Участниками игры стали все участники ассамблеи, получившие ресурсы воображаемой страны, столкнувшейся с вызовами сепаратизма. Задачей игроков была разработка нового геополитического проекта страны, привлечение сторонников и продвижение по карте в сторону столицы. Игроки объединились в три команды, которые с переменным успехом захватывали различные квадраты на карте страны, победителем стала команда, занявшая 12 квадратов территории государства. В течение игры участники показали высокие переговорные навыки, способность моделировать сложные политические ситуации и предсказывать их исход, что стало ее наиболее значимым итогом.

В заключительном слове заведующая кафедрой политических наук университета Любовь Александровна Фадеева выразила уверенность, что в следующем году в Перми обязательно состоится VIII Ассамблея молодых политологов.

Десертом Ассамблеи стал круглый стол «Спящий миф»: развитие визуального образа Ленина в современной России, площадкой для которого выступил Музей советского наива. Дмитрий Евгеньевич Москвин, руководитель образовательных программ Государственного Центра современного искусства подробно и красочно рассказал о том, как развивался образ Ленина в постсоветской России. По его словам, образ Ленина превратился в «спящий миф», утративший свое прежнее содержание и ждущий своего перенаполнения и актуализации.

Отзывы экспертов и участников Ассамблеи:

Любовь Фадеева, заведующая кафедрой политических наук, Пермь: «Мы, пермяки, люди постоянные. И проводим уже седьмую подряд ассамблею, как всегда в апреле, как всегда в 20-е числа. Отметьте в своих ежедневниках, скажите друзьям – в следующем году в эти же дни состоится следующая ассамблея. Мы принимаем заявки не только на выступления с докладом, но и на мероприятия. Любой участник может предложить формат, тему, сценарий, у нас работает экспертный комитет, которые все это рассматривает и делает отбор. Программа формируется не только оргкомитетом, она формируется в том числе и участниками, поэтому и для нас бывают сюрпризы. Мы не всегда знаем, что нас ждет на том или ином мероприятии. Программа подготовлена – а что там внутри? Я буквально «разинув рот» слушала сегодня Дмитрия Жебелева и Марию Ромашову во время лекции по фандрайзингу. Я много что знаю о фандрайзинге, но это было для меня неожиданно. И это хорошо, когда есть неожиданности! Мы абсолютно открыты тому, чтобы вы предлагали свои идеи, замыслы».

Юлия Гранатова, Пермь: «В ассамблее мне нравится, что это всегда событие не только для Перми, а для множества городов. Ассамблея такая штука, которая

подтягивает к себе другие города. В этом году к нам приехали больше ста человек, это круто! Нравится, что есть возможность не просто послушать всех, а слушать лучших».

Михаил Турченко, Санкт-Петербург: «Могу высказать свое одобрение конференции. Мне очень понравились дискуссионты и модераторы, и были достойные доклады, организация неплохая».

Маргарита Завадская, Пермь: «Важно сказать, что представленные доклады были крайне неравномерными. Их сложно комментировать, есть приличные, а есть просто «ахтунг». При этом средний уровень докладов стал выше, чем в первых ассамблеях, но разрыв между лучшими и худшими стал значимее».

Михаил Черепанов, Тюмень: «На мой взгляд, ассамблея является тем событием, которое помогает нам расширять мотивацию студентов. Они смотрят, чем занимаются другие, и убеждаются, что то, чем они занимаются, востребовано. Это отличный способ познакомиться с коллегами и расширить представление о своих возможностях, построить стратегию дальнейшего образования, трудоустройства. Крайне нужная вещь для того, чтобы молодой политолог становился взрослым специалистом, который может действовать как самостоятельно, так и в команде, которая, кстати, как раз и формируется на ассамблее».

Кирилл Гонцов, Екатеринбург, президент МО РАПН: «От имени всего сообщества молодых политологов приветствую вас на столь долгожданном мероприятии. Всероссийская ассамблея молодых политологов для всех нас является ориентиром в научном календаре. И на это есть несколько причин. Одной из них является постоянство в непредсказуемости. Каждый год ассамблея даёт нам возможность взглянуть на самые актуальные проблемы современной политики через творческие и нестандартные форматы. Приезжая сюда, ты получаешь колоссальный заряд энергии, который питает нашу научную деятельность. Вот за это и не только от лица молодежного отделения РАПН хочется поблагодарить всех тех людей, которые приняли непосредственное участие в создании и развитии данной площадки».

Дмитрий Москвин, Екатеринбург: «Здесь не так много людей из других регионов, кто бывал на всех семи ассамблеях. Это всегда много неожиданностей, форматы разные, бывает и по три дня, когда мы выезжали в Пермь-36, и к этой практике выезда на значимые объекты нужно вернуться. Могу пожелать продолжения этого проекта. Сейчас много говорят о скрепах общества. Так вот, ассамблея – это настоящая политологическая скрепа».

Александр Сунгуров, Санкт-Петербург: «Очень важно продолжить те дискуссии, которые у нас здесь завязались, я сам готов продолжать и отвечать на любые вопросы. Коллеги из Башкирии интересовались, как быть, если нет понимания со стороны властей. Мой совет: приглашайте внешних экспертов, которые могут говорить больше, чем принято в ваших регионах. Это общий метод. Пермь – это место встречи, которое изменить нельзя. До встречи в Перми!».

Екатерина Семушкина, Анастасия Смолыгина, Тюмень: «Было очень много докладов и очень мало времени. Пермь организует много всяких мероприятий политологических, планируем приехать сюда на летние школы. И вполне вероятно, будем поступать в вашу магистратуру!»

Авторские справки

Wiatr Jerzy Jozef – Doctor of Sociology, Honorary Rector of the Higher School of Law and Administration in Warsaw, Professor Emeritus of Warsaw University.

Вятр Ежи Йозеф – доктор социологических наук, почтенный ректор Высшей школы права и управления в Варшаве, заслуженный профессор Варшавского университета.

rekrutacja@ewspa.edu.pl

Lezyer Victoria – PhD, doctor of philosophy, President of the association «Center of Culture and cognition». Lives and works in France.

Лезьер Виктория – PhD, доктор философских наук, Президент ассоциации «Центр культуры и познания». Живет и работает во Франции.

Азнабаев Салават – студент Исторического факультета, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Aznabaev Salavat – student of Historical faculty, South Ural State University (Chelyabinsk).

balakinvs@susu.ac.ru

Балашов Андрей Николаевич – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел).

Balashov Andrey Nikolaevich – Graduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Oryol).

andrew3333@yandex.ru

Ведмечкая Людмила Васильевна – кандидат политических наук, ассистент кафедры политического управления факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).

Liudmila Vedmetskaya Vasiljevna – PhD in Political Science, research assistant Department of Political Governance, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg).

vedmetskaya@gmail.com

Голубчиков Никита – магистрант кафедры Истории, Исторический факультет, Южно-уральский государственный университет (Челябинск).

Golubchikov Nikita – Master's student, Historical faculty, South Ural State University (Chelyabinsk).

balakinvs@susu.ac.ru

Казун Антон Павлович – магистрант кафедры экономической социологии факультета социологии, стажер-исследователь Международного центра изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Kazun Anton Pavlovich – Master's student, Sociology Department, Research assistant, International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University «Higher School of Economics» (Moscow).

kazun.anton@gmail.com

Коробкова Анастасия Дмитриевна – магистрант факультета социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

Korobkova Anastasia Sergeevna – master student, Sociology Department, National Research University «Higher School of Economics» (Moscow).

korobkova-n@yandex.ru

Кривоносова Юлия Сергеевна – студент отделения прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).
Krivosova Yuliya Sergeevna – student of political science, applied Political Studies Department, National Research University «Higher School of Economics» (Saint-Petersburg).
 krivosova-yuliya@yandex.ru

Писарчук Дария Игоревна – соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии факультета Истории, политологии и права, Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва).
Pisarchuk Dariya Igorevna – Graduant of the Department of Theoretical and Applied Political Science Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities (Moscow).
 dariat@mail.ru

Танаев Владимир Михайлович – магистр частного права, старший преподаватель юридического факультета Гуманитарного университета в Екатеринбурге.
Tanaev Vladimir Mikhailovich – Ph.D., senior lecturer at the law faculty Humanitarian University in Ekaterinburg.
 tvml6types@yandex.ru

Тимофеев Олег Анатольевич – кандидат исторических наук, Амурский государственный университет (Амур).
Timofeev Oleg Anatoljevich – PhD, Vice Dean for Research, School of International Relations, Amur State University (Amur).
 timooa@mail.ru

Тиняков Даниил Кириллович – студент отделения прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).
Tinyakov Daniil Kirillovich – student of political science, applied Political Studies Department National Research University «Higher School of Economics» (Saint-Petersburg).
 dk.tinyakov@gmail.com

Шевелёва Татьяна Николаевна – студент факультета международных отношений, Амурский государственный университет (Амур).
Sheveleva Tatiana Nikolaevna – student, School of International Relations, Amur State University (Amur).
 tanya-sheveleva@mail.ru

THEME OF THE ISSUE: CRIMEA «NEW POLITICAL REALITY»

Crimea: pro and contra (the review of the political press in France)

V.A. Lezyer

In article the review of the opinions published in the French press of March, 2014, devoted to the subject «Crimea» is given: from the statements condemning of action of Russia, to the analysis of the French political scientists, journalists, economists who seek to approach to this most difficult question of the present objectively.

Crimean abstracts

V.M. Tanaev

The article considers the problems of teaching of the situation in the Crimea for students-lawyers. As a methodological approach, a method of phenomenological modeling, in compliance with the construction of a phenomenological model of nuclei of the so-called «limited theories», which accurately describing the situation in private areas, do not claim to be universal. Based on this approach the situation in the Crimea is considered as a continuation of the General trends in the development of sensual culture, when economic globalization requires the creation of a common market, without state borders (de facto), which involved the legal mechanism of the priority of the principle of national self-determination and humanitarian prevention over the principle of territorial integrity (inviolability of borders) into geopolitical activity of leading States of the world development.

Crimean crisis of realism

D.K. Tinyakov

The given article is devoted foremost to evaluation of situation in Ukraine as an international and internal conflict. In the first part it is explored, whether the events could be describe as a revolution. For this, the author differentiate two processes: one in western and other in eastern part of Ukraine. And if former meets the meaning of notion of revolution, which exists in modern political theory and philosophy; the latter could be barely described using this term.

Then the events and the actors are more deeply analysed from the position of structural realism. The short predictions are given in the end. Different parts of the conflict were distinguished (USA, Europ, Russia, Ukrainian authorities). Then their interests and actions according to these interests are analysed.

At the end of the article the author tries to predict probable changes of situation within Ukraine and future shifts of Russia in the international arena.

Political dimension of the Crimea's integration into Russia or Russian standards of elections and party building in the Crimea

Y.S. Krivosova

The process of the Crimea's joining of Russia has not finished with the signing of the treaty, conversely, come into the main step: long-running and resource-demanding, multidimensional process of integration. To realize some processes of integration few years are demanded. However, some processes are developing rapidly. This article is devoted to the process of political integration, to be exact, cooptation of regional elites of new subjects of Russian Federation, preparing to elections and active party building in the region.

In this article those aspects are considered: factors and goals of holding of early elections (who and when took the decision about holding the early elections and what is the role of the Crimea in this process); active lawmaking of present parliament (who nowadays passes the laws, according to which the Crimea would function, why do these particular laws are passed); the question of the governor election (who according to new laws could run for elections and what is the procedure of elections), new party spectrum of the Crimes (how do the parties create now, what Russian parties co-opt regional elites, have the regional elites any possibility to avoid cooptation and building a new party).

Creating institutional design of elections have similarities with some subjects of Russian Federation. In particular, there is the strong similarity of electoral system of the Crimea with ones of republics of Northern Caucasias.

Due to analysis of party-building process it is revealed that parties in the Crimea nowadays are building on the federal level. As an example, case of forming regional subdivisions of United Russia in 15 days after referendum, cooptation of regional leaders as the directors of these subdivisions is analyzed.

It is also recognized in the article that present institutional norms, adopted by the Crimea's Parliament, destimulate independent party-building. As an example, the norm of governor balloting is analyzed.

Thereby, the goal of this paper is to analyze the present opportunities of the Crimea and Sevastopol implement independent policy in the question of the creation of new party and electoral systems.

Identity and spatial myths in the nation-building of modern Ukraine

R.U. Batishchev

This article raises the problems of the forming of spatial myths and nation-building, which are the central problems in a new enough section of geopolitics – critical geopolitics. Mentioned problems are considered with reference to actual events in Ukraine, where there are large-scale centrifugal processes, which have resulted in an armed confrontation. It is emphasized that the secession of Crimea and the armed conflict in the south-east of Ukraine are the results of not only the ultranationalism of a new Kiev's government, but rather the results of the different civilizational identities of different parts of the country.

The main thesis of the article: the failure of the nation-building project in Ukraine is determined by the clash of different civilizational identities: European and Russian.

Historical facts evidence that Ukrainian territory is always the conglomeration of ethnos and cultures. But the Crimean peninsula was the most inappropriate region within the political boundaries of modern Ukraine because of geopolitical apartness, the variety of ethnos and a strong local identity (its own ancient and rich history). That is why during the crises of Ukrainian statehood Crimea was the first that declared its secede from the country. Inclusion Crimea in Russia is determined by geopolitical logic and it strengthens the security of Russia at southwest borders. Dominating spatial myths of undoubted belonging to Russia promote to the Crimean events.

Present situation in Ukraine is the brightest significative of the failure of Ukrainian nation-building project, which was being realized by the elites more 20 years. There are two major reasons of such result in this article:

1) Kiev's elite were making a negative identity, that expressed in anti-Russian domestic and foreign policy, with the presence of significant part of Russians and Russian-speaking people. It is also emphasized that anti-Russian orientation is typical for all the periods of Ukrainian independence.

2) the people, who were being formed in Ukrainian political nation, classify themselves as different civilizational identities. But pro-Russian east of Ukraine is stronger in demographic, economic and electoral aspects, that makes permanent political instability.

On the base of the analysis of spatial myths in the country the following conclusions were made:

Firstly, Ukrainian nation-building project can be recognized as a failure because elite does not formulate the cultural and historical meaning of the existence of Ukraine. Negative identity torn the significant part of Ukrainian people away from the centre, ideological and political activities of Kiev's elite were against the identity of south-eastern and Crimean people.

Secondly, with reference to not only Ukraine, it is considered that in modern world nation-state identity gives way to civilizational identity. The clash of civilizations predicted by scientists two decades ago begins to show itself in certain political actions.

In the final of the article it is said that Russia, that positions as a new Eurasian center of power, should build up its own strong civilizational identity.

RESEACHING

A.D. Korobkova

This article provides an analysis of the debate on Russia's WTO accession in the press for three years (from December 2010 to December 2013). Thus, we pay attention to two periods: one and a half years before and one and a half years after the Russia's formal accession to the WTO. Method of investigation is the content analysis of articles in the popular mass, business and socio-political magazines and newspapers. The sample of newspapers and magazines was formed on the basis of the rating TPR. We selected and analyzed 397 articles from 9 most popular publications.

In this article we pay particular attention to positions of the parties of discussions and analyse their arguments for or against Russia's accession to the trade organization as well as mutual claims. In the period prior to entry, most often politicians and officials used the following arguments: entry to the WTO will lead to an increase in foreign investment, will stimulate the development of domestic production and lower prices, will form clear and transparent rules of business and trading activity, raise the prestige of the country to catch up world leaders. In addition, politicians have talked a lot about favorable conditions of Russia's accession to the WTO. The only one negative effect of which was recognized representatives of this group - loss of tax revenue. Representatives of the business operated primarily economic arguments. Arguments journalists were most abstract, that casts doubt on their competence with respect to the topic.

Since then, the situation has changed. So, businessmen have focused on the effects of WTO accession for producers. Journalists evaluated the potential consequences for consumers (price changes, etc.). While politicians and experts mainly talked about the impact of this step on the economy as a whole (for example, possibilities of growth of foreign investments).

Apart from the fact that politicians, business representatives and experts expressed in public space their opinion on Russia's WTO accession, they also expressed dissatisfaction with the actions each other. The greatest number of accusations was directed against the politicians. Thus, economists have criticized the authorities of incompetence, ignorance of the basic conditions of WTO. While business representatives noted that politicians didn't provide clear and complete information about the conditions of membership in the organization, as well as lack of state support for distressed industries. However, business representatives also were criticized. So, representatives of this group are criticized for trying to implement an industry lobbying. Whereas policy funding charges of information concealing, businessmen criticized for not attending meetings of entrepreneurs, which were discussed and conditions for accession to the organization.

THE NEW VECTORS

Information Technologies in Russian political parties activity: features and development trends

A.N. Balashov

The author considers some of the features of information technologies used by Russian political parties. In Russia, the main means of influencing the voters are the traditional information technology. However, the author shows that the proportion of Internet technologies increases. The author also pays attention to the new network political parties.

The role of a network party brand in the development of modern state and society

D.I. Pisarchuk

In modern society development relating to the post-industrial era, several factors are becoming increasingly important that characterize different aspects of party brand in a network environment, the consideration of which should be based on characteristics of the impact of these technologies – network audience.

In some aspects the target audience of the Internet is significantly different from the «offline» portion of the electorate that continues using of paper media, preferring traditional contacts. Today, humanity can not imagine life without electronic devices. According to a UN resolution of June 3, 2011 the Internet declared a basic human right. So the average age of Internet users is growing, that certainly is a measure of the impact of network space. Progress gives good results – so, a few decades ago, people had no idea how to make an important transaction or process of buying – selling from your own house, but now it is becoming possible consumption of online services in almost of all spheres of society. In 2000, Russia released a draft federal law «On State Policy of the Russian Federation on the development and use of the Internet», which caused a lot of questions regarding compliance with the Constitution of the Russian Federation and received the status of incomplete, that somehow shows that not only international community have the interest of this issue, but also the country does.

Today people are active users of social networks, that is showing interest in the new trends. Thus, in 2010 there was a successful service – Instagram – a free application for sharing photos and videos, allowing users to take pictures, applying filters, and distributing them through your service and a number of other social networks. It is becoming so popular that in 2012 Facebook bought mobile adjunct, preferring to make it as own part, and not as a direct competitor. In fact, mobile devices are beginning to displace computers, which is the next stage in the development of the information society. These facts demonstrate the start of

increasing public interest in innovation - one of which this phenomenon of network party brand can successfully be.

Modern information and communication technologies are intensively deepening into many aspects of Russian society, having the advantages and disadvantages, like most social phenomena, the sign of which idealization would become the starting point for stagnation processes.

Role of the Dynamic Capacities' Concept in the Research of the State Development Problem in Contemporary Political Science

L.V. Vedmetskaya

In post-crisis world the ability of modern state to be competitive on the international level depends on its capacity to be flexible and proactive in instable environment (in decision-making process, carrying out the reforms, etc.). State capacities became the object of research in political science as the private firms became the object of research in strategic management. Modern organizations are influenced by quickly changing environment in a situation of limited resources. The concept of Dynamic Capacities has become demanded in political science for studying strategic changes of different types of the state activity since the beginning of the 2000th. It focuses attention on the flexibility, efficiency and competitiveness of institutes and instability of environment. The wide use of this term was established thanks to the transformation of methodological bases of public management: theoretical transition from the concept of New Public Management to the concept of Political Networks and integration of these two concepts into the concept «Governance». The concept of «Governance» became the base for further researches of the state capacities.

The concept of dynamic capacities of the modern state pays attention not only to the economic efficiency, but also to the social efficiency. This fact allows us to concentrate attention to the processes of coordination of social interactions, especially in the field of public policy. The integral element of dynamic capacities of the states is the ability to change social and political systems in the case of environmental changes to adapt and develop. Therefore such phenomena as dynamic capacities and policy of development of the state are tightly linked and have to be studied in complex. Dynamic capacities of the state are the condition for successful realization of the development policy as it provides flexibility and efficiency of functioning of all system. The choice and acceptance of development strategy depends on priorities in the policy of the state including political, social and economic development and development of theories, hypotheses, models, methods and the empirical researches devoted to a problem of development of the state.

State, Violence and Business: Strategies of Business Capture, Techniques of Protection and the Role of Business Associations

A.P. Kazun

We analyze the problem of the pressure on Russian business in the context of development of strong business associations such as «Business Russia» and «Business Solidarity» which take over the function of entrepreneur's protection. Over the past 20 years Russia has gone through several stages of development of relations between the state and business. Strategy of interaction between business and the state were gradually shifted from the individual to the collective and from private to public. This fact determines the growing role of business associations in modern Russia. At the same time the problem of military pressure on business remains extremely relevant for Russia. In this article we use «case study» strategy. Using the base of print media «Integrum» we consider 28 examples of pressure on business in Russia from 2009 to 2012, with were discussed at the Public Council of Center of Public Procedures «Business against Corruption» (non-governmental organization, with were established in 2011 on the basis of «Business Russia» and supported by the Ministry of Economic Development). After the analysis of 135 articles from regional and national newspapers about raider attacks we have identified the main tools used by raiders to pressure on entrepreneurs and to capture business. We also tried to set the logic of their application. In addition, we have identified the main business protection strategy implemented by entrepreneurs. Raiders in Russia in 2000's are direct successors of «violent entrepreneurs» 1990's and therefore use number of violent instruments. We find out that the main tactic of hostile takeover is to use successively psychological, economic, and, finally, legal instruments. The use of particular methods of pressure on business is predetermined by resources available to the raiders. Each tool applies is used on one of three phases («ultimatum», «siege», «capture») and has a defined purpose. Most successful defending strategy is a transition from individual actions to public actions. Most successful examples of business protection s included the attraction of mass media attention; appeal to of Center of Public Procedures «Business against Corruption»; and in some cases organization of public

events. Finally, we come to the conclusion that the possibilities of business associations are limited by the fact that their intervention usually occurs only at last stage of business capture. But at the same time we consider the appearance of protection mechanisms through business associations as a positive step.

«Soft charm» of the red-and-yellow dragon: foreign policy of the people's Republic of China at the beginning of the 21st century

T.N. Sheveleva, O.A. Timofeev

Recently the development of international relations demands new approaches from leading states of the world. Chinese scholars actively search for models of the most appropriate conformity of growing economic power and «soft» power of the country to its national interests and needs of international community. At the same time China realizes a strategy of harmonious world which reflects efforts to find new models of cooperation in the period of globalization. The concept of «soft» power facilitates forming favorable conditions for achievement of multi-level consensus between various actors of international relations. It is obvious that the main purpose of this policy is to create the most favorable conditions for the expansion of Chinese influence here. The author analyses the behavior of China in bilateral relations with its neighbors in political, economic and cultural fields.

HISTORICAL POLITOLOGY

Formation and development of human capital ural (1991-2000). On the problem.

N.S. Golubchikov

The article discusses the main historical and theoretical problems of human capital formation in the period 1991-2000. The basis for understanding the problem is the author of modernization theory, historical and anthropological approach. Modernization theory will help to identify trends in the development of the industrial base, and the education system, which will allow a better understanding of the dynamics of the content and contradictions of the development of these areas. To determine the factors influencing the dynamics of human capital will be used theoretical principles of cultural anthropology that will help reveal the structure of ideology, professional knowledge, economic thinking and motives of employees in manufacturing, services and education.

Party-state frame in the USSR: selection, training and placement (1980 – early 1990's).

S.R. Aznabaev

The article deals with the phenomenon of the Soviet party-state control system, which is based on the personnel policy. It was sold through the range is a list of the most important positions on the candidates who have previously been considered, recommended and approved by the party committees. In the nomenclature of the party press was considered only as a system of accounting and distribution of decision-makers and their reserve.

INTERNATIONAL COOPERATION

Interview with Professor Jerzy Jozef Wiatr

Jerzy Jozef Wiatr

Kuchinov A.M. talked

In order to give lectures to students in the course of political sociology at the Faculty of Political Science, Moscow State University named after MV Lomonosov came Vyatr E. J. – Professor Emeritus of the University of Warsaw (Poland).

In terms of scientific contacts Russia and Poland united not only by common socialist past, but also the similarity of today's research subjects - the post-communist transition of society, why are supported and established contacts with Polish scientists. Due to the fact that we have high hopes for the possibility of cooperation with Polish political science.

EVENTS

Seventh National Assembly of Young Political Scientists

Fahrazeeva S.R.